

ВОР

Таррин
Фишер

Таррин Фишер

«ВОР»

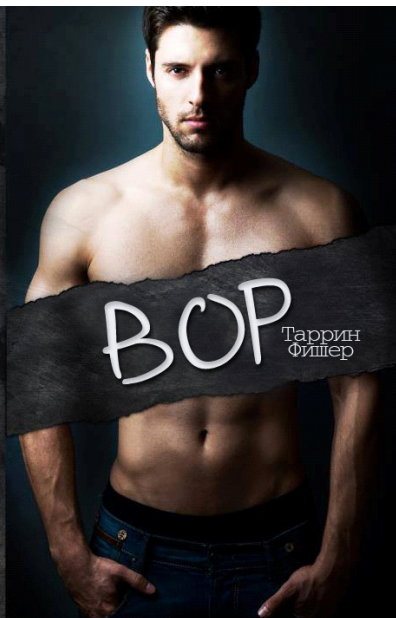
Люби меня во лжи — 3

Заметка

Любовь терпелива и добра.
Любовь не превозносится и не хвастается.
В любви нет места для высокомерия; она никогда не бывает грубой, кричащей или неприличной - это не самолюбование.
Любовь трудноразрушима.
Любовь не заблуждается.
Любовь верит, надеется и терпит несмотря ни на что.
Любовь никогда не устаревает.
И я буду бороться за нее.

Вор

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ <https://vk.com/hushrussia>

Автор: Таррин Фишер

Рейтинг: 16+

Серия: Люби меня во лжи #3 (про одних героев)

Номер в серии: 3

Главы: 39 глав + Эпилог

Переводчик: lizzy17

Редакторы: Оля Расторгуева

Вычитка: Екатерина Лигус

Оформление и обложка: [unreal]

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения

переводчиков запрещено!

АННОТАЦИЯ:

Заметка

Любовь терпелива и добра.

Любовь не превозносится и не хвастается.

В любви нет места для высокомерия;

она никогда не бывает грубой, кричащей или неприличной — это не самолюбование.

Любовь трудноразрушима.

Любовь не заблуждается.

Любовь верит, надеется и терпит несмотря ни на что.

Любовь никогда не устаревает.

И я буду бороться за неё.

Вор

Калеб Дрейк никогда не мог оставить позади свою первую любовь. Ни тогда, когда женился. Ни тогда, когда она вышла замуж. И вот, когда внезапно жизнь радикально меняется, Калеб должен решить, как далеко он готов зайти, чтобы заполучить равнодушную и очаровательную Оливию Каспен назад. Но у каждого действия в этой жизни есть свое последствие, и вскоре Калебу предстоит узнать, что иногда за любовь приходится платить непомерно высокую цену.

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Настоящее

Оливия. Я терял ее трижды. В первый раз это произошло из-за нехватки терпения. Во второй раз это случилось из-за лжи, которая была настолько плотной, что мы не смогли проложить себе путь сквозь нее, и в третий раз — в этот раз — я потерял ее из-за Ноя.

Ной. Хороший парень. Я проверял его. По всем возможным источникам. Но, даже если бы этот парень оказался наследником британского престола, он все равно бы был недостаточно хорош для нее. Оливия — произведение искусства. И нужно понимать, как лучше интерпретировать ее, чтобы разглядеть красоту, скрывающуюся под резкими

штрихами ее личности. Когда я думаю о нем, как о ее спутнике жизни, то не могу сдержать в себе желание ударять его кулаком по лицу до тех пор, пока на нем не останется ни одного живого места.

Она моя. Всегда была моей и всегда ею будет. Мы разбегались в противоположных направлениях на протяжении последних десяти лет, и все равно сталкивались друг с другом на каждом шагу. Иногда это происходило из-за того, что мы сами искали друг друга, а порой из-за того, что судьба сводила нас вместе.

Существует такой вид любви, который накладывает отпечаток на вашу душу, и вы готовы пойти на все, лишь бы снять заклинание, которым она окутала вас. Я много раз пытался изменить себя, пытался избавиться от нее снова и снова, но все попытки оказались тщетными. Её в моих венах больше, чем крови.

Я вижу ее сейчас; её показывают по телевизору.

Весь семидесяти двух дюймовый экран заполнен Оливией: черные волосы, нечитаемый взгляд, рубиново-красные ногти, которыми она постукивает по стоящему перед ней столу. Шестой канал освещает последние новости. Добсон Скотт Орчард — печально известный насильник, похитивший восемь девушек за последние двенадцать лет, предстанет перед судом ..., и Оливия будет защищать его. Мой живот скрутило. Тот факт, что она решила защищать этого человека, находится выше моего понимания. Возможно, презрение к самой себе подталкивает её на защиту подобных личностей. Однажды она защищала мою жену и, к слову, выиграла дело, хотя могла бы и оставить её за решеткой лет на двадцать. Сейчас же она спокойно сидит рядом со своим клиентом, часто наклоняясь в его сторону, чтобы сказать ему что-то на ухо, пока они ждут появления присяжных, готовых вынести свой вердикт. Я допиваю уже второй стакан виски. Не знаю, переживаю ли я так за неё или же из-за неё. Устремляю взгляд к её рукам. Вы всегда можете понять, что на самом деле испытывает Оливия, взглянув на её руки. Она перестала стучать пальцами по столу. Вместо этого она сжала ладони вокруг своих крошечных запястьев, положив их на край стола, словно они были скованны цепью. С высоты полета камеры я замечаю обручальное кольцо на её

пальце. Наливаю себе еще один стакан виски, выпиваю его и бросаю бутылку в сторону. Камера переключается на комнату для журналистов, в которой специальный корреспондент сообщает о том, что присяжные совещались около шести часов и сейчас готовы озвучить свой вердикт. Внезапно он вздрагивает в кресле, словно кто-то напугал его. Присяжные прошли в зал судебного заседания, где через пару минут судья зачитает вердикт.

Я наклоняюсь вперед в своем кресле, опираясь локтями о коленки. Мои ноги трясутся — так всегда происходит, когда я нервничаю — и мне хочется, чтоб у меня в руке оказался еще один стакан, наполненный виски. Все в зале встают. Добсон возвышается над Оливией, которая выглядит крошечной фарфоровой куклой рядом с ним. На ней синяя шелковая блузка моего любимого оттенка. Ее волосы собраны сзади, но несколько прядей выбиваются из заколки и вьются, обрамляя лицо. Она невероятно красивая. Я опускаю голову, желая избежать воспоминаний. Но они всё равно всплывают в памяти. И в каждом из них доминируют её кудрявые длинные волосы. Я вижу их на своей подушке, в своих руках, в бассейне, где я впервые поцеловал её. Первое, что вы заметите, когда увидите её, э т о невысокая девушка, окруженная копной волнистых темных волос. После того, как мы

расстались, она постриглась. Я практически не узнал её в музыкальном магазине, в котором мы с ней столкнулись. Изменения в её внешности и побудили меня солгать. Мне захотелось узнать поближе Оливию, которая отрезала свои волосы и солгала, когда проходила мимо меня в помещении магазина, сделав вид, что совсем меня не знает. Ложь, которая звучит настолько безумно, что это заставляет тебя желать и любить эту лгущую женщину. Но Оливия любит тебя во всей этой лжи. Она врет о своих чувствах, о том, как ей больно, когда она говорит, что не хочет тебя, хотя на самом деле все обстоит совсем иначе. Она лжет, чтобы защитить тебя и себя.

Я наблюдаю за тем, как она неторопливо убирает прядь волос за ухо. Для непосвященного взгляда, это обычный женский жест, но я вижу, как ее запястье дрожит. Она взволнована.

Я улыбаюсь. Улыбка спадает с моего лица, когда судья зачитывает: «Невиновен в связи с невменяемостью». Господи, она это сделала. Я запускаю пальцы в волосы. Не знаю, хочу ли образумить её или поздравить. В удивлении вскинув брови, она откидывается в кресле. Все спешат обнять её и похлопать по спине. Её волосы еще сильнее выбиваются из прически, пока она принимает поздравления. Добсон будет отправлен в больницу

для душевнобольных вместо федеральной тюрьмы. Я жду, когда она обнимет его, но она держит дистанцию, послав в его адрес натянутую улыбку. Камера переключается на прокурора; он в ярости. Все в ярости. Она наживает себе врагов — такая уж у неё особенность. Мне хочется защитить её, но она не моя. Надеюсь, Ной справится с этой задачей.

Я хватаю ключи и выхожу на пробежку. Воздух влажный; он пульсирует, отвлекая меня от своих мыслей. Вспотев, едва только выйдя из дома, я сразу поворачиваю налево, направляясь к пляжу. Час пик. На дорогах пробки. Я перебегаю дорогу перед капотами машин, не обращая внимания на возбужденные взгляды, которые провожают меня на всем пути следования. «Мерседесы», «БМВ», «Ауди» — люди, живущие в моем районе, не ограничены в финансах. Во время бега мне становится лучше. Моя квартира находится в миле от пляжа. Нужно пересечь два канала, чтобы попасть туда. Я бросаю свой взгляд на пришвартованные яхты, с трудом успевая увернуться от пары надвигающихся колясок, и

вспоминаю о своей лодке. Уже много времени прошло с тех пор, когда я в последний раз работал над ней. Возможно, провести день на лодке — это как раз то, что мне сейчас нужно. Достигнув воды, я резко сворачиваю налево и бегу вдоль берега. Здесь я справляюсь со своей яростью.

Я бегу до тех пор, пока не становится трудно продолжать движение, и тогда я сажусь на песок, тяжело дыша. Нужно взять себя в руки. Если я и дальше буду погружаться в водоворот мыслей, то никогда не смогу уже из него выбраться. Вытащив телефон из кармана, я нажимаю клавишу вызова. Моя мать отвечает, тяжело дыша, словно только что занималась на своем эллиптическом тренажёре. Мы соблюдаем определенные тонкости в общении. Не важно, что происходит и каким отчаянным будет мой голос, моя мать всегда вежливо спросит, как я, а затем коротко расскажет о своих розах. Я жду, пока она закончит, а потом говорю более сдавленным голосом, чем собирался:

— Я планирую согласиться на работу в Лондоне.

С минуту длится шокированное молчание, а затем она отвечает. Ее голос звучит чрезмерно счастливо.

— Кaleb, это верное решение. Слава Богу, тебе снова сделали это предложение. Отказавшись в прошлый раз от такой возможности ради той девчонки, ты совершил ошибку....

Я перебиваю её, сказав, что перезвоню ей завтра после разговора с лондонским офисом. Бросив последний взгляд на океан, я возвращаюсь домой. Завтра я уезжаю в Лондон.

Но этого не происходит.

Я просыпаюсь от стука. Поначалу, мне кажется, что в моем доме ведется ремонт. В квартире №760 переделывают кухню. Я прячу голову под подушку, но даже это не может заглушить звук. Ругаясь, я отшвыриваю подушку в сторону. Стук раздается где-то поблизости. Я перекатываюсь на спину и начинаю прислушиваться. Комната начинает вращаться вокруг своей оси. Слишком много виски. Опять. Стук исходит со стороны входной двери. Свесив ноги с кровати, я поднимаю с пола и надеваю серые пижамные штаны, после чего встаю и прохожу через гостиную, раскидывая в стороны обувь и груды одежды, которые накопились за неделю. Я распахиваю дверь, и все замирает. Дыхание... сердцебиение... мысли.

Пока мы оцениваем друг друга взглядом, никто из нас не произносит ни слова. Потом она отталкивает меня в сторону и начинает ходить по моей гостиной, словно её появление здесь — самая естественная вещь на свете. Я все ещё стою у открытой двери, в замешательстве наблюдая за ней, когда она поворачивается ко мне. Мне требуется около минуты, чтобы начать разговор и осознать, что это происходит на самом деле. Я слышу, как в квартире надо мной что-то сверлят. Вижу птицу, пролетающую по небу прямо за моим окном, но говорю себе, что из-за её появления все мои чувства обманывают меня. Она не может находиться здесь, только не после всех этих лет.

— Что ты здесь делаешь, Герцогиня?

Я впитываю её в себя, поглощаю. Она выглядит слегка маниакальной. Её волосы заплетены в косу, которая спускается вниз по спине, но некоторые пряди выбились, обрамляя её лицо. Её подведенные тенями глаза переполнены эмоциями. Я никогда прежде не видел, чтобы она так красилась. Она широко разводит руки; жест недовольства. Я готовлюсь к потоку ругательств с ее стороны, которые обычно сопровождают её злость.

— Что? Ты больше не убираешься?

Не совсем то, чего я ожидал. Захлопываю ногой дверь и провожу рукой по шее. Я не брился уже три дня, и все, что на мне сейчас надето, это лишь пижамные штаны. Моя квартира напоминает общежитие колледжа.

Я скромно пробираюсь к дивану, словно это не моя гостиная, и сажусь. Мне не комфортно. Я сижу и наблюдаю за её походкой.

Внезапно, она останавливается.

— Я выпустила его, вытащила этого чертова психопата ! — произнося последнее слово, она ударяет кулаком по своей раскрытой ладони. Коснувшись ногой пустой бутылки виски, она толкает её в сторону. Бутылка катится по деревянному полу, пока не исчезает под столом.

— Что, черт побери, с тобой происходит? — спрашивает она, оглядываясь вокруг.

Я облокачиваюсь на спинку и обхватываю шею руками, пытаюсь оценить ее глазами весь масштаб бедствия, творящегося в моей квартире.

— Надо было думать об этом, прежде чем браться за это дело.

Она выглядит так, словно вот-вот меня ударит. Её взгляд скользит по моим волосам, затем спускается к бороде, немного задерживается на груди и снова возвращается к лицу. Внезапно, она отрезвляется. Я вижу, как осознание того, что она пришла сюда, хотя ей и не следовало этого делать, заполняет её глаза. Мы начинаем двигаться одновременно. Она несется к двери; я вскакиваю и блокирую её.

Она сохраняет дистанцию, прикусив нижнюю губу. Подведенные глаза теряют уверенность.

— Твой ход, — говорю я.

Я вижу комок, застрявший в её горле, пока она пытается проглотить свои мысли и наши десять лет.

— Хорошо... хорошо! — наконец, произносит она, после чего обходит диван и садится в кресло. Мы начинаем нашу обычную игру в кошки-мышки. Мне комфортно в такой обстановке.

Я сажусь на диван и выжидающе смотрю на неё. Большим пальцем она вращает свое обручальное кольцо. Она замечает, что я наблюдаю за ней, и останавливается. Я практически смеюсь, когда она съезжает к подножию кресла и откидывается назад.

— У тебя есть «Кола»?

Я встаю и достаю для неё бутылку из холодильника. Я сам не пью «Колу», но она всегда есть в моем холодильнике. Может быть, для неё, я не знаю. Она открывает крышку, прижимает горлышко к губам и начинает пить большими глотками.

Когда она заканчивает, то вытирает тыльной стороной руки рот и смотрит на меня, словно я змея. Хотя змея тут она.

— Может, попробуем быть друзьями?

Я развожу в стороны ладони и наклоняю голову так, словно не понимаю, о чем она говорит. Хотя, честно говоря, я всё понимаю. Мы не можем держаться в стороне друг от друга, поэтому какая у нас может быть альтернатива? Она икает от колы.

— Знаешь, я никогда не встречала человека, который говорит столько же, сколько и ты, при этом не произнося ни единого слова.

Я ухмыляюсь. Обычно, если я позволяю ей выговориться, не перебивая ее, она рассказывает мне гораздо больше, чем планирует сама.

— Я ненавижу себя. Я та, кто вышвырнула Кэйси чертову Энтони на улицу. (Прим. Кейси Энтони были предъявлены обвинения в убийстве своей дочери — двухлетней Кэйли Энтони. Несмотря на то, что все улики указывали на то, что девочку убила ее мать, присяжные признали Кейси Энтони невиновной по всем пунктам обвинения. Журнал «Time» охарактеризовал этот процесс как «суд века»).

— Где Ной?

— В Германии.

Я удивленно поднимаю брови.

— Его не было в стране, когда выносили приговор?

— Заткнись. Мы не знали, как долго присяжные будут принимать решение.

— Ты должна праздновать,— я откидываюсь назад и закидываю руки за спинку дивана.

Она начинает плакать с каменным выражением лица. Слезы льются, словно вода из открытого крана.

Я не двигаюсь. Мне хочется броситься к ней и

успокоить, но когда я дотрагиваюсь до неё, мне потом бывает трудно остановиться.

— Помнишь, как в колледже ты начала плакать, потому что думала, что провалишь тест, а профессор подумал, что у тебя припадок?

Она начинает безудержно хохотать. Я расслабляюсь.

— Ты сделала свою работу, Герцогиня, — мягко говорю я. — И ты сделала её хорошо.

Она кивает, поднимаясь. Наше время окончено.

— Кaleb... Я...

Я качаю головой. Мне не хочется, чтобы она извинялась за то, что пришла, или же говорила, что это больше не должно повториться.

Я провожаю её до двери.

— Полагаю, мне следует сказать, что я сожалею из-за того, что случилось с Лией? — она смотрит на меня из-под ресниц. Из-за слез её тушь собралась в комочки. На другой женщине это смотрелось бы неряшливо, н о н а Оливии это смотрится очень

сексуально.

— Я бы не поверил тебе, если бы ты это сказала.

Она улыбается; улыбка начинается в её глазах и медленно переходит на губы.

— Приходи на ужин. Ной всегда хотел познакомиться с тобой, — должно быть, она замечает скептицизм на моем лице, потому что начинает смеяться.— Он замечательный. Правда. Придешь со второй половинкой?

Я провожу рукой по лицу и качаю головой.

— Ужин с твоим мужем не входит в список того, что мне нужно успеть сделать перед смертью.

— Так же, как защита твоей бывшей жены в зале суда не входила в мой.

Я вздрагиваю.

— Оуч.

— Увидимся в следующий вторник в семь? — она подмигивает мне и ускользает из квартиры.

Я не согласен, но она знает, что я буду там.

Черт. Я влип.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Настоящее

Я позвонил своей половинке. Она, как обычно, опаздывает. Последние три месяца я вижусь с ней около двух раз в неделю. Для меня стало сюрпризом, что я наслаждаюсь её обществом, особенно после того, что произошло с Лией. Поначалу мне хотелось завязать с женщинами на некоторое время, но, похоже, я наркоман.

Мы договорились встретиться у Оливии вместо того, чтобы приезжать туда вместе. Я отправил ей адрес Оливии, пока подбривал свою бороду до эспаньолки. Я решаю выглядеть как Джеймс Дин и надеваю голубые джинсы и белую рубашку. На пальце, где когда-то было обручальное кольцо, все

ещё виднеется незагорелый след. В первый месяц после развода я постоянно ощущал присутствие кольца на пальце и паниковал каждый раз, когда видел пустой палец, думая, что потерял кольцо. Правда всегда душила меня, словно я набивал полный рот ваты. Я потерял свой брак, а не кольцо, и это была моя вина. Наша «вечность» продлилась всего лишь пять лет, а та часть клятвы, в которой говорилось «пока смерть не разлучит нас», трансформировалась в «непримиримые разногласия». Я все ещё скучаю по браку, а, может быть, и по самой идее брака. Моя мать всегда говорила, что я рожден, чтобы быть женатым.

Я стою в фойе её здания, ожидая лифт.

Она всё ещё живет в той квартире. Я приходил сюда один раз во время судебного разбирательства по делу Лии. Её апартаменты примерно в три раза больше моих, с окнами от пола до потолка, из которых открывается прекрасный вид на океан. Оливия выпендривается. Она даже не любит океан. Самое близкое расстояние, на которое она подходила к нему, такое, чтобы она могла дотянуться до воды большим пальцем ноги. Оливия живет на последнем этаже. Я сжимаю бутылку, когда открываются двери лифта. На этом этаже находится только одна квартира.

Я осматриваю вещи, находящиеся в коридоре: пара мужских теннисных туфель — его, растение — его, металлическая табличка на двери, на которой написано «Убирайся!», — её. Я смотрю на всё это с опаской. Я должен быть пайнкой — никакого флирта, прикосновений и раздевания глазами. Я должен сфокусироваться на своей половинке, и тогда это не станет для меня проблемой. Я мысленно улыбаюсь, предвидя реакцию Оливии. Дверь открывается прежде, чем я успеваю дотронуться до звонка. Мужчина заполняет пространство. Мы смотрим друг на друга около десяти секунд, и у меня проскальзывает легкое чувство смущения. Она что, забыла ему сказать, что я приду? Затем он проводит рукой по слегка влажным волосам, и на его лице появляется улыбка.

— Калевб, — говорит он.

Йон.

Я даю ему быструю оценку. Он на несколько дюймов ниже меня, но при этом коренастее — хорошее телосложение. У него темные, коротко подстриженные волосы с сединою на висках. Я дам ему лет тридцать пять, хотя от частного детектива, которого я нанимал, я узнал, что ему тридцать девять. Он еврей, и если его внешность не говорит об

этом, то звезда Давида на шее точно об этом заявляет. Внешне он очень приятный парень.

— Ной, — произносит он и протягивает мне руку. Я ухмыляюсь, пока пожимаю её. Ирония момента, заключающаяся в том, что мы оба трогали этими руками его жену, позволяет мне немного позлорадствовать.

— Она послала меня сюда, чтобы я убрал их, — говорит он, пиная теннисные туфли. — Не давай ей знать, что ты видел их. Она становится нацисткой, когда речь заходит о беспорядке.

Я смеюсь над тем, как её муж-еврей называет Оливию нацисткой, и следую за ним внутрь. Войдя в фойе, я быстро моргаю несколько раз. Тут много чего изменилось с того момента, когда я был здесь в прошлый раз. Она заменила холодные белые и черные цвета на более теплые тона. Квартира изнутри стала напоминать дом — деревянные полы, ковры, всякие безделушки. Ревность разрывает меня изнутри, и я стараюсь её оттолкнуть, когда Оливия появляется со стороны кухни, снимая фартук.

Она отбрасывает его в сторону и обнимает меня. На секунду все кажется таким нормальным, ведь она приближается ко мне с такой

решительностью. Но потом она напрягает свое тело, вместо того, чтобы позволить ему раствориться в моих руках. Я чувствую себя слегка сбитым с толку и выдавливаю улыбку, которая всегда появляется с трудом, когда она рядом. Ной смотрит на нас, поэтому я передаю ей вино.

— Привет, Гер... Оливия. Я не знал, что будет на ужин, поэтому принес красное.

— «Мальбек», — говорит она, улыбаясь Ною. — Твоё любимое.

Я вижу подлинную любовь в её глазах, когда она смотрит на него. Интересно, если я так же смотрел на Лию, то как Оливия терпела подобное все те месяцы, которые длилось судебное разбирательство.

— У нас ягненок, — говорит она. — Поэтому вино просто идеально подойдет.

Раздается звонок в дверь. Я моментально приободряюсь. Оливия поворачивается ко мне, пытаюсь понять по моим глазам, чему же я так обрадовался. Улыбка медленно расплзается по моему лицу. Наконец-то я узнаю, испытывает ли она то же самое, что и я, или же нет. Ной уходит

открывать дверь, и мы остаемся вдвоем. Она напряжена и ожидает того, что я для неё приготовил. Я слышу за спиной голос своей девушки. Взгляд Оливии перемещается от меня туда, где предположительно должна стоять моя вторая половинка, но Ной закрыл собой весь обзор, поэтому ему приходится отступить в сторону, после чего я вижу то, чего с таким нетерпением ждал. Оливия в шоке. Оливия обезоружена. Оливия в гневе. Оливия бледная. Её рука тянется к шее, чтобы схватиться за свое ожерелье — бриллиант, висящий на простенькой цепочке. Ной стоит позади меня. Я оборачиваюсь, чтобы улыбнуться Джессике. Джессике Александр.

— Джесс, помнишь Оливию? — спрашиваю я. Она кивает и лучезарно улыбается темноволосой злодейке, которая вышвырнула её из моей жизни, словно кеглю для боулинга.

— Привет, незнакомка, — говорит она, выходя вперед и обнимая Оливию. — Сколько лет, сколько зим...

Джессика Александр нашла меня на «Фэйсбуке». Она сообщила, что снова живет в Майами и хочет встретиться за парой бокалов. Я был пьян, когда прочитал сообщение и в ответном послал ей свой номер. Мы встретились на следующий день в баре «Луи». Она практически не изменилась: длинные волосы, длинные ноги, короткая юбка. Мои вкусы так и не изменилась со времен колледжа, в плюс ко всему этому ещё сыграла её внешность — она стала еще слаще, чем была. Мне нужна была доза чего-нибудь милого и сладкого после последних двух гадюк, которых я любил. Никто из нас не воспитывал детей, но я рассказал ей об Эстелле. Насколько я понял, она не имеет ни малейшего понятия о том, какую роль сыграла Оливия в нашем расставании. После этого мы с ней стали регулярно встречаться. Нам ещё предстоит делить с ней одну постель.

Я смотрю на лицо Оливии, выглядывая из-за плеча Джесс. Она всегда обладала искусством самоконтроля. Но затем она делает очень нелепую вещь. Она смеется и обнимает Джесс, словно они старые подруги. Я настолько шокирован, что отступаю на шаг назад. Ной смотрит на происходящее с любопытством. Не сомневаюсь, что все мы для него просто персонажи.

— Проходите, проходите, — провожает нас в гостиную Оливия и бросает мне торжествующий взгляд. Я понимаю, что она не стала лучше. Просто она очень хорошая актриса.

Становится всё интереснее и интереснее.

Джесс убегает на кухню, чтобы помочь Оливии, оставляя нас с Ноем вдвоем наедине с тарелкой сыра «Бри» и крекерами. Мы ведем светскую беседу в течение минут десяти. Главная тема чисто мужская — спорт. Мы говорим о «Marlins», «Heat», «Dolphins» (*П р и м . : Н а з в а н и я бейсбольных команд*)... квотербэках, нападающих, питчерах — в общем, о том, что меня вообще не волнует.

— Тебе некомфортно?

Я смотрю на него с удивлением. Он знает. Что ж, ладно. Надо быть честным.

— Хочешь? — он протягивает мне виски. Односолодовый. Достойный выбор. После чего садится напротив меня и ухмыляется.

Ной не переживает из-за меня. Интересно, как много, на самом деле, о н знает? Хотя... хотя он, возможно, настолько уверен в своих отношениях, что

думает, что ему не о чем беспокоиться. Я сижу и смотрю на ситуацию с новой точки зрения. Очевидно, он не ревнивец.

— Если у тебя нет проблем с этим, то у меня тем более, — говорю я.

Он кладет лодыжку на колено другой ноги и облокачивается на стул.

— Ты следил за мной?

— Проверял биографические данные в трех разных странах, — я делаю глоток и наслаждаюсь восхитительным вкусом.

Ной кивает, словно именно этого он и ожидал.

— Нашел что-нибудь, что тебе не понравилось?

Я пожимаю плечами.

— Ты женился на моей первой любви, чем уже мне не понравился.

Он улыбается понимающей улыбкой и медленно кивает.

— Ты заботаешься о ней, Кaleb, и я нормально к

этому отношусь. У нас с тобой не будет проблем, пока ты держишь свои руки подальше от моей жены.

Входят девушки. Мы встаем. Оливия может учуять любую перебранку. Её вечно холодные глаза перемещаются между ним и мной.

Выбери меня.

Её взгляд падает на Ноя. Их близость вызывает во мне чувство ревности. Неистовое. Я начинаю скрежетать зубами, пока Оливия не заметит. Я останавливаюсь сразу же, как только её взгляд падает на мою челюсть, но уже слишком поздно. Она заметила, что я сейчас испытываю.

Идеальная бровь приподнимается.

Господи. Ненавижу, когда она так делает.

Хочется шлепнуть её.

Ягненок пережаренный, да и спаржа кашеобразная. Я так впечатлен, что её крохотные злобные ручонки теперь готовят, что опустошают тарелку за несколько минут. Она выпивает три бокала вина, и я задумываюсь, вошло ли это у неё в привычку или же этот ужин заставляет её так

нервничать. Мы обсуждаем её клиентов, и она смеется на протяжении всего разговора. Ной явно увлечен ею. С легкой улыбкой на губах он наблюдает за всем, что она делает. Он напоминает меня. Оливия задает Джессике вопрос о том, чем она занимается по жизни. От этого мне становится некомфортно. Я стараюсь разговаривать со всеми, а не только с Оливией, стараюсь не смотреть на неё слишком часто, стараюсь не отворачиваться, когда она разговаривает с Ноем, из-за того, что это задевает меня. Сложно устоять перед изучением их отношений. Она искренне любит его. Я заметил, что она становится мягче, когда он рядом. Она ни разу не выругалась с тех пор, как я переступил порог их дома — и это, пожалуй, самый длительный промежуток времени, когда рот Оливии остается чистым.

Её рот.

Но ей оказывается одной из тех редких личностей, которые оказывают успокаивающее влияние на потенциально острую ситуацию. Я не могу ничего с этим поделать, но мне нравится этот парень. У него есть яйца, чтобы сопротивляться мне.

Когда мы прощаемся в фойе, Оливия отказывается встречаться со мной взглядом. Она выглядит уставшей, словно этот вечер забрал все её

эмоции. Она встает поближе к Ною, и я вижу, как она касается его руки. Мне хочется знать, что она чувствует. Я хочу быть тем единственным, кто успокоит её.

Джесс едет домой вместе со мной и проводит у меня ночь. Моя мать оставила четыре сообщения, спрашивая о моем переезде в Лондон.

Я просыпаюсь от запаха бекона. Я слышу, как звенит посуда и как течет вода в раковине. Обнаженный я иду на кухню. Джесс делает завтрак. Я прислоняюсь к стойке, наблюдая за ней. Я был женат на женщине пять лет и не думаю, что когда-либо видел, как она разбивает яйцо. Джесс надела одну из моих футболок. Её волосы убраны в неряшливый пучок. Смотрится очень сексуально. Я перевожу взгляд на её ноги, они бесконечны. Признаюсь, я — парень, западающий на ноги. Та сцена из «Красотки», где Вивиан называет Ричарду длину своих ног, является одной из лучших сцен за всю историю кинематографа. Многое можно

простить женщине, если у неё длинные ноги.

Ноги Джессики бесподобны.

Я сажусь, и она протягивает мне кружку кофе, смущенно улыбаясь, словно мы никогда так раньше не делали. Она действительно мне нравится. Однажды я уже влюбился в неё; не сложно будет влюбиться в эту женщину снова. Она красивая — красивее Лии, красивее Оливии. Кто-нибудь вообще может быть красивее Оливии?

— Я не хотела тебя будить, — говорит она, — по э т о м у решила приготовить тебе завтрак и хорошенько накормить.

— Накормить меня, — повторяю я. Мне это нравится.

— Мне нравится готовить для тебя, — она кокетливо улыбается. — Я скучала по тебе, Калев.

Я подмигиваю ей. Что было бы, если она сказала мне, что беременна, вместо того, чтобы делать аборт? У нас бы уже был десятилетний ребенок.

Я притягиваю её к себе и целую. Она никогда

не сопротивляется, никогда не ведет себя так, словно не хочет меня. Я веду её на диван, и наши тосты подгорают.

Позже я сижу в открытом кафе ниже по улице, попивая эспрессо. Джесс вызвали на работу. Мой телефон пищит, сигнализируя о входящем сообщении.

О: Ну?

Я улыбаюсь и допиваю кофе, после чего уже отвечаю.

К: Что «Ну»?

Следует долгая пауза. Она думает, как вытащить из меня информацию и не показать, что её это волнует.

О: Не надо играть в игры!

К: Я помню прошлый раз, когда ты просила меня не делать этого. Кажется, мы были в апельсиновой роще.

О: Иди к черту. Что думаешь о Ное?

К: Милый.

Что ты думаешь о Джесс?

О: Все та же глупая потаскушка.

Я смеюсь до слез. Другие посетители кафе оглядываются на меня, чтобы понять, над чем я смеюсь.

Я собираю вещи и ухожу. Она всегда прямолинейна. Я почти дохожу до своей машины, когда мой телефон снова сигнализирует о входящем сообщении.

О: Не влюбляйся в нее.

Я долгое время смотрю на это сообщение. Минуту, две, три... Чего она хочет от меня? Я не отвечаю. Чувствую себя так, словно она ударила меня.

И это все. Я не слышал от нее больше ничего на протяжении всего следующего года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошлое

Первый раз, когда я увидел её — Боже мой — был таким, будто я никогда прежде не встречал женщин. Мне бросилось в глаза, как она прошла мимо меня. Она двигалась, словно вода: плавно и непреклонно. Все остальное было укутано туманом, и я видел только её. Единственную среди всего этого мрака. Я улыбнулся, когда она остановилась под нелепо переплетенным старым деревом, бросив на него единственный взгляд, грязный взгляд, самым грязный из всех, что я когда-либо видел. Признаться, я никогда раньше не видел этого дерева, поэтому у меня сейчас был один из тех моментов, когда вы, наконец-то, что-то замечаете и не можете понять, как же раньше вы упускали это из виду. Один из моих приятелей ударил меня по руке, чтобы привлечь внимание. Мы разговаривали о баскетболе. Тренер отстранил до конца сезона половину команды за курение травки, и теперь мы должны были сыграть последние игры без участия наших лучших игроков. Но для меня разговор закончился в ту минуту, когда я

увидел её. Они проследили за моим взглядом, после чего понимающе кивнули. У меня была определенная репутация в отношении женщин. Ребята все ещё обсуждали изменения, когда я направился к дереву. Она стояла спиной ко мне. У неё были темные и непослушные, длиной по пояс, волосы, в которые так и хочется запустить руки. Моими первыми словами должны были стать: «Выйдешь за меня?», но вместо этого я сказал:

— Почему ты злишься на дерево?

Она повернулась настолько быстро, что я невольно отступил назад. Она выбила меня из колеи, заставив сомневаться в себе и чувствовать себя неуверенно. С подобными чувствами я был не очень хорошо знаком.

— Это всего лишь вопрос, Солнце, не нападай,
— черт возьми, она враждебно настроена.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь? — отрезала она.

— Мне было интересно, чем это дерево вызвало твою злость, — это звучало неубедительно, но что ещё, черт побери, я мог сказать? Может, у нее был плохой день, а может быть, она всегда такая, но, так

или иначе, я должен был стоять в тени кроны и разговаривать с ней.

Внезапно, она приобрела скучающий вид.

— Ты пытаешься заигрывать со мной?

Черт. Это знакомство превратилось в одну из самых странных встреч с девушкой за всю мою жизнь. Я представился.

— Прости, что?

— Меня зовут... — я протянул ей руку. Мне просто хотелось прикоснуться к ней. Рука была ледяная. Казалось, будто её личность просачивается сквозь кожу. Она слишком быстро убрала свою маленькую ручку.

— Да, я пытался заигрывать с тобой, пока ты не пристрелила меня своим рукопожатием, — не думал, что останусь в живых и смогу дышать после рукопожатия с девушкой, которую желал. Неловкое рукопожатие. Для неё тоже. Нахмутив брови, она оглядела парковку, словно желая отыскать взглядом кого-нибудь, кто сможет спасти её.

— Послушай, мне очень хотелось бы стоять

здесь и болтать с твоим эго, но мне уже пора идти.

Болтать с моим эго? Она только что использовала это словосочетание, чтобы оскорбить меня. Господи. Кто, черт возьми, эта девушка? Если бы мне удалось побороть ее враждебность по отношению ко мне, какой бы она стала? Она уже начала уходить. Мне срочно нужно что-нибудь сделать или сказать, чтобы она запомнила меня. Мне не пришло в голову ничего лучше, чем оскорбить её в ответ.

— Если бы ты родилась животным, то ты бы была ламой, — крикнул я ей вслед. И это было правдой. Мне очень нравятся ламы. Они могут постоять за себя и от их вони всегда режет глаза. Если ты их разозлишь, они без промедления плюнут в тебя. Однажды я видел, как подобное произошло с моим братом в зоопарке. Вот тогда-то ламы и стали моими любимыми животными. Но она этого не знала. Она знала, что я сравнил её с животным. И это её разозлило.

— Ещё увидимся, — сказал я и отвернулся. И я действительно планировал с ней увидеться. Я решил преследовать эту холодную, грубую девушку. Я последую за ней до её ледяного дворца и разрушу его, если придется. Я привык, что женщины хотят меня;

она же не хотела иметь со мной ничего общего — даже имени своего мне не назвала! Наблюдая за тем, как она уходит, я осознал две вещи: я хотел её и мне придется потрудиться, чтобы её добиться.

Никто не знал, кто она такая, и я был обескуражен этим. Мне казалось, любой парень в кампусе опознает её по моему описанию — непослушные темные волосы, буравящие глаза и настолько тонкая талия, что её можно обхватить ладонями так, что пальцы соприкоснутся. Я воспользовался своими связями, пытаюсь разузнать что-нибудь о незнакомке от сидящей в приемной девушки, с которой, к слову, я встречался в средней школе и которая до сих пор была от меня без ума.

— Калев, мне нельзя этого делать, — сказала она, наклоняясь над столом. Я проигнорировал её попытку соблазнения.

— Всего лишь один раз, Рэй.

— Хорошо, какой корпус?

— Я видел, как она заходила в Коннерс.

— В Коннерсе около пятисот девушек. Опиши ее поподробнее.

— Второкурсница, — предположил я.

Она вбила эту информацию в поисковик базы, быстро пробегая пальцами по клавиатуре. — Отлично, осталось две сотни.

Я напряг свою память, пытаюсь вспомнить что-нибудь еще. Голубые джинсы, белая рубашка, черный лак для ногтей. Надо подумать, что она изучает.

— Попробуй философию или юриспруденцию, — сказал я. Она была боевой девушкой, а такие обычно специализируются на юриспруденции. Но, в тоже время она смотрела на дерево, погружившись глубоко в себя...

Рэй оглянулась по сторонам и быстро повернула ко мне монитор. Я просмотрел фотографии. По тридцать штук на каждой странице. Она прокручивала, а мои глаза искали.

— Поторапливайся, Казанова. У меня могут быть из-за тебя неприятности.

— Её здесь нет, — сказал я, спустя несколько секунд и принял равнодушный вид. — Ну, в этот раз не повезло. Но все равно, спасибо.

Рэй открыла рот, чтобы что-то сказать, но я помахал ей рукой и выбежал из приемной. Фотография незнакомки была там. Третья сверху. Я не хотел, чтобы Рэй узнала об этом, потому что у неё есть одна очень плохая привычка — она распространяет сплетни о девушках, которые мне нравятся.

Оливия Каспен. *Явило*. Какое прекрасное маленькое имя, для прекрасной маленькой снобки. Я улыбался всю дорогу до общежития.

Я искал её повсюду. Она не ходила в зал. Она никогда не появлялась в столовой или на домашних играх. Я не раз приходил к тому месту, где впервые увидел её, и обходил кругами кампус. Ничего. Либо она была первоклассным отшельником, либо я все это выдумал. Оливия Каспен. Помесь Белоснежки и Злой Королевы. Я должен найти её.

Спустя неделю я уже отчаялся её найти. Поиски не приносили никаких результатов, пока я

совершенно случайно не заметил её на трибунах во время одной из последних игр сезона. Мы вышли в плэй-офф, но противники вели в счете на десять очков. Я отвлекся от игры, заметив её, сидящую на трибуне с пластиковым стаканом в руке. Одно было ясно — она смотрела не на меня. Не знаю, что заставило меня подумать, что у меня получится произвести на неё впечатление игрой, но я старался. Команда гостей опережала нас по очкам, которые ещё можно было успеть отыграть. Игра была напряженная. Я стоял на линии штрафного броска, готовый отыграть недостающие очки. Но до сегодняшнего дня я не могу понять, что заставило меня тогда совершить поступок, который стоил нам победы. Я подбежал к тренеру. Обычно подобное стоило вылета из команды, но я был БПНК (большим парнем на кампусе), кроме того, мне повезло, что тренер был хорошим другом моей семьи.

— Я не могу сфокусироваться, пока не позабочусь кое о чем, — сказал я ему.

— Калев, ты, должно быть, издеваешься надо мной.

— Тренер, — сказал я спокойно, — дайте мне две минуты.

Он прищурился и уставился на меня поверх очков.

— Это из-за той девчонки...?

Кровь застыла в жилах. Тренер был пронизательным парнем, но чтоб настолько...

— ... которая пропала? — закончил он.

Я посмотрел на него. Лаура? Мы встречались, но это было давно и не серьезно. Интересно, мои родители рассказали ему об этом? Моя мать дружила с её матерью. Она была очень рада, когда мы начали встречаться, но Лаура оказалась красивой снаружи и пустой внутри. Мы почти сразу разошлись. Прежде чем я успел его поправить, он сказал:

— Иди. Только поторопись.

Он объявил тайм-аут и собрал команду.

Я поднимался на трибуны, шагая через две ступеньки. Чем ближе я приближался, тем бледнее она становилась, и, к слову, ей очень шла эта бледность. Когда я присел перед ней, её глаза широко раскрылись, и она была уже готова подняться со своего места, чтобы убежать.

— Оливия, — произнес я. — Оливия Каспен.

На мгновение она выглядела потрясенной, но потом быстро взяла себя в руки. Она пробежалась глазами по моему лицу, затем наклонилась ко мне поближе и сказала:

— Браво, ты узнал мое имя, — а затем прошептала, — так какого черта ты вытворяешь?

— Ты — загадка университетского городка, — сказал я, оглядывая контур её губ. Я никогда не видел таких чувственных губ.

— Ты собираешься зарабатывать победные очки для команды или будешь и дальше затягивать игру, чтобы похвастаться своими детективными навыками?

О... мой... Бог. Как я мог не рассмеяться над этим? Мне хотелось прямо там предложить ей выйти за меня, но я был абсолютно уверен, что получу пощечину за такое предложение. Я решил подключить свое обаяние. С другими девчонками это срабатывает. Но, черт подери, если она меня отошлет...

— Если я забью этот мяч, ты пойдешь со мной

на свидание?

Она закатила глаза. На ее лице отразилось абсолютное отвращение. Затем она украла мою фразу и назвала меня павлином.

— И тебе потребовалась целая неделя, чтобы придумать это? — сказал я, ухмыляясь. Я был уверен, что её трудно будет заполучить.

— Конечно, — сказала она, пожимая плечами.

— Ну, тогда справедливо будет сказать, что ты думала обо мне всю неделю?

Когда я был маленьким, то я чертовски много смотрел «Шоу Луни Тюнза» (*Прим.: The Looney Tunes Show — американский анимационный телесериал, сюжет которого крутится вокруг двух главных персонажей — Багза Банни и Даффи Дака*). Дым всегда выходил из ноздрей героев, когда они злились. Обычно от этого они поднимались над землей. Выражение на лице Оливии было таким, как будто вот-вот из её ноздрей повалит дым.

— Нет... и... нет, я не пойду никуда с тобой, — больше она на меня не смотрела. Так хотелось схватить её за подбородок и повернуть к себе.

— Почему нет? — первым желанием было сказать: «Какого черта нет?»

— Поскольку я лама, а ты павлин — МЫ просто не совместимы.

— Хорошо, — выдохнул я. — Так что ж мне сделать?

Я был не в своей тарелке. Мне пришлось практически умолять девчонку сходить со мной на свидание. Это дерьмово.

— Прوماхнись.

Я посмотрел в её холодные, голубые глаза и понял, что встретился с одной из таких девушек, о которых пишут в книгах. Она не похожа ни на кого.

— Прوماхнись, — повторила она, — и я пойду с тобой на свидание.

Я больше ничего не сказал. Я был в шоке. Когда я возвращался на линию броска, мой разум разрывался от противоречивых мыслей. Мне казалось, я умру от взрыва мозга прежде, чем успею совершить бросок. Я не собирался этого делать. Это было безумие. Она была безумна. Черт. Что. За.

Дерьмо.

Но стоя на штрафной линии с мячом в руках, я на пару секунд погрузился в размышления. Я был зол. Мне нужно было сделать то, что будет естественным, а именно выиграть игру, но я продолжал видеть её лицо перед собой. Я видел снова и снова, как она просмотрела на меня и произнесла: «Промахнись». В её глазах было что-то такое, из-за чего я не мог выбросить её из головы. Она попросила меня сделать невозможное. Она высоко подняла планку и ожидала, что я провалюсь.

Я поднял мяч, обхватив его ладонями, словно он являлся продолжением моего тела. Сколько часов я проводил каждую неделю, играя в баскетбол? Двадцать... тридцать? Для меня ничего не стоит забросить этот мяч — я могу сделать это даже с закрытыми глазами. Но что-то в её взгляде привязало невидимую нить к моим запястьям, от чего я ещё сильнее сжал мяч. Я мог разглядеть грустную победу на её лице, словно она смирилась со всеми мужчинами, которые её разочаровывали. Она ошибалась, думая, что сможет предсказать мой поступок. Если я хотел её...

Я хотел её.

Я промахнулся.

Я был для себя вне понимания.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошное

Я промахнулся. Окружающие смотрели на меня так, словно я расстрелял целый спортзал людей, вместо того, чтобы попасть мячом в корзину. Моя мать всегда дразнила меня, говоря, что я ничего не воспринимаю всерьез. В моей семье даже существовала шутка п р о отсутствие у меня преданности чему-либо. Я был хорош во всем, чем занимался, но при этом ничего из этого не любил. Ни игру в баскетбол, ни катание на лодке, ни деньги, которые так легко появлялись в моей семье. И это заставляло меня чувствовать себя опустошенным. Мои друзья — те, с которыми я рос — тратили все

свое время и деньги на билеты на бейсбольные, футбольные и баскетбольные матчи. Я тоже ходил на эти чертовы игры и даже наслаждался ими, но в конце дня понимал, что чего-то во мне не хватает. Я начал читать книги по философии. На втором курсе даже посетил несколько занятий. И мне это нравилось. Философия давала мне веру. Но затем в мою жизнь без предупреждения ворвалась Оливия Каспен, и я впервые испытал чувство преданности. Её философии. Её мимике. Я воспринимал её всерьез. Все её пять футов и два дюйма. И хотя Оливия была напыщенной и никогда не улыбалась, она мне нравилась. Мне хотелось сделать для неё что-нибудь. Поэтому я промахнулся.

— Это правда?

Я оторвался от своей тарелки с блинчиками. Дезире — одна из членов группы поддержки — приземлилась за мой столик, сев прямо напротив меня. Она до сих пор не смыла вечерний макияж и была одета в кофту моего приятеля, Кайла. И почему девочкам так нравится носить кофты парней? Еризед.

— Ты о чем?

— О том, что ты промахнулся из-за девчонки?

— Где ты это слышала? — я отодвинул тарелку и сделал глоток чая.

— Все об этом говорят, — она усмехнулась и оторвала кусочек блинчика.

Я посмотрел на неё, слегка прищурившись. Мне было трудно проделать этот очаровательный трюк, учитывая, что у меня вспотели ладони от напряжения.

— И для кого же, по их словам, я сделал это? — если люди узнают, что я промахнулся ради Оливии, то происходящее приобретет для неё неприятный поворот.

Дезире облизнула пальцы.

— Ой, это всего лишь слухи. Кто знает, правда ли это? Ты ведь сам прекрасно понимаешь, какими могут быть люди.

Я пожал плечами, пытаюсь казаться равнодушным.

— Ну же, рассмеши меня, Дез.

Она сжала губы и наклонилась вперед.

— Никто не знает, кто она. Но кое-кто говорит, что видел, как ты болтал с ней до того, как промахнулся.

— Возможно, меня просто подвела игра, — сказал я, ставя кружку и вставая.

Дезире улыбнулась мне.

— Все возможно. Но твоя игра никогда тебя не подводила. Если ты спросишь меня, то я думаю, что это очень романтично.

— Романтично? — повторил я.

— Ага. Должно быть, она очень горячая штучка.

Я наклонился до тех пор, пока наши с Дезире глаза не оказались на одном уровне.

— Неужели похоже, что я мог сделать нечто подобное, Дез?

Она с минуту смотрела на меня, а затем покачала головой.

— Вообще-то, нет.

— Ну, вот ты и получила ответ на свой вопрос.

Я встаю, вытирая руки о штаны. Сколько людей видело, как я разговаривал с Оливией? Возможно, это и было глупо... даже немного нелепо, но тогда я не ожидал, что она бросит мне вызов. Если бы все пошло по моему плану, то она пошла бы со мной на свидание, если бы я забил. Как ни крути, а все хотят встречаться с победителями, и подобное желание с их стороны сделало бы меня победителем.

Я не мог ничего с собой поделаться, но улыбка не покидала моего лица, пока я сбегал вниз по ступенькам перед обеденным залом. Девчонки редко удивляли меня, поэтому я бы пятьсот раз промахнулся ради свидания с ней.

Я никогда не западал ни на кого так, как на неё.

Оливия пылала. Когда она входила в комнату, можно было почувствовать жар её огня, который волнами расходился в разные стороны. Она была сердитой, невероятно страстной и бесстрашной. Она была настолько горячей, что заставляла окружающих держаться от неё подальше. Отличный трюк, если не считать того, что я играл с огнем.

Пиф-паф, и она меня пристрелила одной фразой.

« МЫ просто не совместимы».

Она боялась меня. Я понял это ещё в тот момент, когда мы встретились взглядами, стоя под деревом, в день нашего знакомства. Возможно, она ещё не понимала, какой тип парней ей нравится, но я уже знал, каков он. Я практически смеялся. Она бросила мне в лицо эти слова неуверенным, хриплым голосом, в то время как её глаза путешествовали повсюду, избегая моего лица.

Мы отправились на наше первое свидание через неделю. Я практически силком вытащил её туда, отправив ей посылку, в которой лежал сдутый баскетбольный мяч — тот самый, который я использовал, чтобы заполучить это свидание, вместе с запиской, в которой говорилось о необходимости увидеться в библиотеке. Признаться, встреча в библиотеке прошла отлично. Она надела черную кружевную рубашку с длинным рукавом, которая так сильно облегла её тело, что я видел каждый изгиб, не говоря уже о том, как прекрасно просвечивалась её кожа цвета слоновой кости сквозь просветы в кружевах. Мне хотелось поцеловать её прямо там, у стеллажей. Я бы с удовольствием затащил ее в отдел Диккенса, если бы не боялся, что спугну. Она неохотно согласилась пойти со мной на свидание. Я повел её в «Jaxson's..», мое любимое

кафе-мороженое. В начале вечера она была довольно сдержанной, но потом начала открываться мне и рассказала о своем прошлом. Я думал, все идет прекрасно. Пока...

— Просто я не думаю, что мы совместимы.

— Но мне так не кажется, — сказал я. Наша химия была приятной. Оливия либо все отрицала, либо врала напропалую. Держу пари, что врала.

Она моргнула, причем настолько быстро, насколько птица махает крыльями.

— Прости меня. Просто мне кажется, что мы находимся на разных волнах, — она вымолвила «на разных волнах» так, словно не была уверена, правильно ли употребляет эту фразу. На самом деле мы были на одной волне — я хотел её, она хотела меня. Просто она об этом ещё не знала.

— Это не совсем то, что я имел в виду. Я знаю, что нравлюсь тебе также сильно, как и ты мне. Но это твой выбор, да и я джентльмен. Раз уж ты хочешь, чтобы я отступил — хорошо. Прощай, Оливия.

И прежде, чем я успел схватить её в охапку и хорошенько встряхнуть, чтобы высвободить её

чувства, я ушёл.

«Только не оборачивайся! Борись с собой!».

Вот, о чём я думал, уходя. Последнее, чего мне хотелось, это гоняться за человеком, который не хотел меня... или ещё не знал, что хотел.

Я вернулся в свою комнату в общежитии и выпил теплого пива. Быть отвергнутым первый раз в своей жизни — не самое приятное чувство. По правде говоря, очень поганое чувство. По крайней мере, мне тогда так казалось. Я делал все, о чем она м е н я просила. М о и товарищи по команде практически не разговаривали со мной, тренер на время отстранил меня от игры, и вдобавок ко всему мне разбили сердце. Вдребезги. Как я вообще мог испытывать подобные чувства по отношению к человеку, которого только что встретил?

Я делаю глоток пива, достаю учебник по статистике и около тридцати минут тупо таращусь на страницы, абсолютно ничего не видя. Хотя нет, это не правда. Я вижу Оливию Каспен.

Я видел её повсюду, безуспешно притворяясь, что не видел. Я убеждал себя, что она была самой обычной девчонкой, а н е девушкой, которую я так

сильно хотел. Мои друзья считали, что я так маниакально хотел её, потому что не мог заполучить. Я не стал их переубеждать. Возможно, так оно и есть. Они и подбадривали меня, похлопывая по плечу и указывая на случайных девчонок в университете, которые с удовольствием переспали бы со мной. Ребята называли это секс-терапией. Я пробовал обращаться к ней раз, а может и два, но не было никакого эффекта. Я был выжат, отвергнут и опьянен девчонкой, которую всего лишь однажды поцеловал. Когда кто-то упомянул, что, возможно, она просто лесбиянка, я зацепился за эту идею. Но потом, спустя примерно месяц после того, как Оливия сказала мне, что мы не подходим друг другу, она начала встречаться с самым большим придурком на свете. Я ненавидел их. Поэтому я решил двигаться дальше, убедив себя в том, что она оказалась не такой, какой я себе её представлял.

И тогда я встретил Джессику. Первым, что она сказала, было: «Черт, не могу понять, чего я хочу больше: облизать тебя или выйти за тебя замуж».

На что я ответил: «А что скажешь насчет и того, и другого?».

С этого все и началось. Мы были вместе. Джессика Александр была сексуальной, доброй и

взбалмошной. Как раз мой тип. В тоже время она была очень умная, но вы никогда бы этого не поняли, особенно если бы слышали, с каким ажиотажем она обсуждает такие темы, как одежда и фильмы. Мне нравилось быть с ней. Мне нравилось заниматься с ней сексом. Она заполнил а ту пустоту, которая образовалась внутри меня. Оливия постепенно отодвинулась на задний план. Спустя некоторое время я уже мог спокойно отшучиваться о ней. Оглядываясь назад, мне становилось смешно от того, что я был одержим девчонкой, которую едва знал. Потом, будучи уже счастлив в новых отношениях, я узнал, что Джессика беременна и сделала аборт у меня за спиной, даже не сообщив мне о том, что ждала ребенка. Меня убивал тот факт, что она приняла решение без меня. Это был мой ребенок. Мой. Я хотел этого ребенка. Я забрал бы его, даже если бы Джессика не захотела заниматься его воспитанием. Я ударил кулаком п о стволу дерева, вывихнул запястье и решил завязать со знакомствами и свиданиями.

Когда мои родители развелись, мама хотела переехать в Америку. Она родилась в Мичигане. Ее отец — мой дедушка — познакомился с бабушкой в Кембридже, где учился по обмену. Когда они поженились, то вернулись ненадолго в Соединенные Штаты, и у них родилась моя мама. Но, когда бабушка заболела, дедушка продал землю с домом и переехал ради неё в Англию. Мои родители вращались в одних и тех же социальных кругах, благодаря чему сблизились, и произошло то, что и должно было произойти. Она отвергла имена Сэм, Альфред и Чарльз и дала нам с братом американские имена. Когда она поймала отца на измене в третий раз, то собрала вещи, забрала нас и переехала в Америку. Я переживал переезд сложнее, чем брат. Я долгое время винил во всем свою мать, пока не побывал на четвертой свадьбе отца. Когда я увидел его зачитывающим клятву в четвертый раз, то всё понял. Я даже не знал, как зовут его жену. Элизабет? Виктория? Я был уверен, что её имя созвучно имени одной из Английских Королев. Но, я точно знал, что не верю в разводы. Нельзя давать клятвы, а потом вот так просто нарушать их. Если я женюсь на женщине, то это будет один раз и на всю жизнь. Я не буду воспринимать брак, как аренду. Никогда.

Я хотел жениться на Джессике. Это не значит, что я уже купил ей кольцо, просто я видел, как она

врывается в мой мир. Она нравилась моей матери и любила меня. Это было так просто. Но, когда я узнал, что она сделала аборт, даже не сказав мне, что была беременна, я порвал с ней. Не мог простить, что она избавилась от моего ребенка.

И тогда вернулась Оливия. Она ворвалась в мою жизнь танцующей сиреной. Я точно знал, что она не случайно появилась в доме моего братства той ночью и пальцем поманила меня на танцпол. Если бы она не пришла ко мне, я бы сам отправился за ней. «Забудь все, что знаешь, — сказал я себе. — Ты связан лишь с ней одной». Не знаю, с чего я это взял. Возможно, наши души соприкоснулись под тем деревом. Возможно, я сам решил, что люблю её. А может быть, эта любовь не была нашим выбором. Но когда я смотрел на эту женщину, я видел себя с другой стороны. Не с лучшей стороны. Ничто не могло удержать меня вдали от неё. Подобное заставляет человека совершать поступки, на которые, как ему казалось, он не способен. Те чувства, которые я испытывал к ней, пугали меня. Они напоминали всепоглощающую одержимость.

По правде говоря, на тот момент я только прикоснулся к одержимости. Она поглотила меня гораздо позднее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Настоящее

— Передай масло, пожалуйста.

Черт.

Я передаю ей масло, осознавая всю значительность этой просьбы. Ведь, если ты через весь стол передаешь женщине масло, то между вами уже происходит нечто серьезное. Я хватаю её загорелую руку и целую запястье, от которого пахнет кондиционером для белья. Она улыбается мне — она всегда улыбается. У неё есть ямочки на щеках, и чем сильнее она улыбается, тем глубже они проявляются. Мы с Джессикой ещё не живем вместе, но периодически ночуем друг у друга. В основном у меня, потому что я люблю свою кровать. Сейчас я

наблюдаю за тем, как она намазывает масло на тост, одновременно играя в свой iPad. Нам хорошо вместе. Я все ещё чувствую пустоту внутри себя, но она постепенно её заполняет.

— Передай, пожалуйста, соль, — теперь уже я её проверяю. Хочу почувствовать, каково это. Она передает солонку не глядя на меня, и я хмурюсь. Все знают, что нельзя передавать соль без перца. Они пара. И, даже если просят что-то одно, нужно передавать и то, и другое. Теперь мне придется расстаться с ней.

Шучу.

Собравшись на работу, мы целуемся в фойе около лифта.

— Калевб, — говорит она, когда я начинаю уходить.

— Да?

— Я люблю тебя.

Вау. Окей.

— Джесс, — начинаю я, — я....

— Не нужно ничего говорить, — улыбается она,
— я просто хочу, чтобы ты знал.

— Окееееей, — медленно говорю я. —
Увидимся вечером, да?

Она кивает.

Чуть больше восьми месяцев прошло с тех пор, как она впервые осталась у меня на ночь. Акиссежд — не так легко срывается с языка, как многие другие имена, переделанные мною. Её утреннее признание кажется мне странным, но я не могу понять почему. Может быть, нам уже пора начать жить вместе. Я сажусь в машину и включаю кондиционер на полную мощность. Ей нравится моя щетина. Лия терпеть не могла, когда я не брился. Она постоянно говорила, что щетина раздражает кожу на её лице. Когда она произносила слово «раздражает», мне хотелось развестись с ней. Или, возможно, мне просто всегда хотелось с ней развестись. Меня тошнит, когда я думаю о Лии, но не из-за неё — у Лии всегда было очень мало власти надо мною — а из-за той маленькой девочки.

Я отгоняю подальше от себя подобные мысли. Когда я приезжаю на работу, то встречаю в офисе свою мать, которая пришла навестить Стива.

— Он практически не появляется дома, да и ты очень редко навещаешь нас, — говорит она, обнимая меня. — Поэтому мне приходится приезжать сюда, чтобы увидаться со своими двумя мальчиками.

Она не упоминает моего брата. Она все ещё злится на него, в общем-то, как и я, за то, что он переспал с моей бывшей женой. Лия сбросила на меня эту маленькую бомбочку в ту самую ночь, когда сказала мне, что не я являюсь отцом её ребенка. Я бы солгал, если бы сказал, что никогда думал о том, что Эстелла может оказаться его дочерью. И это ранит больше всего.

— Как Джессика? — спрашивает мама.

Я слегка улыбаюсь, перебирая бумаги на столе. Моя мать сидит в кресле в моем кабинете, и я точно знаю, что она пришла сюда поболтать. И она не уйдет отсюда, пока я не дам ей того, что она хочет.

— Этим утром она призналась, что любит меня.

— Ну, а что ты? Ты признался в ответ?

— Нет.

Несколько минут она сидит, не произнося ни

слова.

— Мне, правда, нравилась Лия, — говорит она, прерывая молчание. — Когда ты потерял память, она не отходила от тебя. И как к твоя мать, я это очень ценю, — вздыхает она, — но я знаю, что ты все ещё любишь эту девушку.

Моя очередь вздыхать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. А даже если бы и понимал, то не стал бы об этом разговаривать. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как там поживают твои розы?

— Даже не пытайся, — говорит она. — Джессика великолепная, Калед. Правда. Но она хочет перевести ваши отношения на новый уровень. Ты понимаешь это, да?

— Да.

— Ты хочешь снова жениться? Завести... детей?

Я вздрагиваю.

— Не очень.

— Нельзя позволять женщине похищать твою

сущность.

Я благодарен своей матери, правда. Но она понятия не имеет о том, о чем говорит. Мое сердце все ещё разбито. Я пытаюсь понять, как мне жить без того, без чего я жить не могу. Я пытаюсь заставить себя отпустить старые мечты и создать новые. По крайней мере, мне так кажется.

— Все равно не хочу, — твердо говорю я.

— Я видела Эстеллу.

Я замираю.

— Что?

— В магазине я наткнулась на Лию. Девочка была вместе с ней.

Я молчу, не зная, что и сказать. Как она? Что она сказала? Как выглядит?

Я провожу рукой по шее, не сводя глаз с подлокотника ее кресла.

— Она была моей внучкой. Я люблю её... — в конце фразы её голос надывается, и я впервые понимаю, какие чувства испытывает моя мать. Она

тоже потеряла Эстеллу.

— Она твоя, Кaleb. Я чувствую это.

— Мам, прекрати...

— Нет. Сделай тест на отцовство. Мне кажется, тут что-то не так.

Я прекращаю перебирать бумаги и сажусь в кресло.

— Зачем ей врать мне об этом? Солгав, она теряет алименты, помощь в воспитании ребенка и возможность удержать меня.

— Ох, Кaleb. Лия из тех, кто ценит месть превыше всего.

У меня мурашки. Боже мой.

Я качаю головой.

— Ты хочешь, чтобы это оказалось правдой. И я этого хочу, но это не так. При этом есть огромная вероятность того, что она твоя внучка. Поговори со своим сыном.

Она поджимает губы, и это делает её старше.

— Просто подумай об этом, — просит она. — Если Лия откажется, можно будет обратиться в суд, — она наклоняется вперед. — Кaleb, у неё твой нос.

— Блядь. Все, разговор окончен, — я никогда раньше не ругался матом в присутствии матери. Встав со своего места, я провожаю её до двери. Прежде, чем я закрыть за ней дверь, я целую её в щеку. — Ты хорошая мать, но я уже давно вырос. Иди и вмешивайся в жизнь Сета.

Она улыбается, гладит меня по щеке и выглядит гораздо взволнованнее, нежели раньше.

— Прощай, сынок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошлое

Я заполучил её. Не скажу, что уверенной хваткой, но все же она была моей. Мы с Оливией с легкостью окунулись в отношения. Ежедневная

рутина была для нас невероятно легкой и воздушной. Мы играли, целовались и часами напролет болтали обо всем на свете. Я никогда не мог предсказать, что она скажет дальше, и мне это нравилось. Она отличалась от всех девушек, с которыми я встречался раньше. Даже Джессика, в которую я практически влюбился, не вызывала во мне таких чувств, которые пробуждала Оливия.

Однажды у нас зашёл разговор о том, сколько детей мы бы хотели иметь. В основном об этом говорил я, потому что Оливия всегда и во всем старалась не загадывать на будущее.

— Пять. Я хочу, чтобы у меня было пять детей.

Она удивленно приподняла бровь и наморщила нос.

— Слишком много, а что, если твоя жена не захочет так много детей?

Мы приехали на пляж и разлеглись на пледе, притворяясь, что любимся на звезды, хотя на самом деле не сводили друг с друга глаз.

— Думаю, что мы с тобой сможем найти компромисс.

Она начала быстро моргать, словно что-то попало ей в глаз.

— Я не хочу детей, — сказала она.

— Нет, хочешь.

Она ненавидела, когда я так делал. Она ненавидела, когда я говорил ей, что она ошибается насчет своих же собственных мыслей.

Я приподнялся на локтях и устремил свой взгляд на воду, пытаюсь избежать грязного взгляда, которым она меня одарила.

— Ты никогда не навредишь им, — сказал я. — Ты не будешь такой, как твой отец, и не закончишь, как твоя мать, потому что я никогда не брошу тебя.

— Тогда я умру от рака.

— Нет, не умрешь. Мы будем постоянно тебя проверять.

— Черт возьми, как ты узнаешь, о чем я думаю?

Я посмотрел на неё. Она прижала колени к груди, положив на них голову. Её волосы были собраны на затылке в большой нелепый пучок. Мне

хотелось распустить его, чтобы волосы спадали вниз по спине, но она выглядела так мило, что я решил этого не делать.

— Я вижу тебя даже тогда, когда ты думаешь, что я на тебя не смотрю. Кажется, я одержим тобой.

Она попыталась сдержать улыбку, но я видел, как она зародилась в уголках её рта. Я повалил Оливию на спину. О н а засмеялась. О н а почти никогда не смеялась... Мне хватит пальцев обеих рук, чтобы сосчитать все случаи, когда мне удавалось слышать её смех.

— Ты никогда не сдаешься. Именно поэтому ты мне так нравишься, Оливия — без второго имени — Каспен. Ты заставляешь меня потрудиться ради каждой твоей улыбки, каждого твоего смешка...

Она покачала головой.

— Я не смеюсь.

— Правда? — мои пальцы ползли вверх по её ребрам. Я щекотал её, а она смеялась. Смеялась так сильно, что я сам едва сдерживал смех.

Когда мы успокоились, она положила голову

мне на грудь. Её следующие слова застали меня врасплох. Я старался лежать как можно тише, сдерживая дыхание и опасаясь, что Оливия прекратит говорить сердцем, стоит мне только пошевелиться.

— Моя мама хотела, чтобы у неё было шесть детей, но родилась только я, и это было довольно дерьмово для неё, потому что я оказалась той еще чудилой.

— Ты не такая, — возразил я.

Она подняла голову, чтобы взглянуть на меня.

— Я подводила губы черной подводкой для глаз и сидела в «позе лотоса» на кухонном столе... медитируя.

— Не так уж и плохо, — сказал я. — Ты просто хотела внимания.

— Ладно, когда мне было двенадцать, я начала писать письма своей биологической матери, потому что мне хотелось быть удочеренной.

Я покачал головой.

— Твое детство отстой, и тебе просто хотелось

другой реальности.

Она выдохнула через нос.

— Мне казалось, что у меня в душе живет русалочка, я называла ее Сарой и болтала с ней.

— Активное воображение, — парировал я. Она становилась настойчивей, её маленькое тело извивалось в моих объятьях.

— Я пыталась сделать бумагу, высушивая хлопок.

— Ботаничка.

— Мне хотелось немного единения с природой, поэтому я заваривала траву и пила её, добавляя грязь в качестве подсластителя.

Я промолчал.

— Ладно, это действительно странно.

— Спасибо! — сказала она, а затем снова стала серьезной. — Моя мама любила меня, не смотря на все эти причуды.

Я сильнее сжал её в своих руках. Я боялся, что

ветер, вода... сама жизнь отнимут её у меня. Мне не хотелось, чтобы она испарилась.

— Лежа при смерти в больнице и страдая от невыносимой боли, она волновалась только обо мне, — Оливия сделала паузу и слегка улыбнулась. — У неё не было волос. Её голова напоминала сверкающее яйцо и всегда была холодной. Я попыталась связать ей шапку, но она получилась просто ужасной, вся в дырках, но мама, конечно же, все равно её надела.

Я услышал, как она начала плакать. Мое сердце разрывалось от боли, словно она только что ударила по нему кулаком.

— Она всегда спрашивала меня: «Ты голодна? Ты устала? Тебе грустно?» — голос Оливии надорвался. Я начал гладить её по спине, пытаюсь успокоить, но понимал, что у меня не получится.

— Я поменялась бы с ней местами.

Её слезы вывернули меня наизнанку. Я сел, усадив её к себе на колени.

Её боль была настолько колючей, что невозможно было прикоснуться к ней, не

поранившись с самым. Мне хотелось обернуться вокруг неё, чтобы самому принять все удары, которые ещё приготовила ей жизнь.

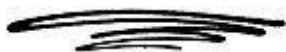
В этот самый момент, наши сердца соединились. Казалось, словно кто-то взял иголку с ниткой и сшил наши души воедино. Как девушка может быть такой колючей и одновременно такой уязвимой? Всё, что произойдет с ней, произойдет и со мной. Я разделю с ней любую боль, которую ей придется испытать. Мне хотелось этого, и это было удивительно. Эгоистичный и самовлюбленный Кaleb Дрейк настолько сильно полюбил девушку, что готов был изменить себя, лишь бы удовлетворять её потребностям.

Я влюбился.

Сильно.

До конца этой жизни, а, возможно, и следующей.

Я хотел её — каждый дюйм её упрямого, агрессивного, коварного сердца.

Спустя пару месяцев после этого разговора я впервые признался ей в любви. И хотя влюбился в неё уже давно, я всё же понимал, что она пока ещё не была готова услышать подобное признание. В том момент, когда у меня с губ слетели слова признания, она выглядела так, словно хотела запихнуть их обратно. Ноздри начали раздуваться, а лицо покраснело. Она не могла ничего сказать в ответ. Я был разочарован, но не удивлен. Я знал, что она любит меня, но мне всё равно хотелось услышать это от неё. Чем настойчивее она возводила вокруг себя стены, тем сильнее мне хотелось их разрушить. Иногда мне удавалось подобраться к ней поближе... Я пытался доказать ей, что она не была такой независимой, как ей казалось. Я хотел показать ей, что быть уязвимой и хотеть меня — совершенно нормально. Для людей вроде Оливии секс напрямую связан с эмоциями. Она пыталась притворяться, что секс для неё не имеет никакого значения, что она может находиться в здоровых отношениях и без него.

Но, её тело было её игровой картой. Чем сильнее она оттягивала момент секса, тем дольше она удерживала свою власть.

Войдя тем вечером в палатку, я был решительно настроен лишить её этой власти.

— Ты хозяйка своего собственного тела, да?

Она демонстративно выставила подбородок.

— Да.

— Тогда у тебя будут кое-какие проблемы с управлением им.

Приблизившись к ней, я заметил неуверенность, поселившуюся в её глазах. Раз она хотела играть в игры, то я намеревался начать играть жестче. Игра вышла из-под её контроля. Весь последний год мне приходилось сражаться за каждое желание, за каждую потребность, а ведь всё, чего я хотел, умещалось в три слова. Три слова, которые она мне так и не сказала, и теперь она поплатится за это.

Она попыталась уйти, но я схватил её за запястья и притянул к себе.

Сдержанность, которую я так усиленно

проявлял в течение года, неуверенно висела на краю обрыва. Я позволил ей ещё немного там повисеть, после чего спихнул её в пропасть и поцеловал Оливию. Я целовал её так, как целуют опытную девушку. Я целовал так, как целовал тогда, в первый раз, в бассейне — ещё до того, как узнал, что она так разбита. Она отреагировала лучше, чем я ожидал, словно ждала, когда же я её так поцелую. Она пыталась оттолкнуть меня пару раз, но делала это вполсилы. И даже тогда она не прекращала меня целовать. Её разум боролся сам с собой. Я решил немного ей помочь. Оторвавшись от неё, я схватил край её тонкой футболки и порвал прямо по шву. Порвал, словно бумагу. Она приоткрыла рот, когда я снял порванную ткань с её рук и отбросил в сторону. Снова притянув к себе Оливию, я поцеловал её, ловко расстегивая лифчик и откидывая его в сторону. Она стояла возле меня. Кожа к коже. Я сдернул с неё штаны, и она простонала мне в рот так, словно это было одновременно лучшее и худшее, что я когда-либо делал.

Она тяжело дышала мне в рот, что... о Господи ... я был так возбужден, что решил немного замедлиться. Мне хотелось растянуть время, целуя её в тех местах, в которых я всегда хотел её поцеловать, но не мог: ложбинку между её грудей, внутреннюю поверхность бёдер, поясницу...

У неё есть одно маленькое родимое пятнышко прямо над ключицей, возле основания шеи. Слушая её вздохи удовлетворения, я продолжил путь вниз. Когда я достиг её идеальных сосков, она прильнула ко мне, словно её желание было настолько невыносимым, что ей с трудом удавалось стоять. Я уложил её на пол, нависая сверху. Посасывая её соски, я рукой скользил вверх по внутренней стороне её бедра. На ней были надеты чёрные кружевные трусики, выделяющиеся на её кремовой коже. Моя рука остановилась, когда я достиг её промежности. Мне хотелось, чтобы она тоже этого захотела. Я провел большим пальцем по кружеву, и она изогнулась подо мной. Интересно, кто-нибудь прежде касался её там? Мне становилось всё труднее и труднее контролировать себя. Я дышал, уткнувшись в её волосы. От них пахло свежестью и чистотой.

— Ты всё ещё контролируешь себя?

Она кивнула. Я чувствовал, как она дрожит подо мной. Лгунья.

— Останови меня, — сказал я. — Если у тебя всё под контролем, то останови меня.

Я стянул с неё спортивные штаны, которые до этого все ещё висели в районе лодыжек. Она

посмотрела на меня остекленевшими глазами, словно остановить меня — было последним, чего она хотела.

И тогда я пришёл в себя. Моя игра становилась ядовитой. Дышать становилось всё тяжелее. Я мог взять её сейчас. Она бы позволила. Но это было бы несправедливо, ведь я манипулировал ей. Она бы разозлилась на меня, когда пришла в себя, и я потерял бы её. Мне просто нужно было, чтобы она признала мою власть.

— Так кто владеет тобой?

Она облизнула губы. Её запястья были зажаты в моих руках. Я почувствовал слабое давление, когда Оливия попыталась приподняться. Она молча спрашивала меня. Я отпрянул — Оливия научила меня этому. Она покачала головой, не понимая, что происходит.

Я встретился с ней взглядом, призывая посмотреть на меня.

Положив руку на грудь Оливии, я почувствовал, как бьется её сердце... Почувствовал, как оно бьется для меня и из-за меня.

Я хочу её. Я хочу её. Я хочу её. *«Пожалуйста,*

Оливия. Пожалуйста, позволь мне обладать тобой...».

— Так кто же владеет тобой?

Её глаза увлажнились. Она всё поняла. Её тело обмякло.

— Ты, — мягко ответила она.

Её уязвимость, тело, волосы... — все это чертовски заводило меня. Никогда в своей жизни я не хотел ни одну женщину так, как её.

Откинув голову назад, я закрыл глаза и слез с неё.

«Только не смотри на неё. Если ты сделаешь это, то окажешься в ней».

— Спасибо.

И затем я ушел так быстро, как только мог, чтобы принять холодный, очень холодный душ.

Всю следующую неделю она даже не смотрела на меня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Настоящее

Звонит мобильный телефон. Я с трудом открываю глаза. Сквозь шторы не пробивается свет, а это значит, что сейчас либо очень поздно, либо очень рано для звонков. Я нажимаю «ответить» и прислоняю телефон к уху.

— Слушаю.

— Калёб?

Я сажусь в кровати и оглядываюсь на Джессику, чтобы понять, не разбудил ли я её. Она спит на животе, её лицо скрыто волосами.

— Да? — Я потираю глаза, притягивая колени к корпусу.

— Это я.

Мне требуется несколько секунд, чтобы сообразить, кем является «это я».

— Оливия?

Я смотрю на часы. Сейчас 4:49. Я свешиваю ноги с кровати, удерживая телефон между ухом и плечом. Прежде, чем она успевает сказать мне что-нибудь ещё, я надеваю штаны и разыскиваю свои тапки.

— Кaleb, прости... я не знала, кому ещё позвонить.

— Не извиняйся, просто скажи, что случилось.

— Это Добсон, — говорит она. Оливия торопится, её слова обрываются и путаются. — Он присылал мне письма целый год. Прошлой ночью он совершил побег из «Селбета». Полиция полагает, что он направляется сюда.

Я отрываюсь от телефона, чтобы натянуть на себя кофту.

— Где Ной?

На другой стороне линии тишина, и я начинаю думать, что она сбросила вызов.

— Оливия?

— Его здесь нет.

— Ясно, — говорю я. — Хорошо. Буду у тебя через полчаса.

Я бужу Джессику и говорю, куда собираюсь.

— Хочешь, чтобы я поехала с тобой? — спрашивает она, едва открыв глаза.

— Нет, всё в порядке.

Я целую её в висок, и она опять возвращается на подушку. Выйдя из лифта и направляясь к гаражу, я улавливаю присутствие соли в воздухе. Вы всегда можете учуять запах океана рано утром, пока выхлопные газы машин и антропогенные загрязнения ещё не заполонили улицу.

За полчаса я доезжаю до пляжа Санни Айслес, где её дом возвышается над всеми остальными, одной стороной открывая вид на город, другой — на океан. Это единственный жилой дом с антибликовыми стеклами. Когда я захожу в лобби, ночной консьерж смотрит на меня так, словно решил, что мое имя

Добсон, и я только что сбежал из сумасшедшего дома.

— Миссис Каспен дала нам строгое указание не пускать никого наверх, — говорит он.

— Позвоните ей, — говорю я, указывая на телефон.

И тогда я слышу её голос, раздавшийся позади меня.

— Всё в порядке, Ник.

Я поворачиваюсь и вижу, как она направляется ко мне. Оливия одета в белые штаны для йоги и подходящую к ним толстовку. На голову она натянула капюшон, и о из-под него выбилось несколько прядей, обрамляя её взволнованное лицо. Я повинуюсь инстинктам: за пару шагов пересекаю пространство, разделяющее нас, и притягиваю её к себе. Она зарывается лицом мне в грудь так сильно, что едва может дышать, и обхватывает руками меня за плечи. Мы всегда так обнимались. Она называла это апперкотом. В колледже она всегда говорила: *«Апперкотируй меня, Калеб»*, — и люди смотрели на нас так, словно я должен был вот-вот её ударить.

— Боишься? — спрашиваю я ей в макушку.

Она кивает у моей груди.

— Не думала, что всё так обернется, — тихо бормочет она. Я приподнимаю её лицо за подбородок. Её рот всего лишь в нескольких дюймах от моего. Я вспоминаю, какими нежными и мягкими были её губы, сопротивляясь желанию снова попробовать их. И это подводит меня к самому важному вопросу.

— Где твой муж, Оливия?

Она выглядит такой расстроенной, что я начинаю жалеть о том, что задал этот вопрос.

— Не спрашивай меня об этом сегодня, ладно?

— Ладно, — говорю я, смотря ей прямо в глаза. — Хочешь где-нибудь позавтракать? — Она выдавливает улыбку из-за неправильного произношения слова. Мы привыкли так говорить.

Мы.

Привыкли.

Она выглядит взволнованной, когда

приближается к выходу.

— Герцогиня, — говорю я, сжимая её руку и улыбаясь, — ты со мной.

— Это хорошо, — кивает она, — потому что если он найдет меня, то у меня будут огромные проблемы.

Я смеюсь над её сухой шуткой и подталкиваю к двери.

Лоб в лоб мы встречаемся с Кэмми.

— Какого черта, — говорит она, взмахивая руками. — Я и не знала, что у нас тут чертово воссоединение отношений.

Оливия прикрывает глаза.

— Не осуждай меня.

Кэмми шлепает меня по заднице и обнимает Оливию.

— Я говорила тебе, что сейчас приеду, не нужно было звонить ему.

— Ему я позвонила первому. С ним я чувствую

себя в большей безопасности, чем с тобой.

— Всё дело в его огромном члене, не так ли? Он мог бы просто ударить им Добсона и

— Поедем на моей машине, — говорю я, открывая дверь. Кэмми проходит мимо меня и садится на заднее сидение. — Привет, Кэмми.

Она улыбается мне, и я качаю головой. Лучшая подруга Оливии — её полная противоположность. Мне всегда казалось странным, что они общаются. Я словно наблюдал за ураганным ливнем, хотя на небе в этот момент не было ни единого облачка. Сейчас они дерутся, а спустя мгновение уже заключают друг друга в объятия.

— Только посмотрите на нас, — говорит Кэмми. — Мы снова все вместе, словно и не было этих восьми чертовски лживых лет, полных всякого дерьма.

Я смотрю на неё в зеркало заднего вида.

— Сильно злишься?

— Нет, нет, всё в порядке. Ты в порядке? Я в порядке, — он а скрещивает руки на груди и

отворачивается к окну.

Я бросаю взгляд на Оливию, которая тоже смотрит в окно. Она выглядит слишком отвлеченной, чтобы обратить внимание на происходящее.

— Мы можем не спорить хотя бы сегодня, Кэм, — произносит она еле слышно. — Он здесь, потому что я попросила его прийти.

Я хмурюсь. Знаю, что мне лучше не спрашивать о том, что происходит между ними. Иначе всё может превратиться в неслыханный ор. Не проронив ни слова, я сворачиваю на парковку «Воффел Хаус». Оливия не сводит глаз с моей руки, пока я переключаю передачи.

— Ты рассказала ему про Ноя, О?

— Заткнись, Кэмми, — резко отвечает Оливия.

Я смотрю на нее краем глаза, охваченный любопытством.

— Рассказала мне что?

Внезапно Оливия поворачивается и указывает пальцем на Кэмми.

— Я тебя уничтожу.

— Зачем тебе это, когда ты так хороша в самоуничтожении?

Я открываю свою дверь.

— Мммм, вафли, — еще несколько ехидных замечаний проносится по салону автомобиля, пока я не решаю прервать их.

— Никто не разговаривает, пока каждая не съест по пять вафель.

Когда им было по двадцать, они начинали ссориться, как только понижался уровень сахара в крови. Прошло уже десять лет, но ничего так и не изменилось. Либо вы их накормите, либо они завладеют вами. Как Гремлины.

Сейчас же они обе послушно сидят с кислыми лицами, пока официантка не приносит наши блюда. Я ем омлет и наблюдаю, как они медленно отходят от ссоры. Через несколько минут они уже смеются и пробуют друг у друга с тарелок еду.

— Что говорит полиция, Оливия?

Она кладет вилку и вытирает рот.

— После того, как я выиграла дело, Добсон был убежден, что я сделал это потому, что люблю его, и теперь он считает, что мы должны быть вместе. Поэтому, полагаю, что сейчас он разъярен и направляется сюда за «своей невестой».

— Похоже на правду, — говорит Кэмми с набитым ртом. — Твои бывшие клиенты становятся одержимы тобой и самоликвидируются.

О н а слизывает с пальцев сироп и многозначительно смотрит на меня.

Я пинаю Кэмми под столом.

— Ой!

Оливия подпирает подбородок ладонями.

— Разве тебе не хотелось бы, чтобы Добсон полюбил вместо меня Лию?

Я пытаюсь сдержать смех. Правда, пытаюсь. Но эти маленькие колкости, слетающие с её.... она такая чертовка...

К э м м и одаривает меня неодобрительным взглядом.

— Прекрати так смотреть на неё.

Я не отвечаю, потому что понимаю, о чём она говорит, и просто подмигиваю Оливии. Моя бывшая жена всегда обвиняла меня в том же, в чем сейчас обвиняет Кэмми. Когда я смотрю на Оливию, то не могу оторвать взгляд. И так происходит с того самого дня, когда я впервые увидел её под деревом. С тех пор вся красота окружающего мира напоминает мне о ней. И неважно о чем сейчас идет речь, все это всего лишь отражение Оливии. Эта маленькая ведьма очаровала меня.

Я встречаюсь взглядом с Оливией. Мы не отводим друг от друга глаз около шести секунд. Напряжение между нами такое сильное, что у меня начинает крутить живот, когда мы отводим глаза в сторону. Я вижу, как она пытается проглотить свои эмоции. Я знаю, о чем она думает.

Почему?

Я сам думаю об этом каждый день.

Я расплачиваюсь по счету, и мы садимся обратно в мою машину. Девушки не хотят возвращаться к Оливии.

— Кaleb, он размажет тебя по стенке, — говорит Кэмми. — Я видела его вживую. Не обижайся, но не думаю, что ты сможешь побороть его. Он. Тебя. Размажет.

Оливия опустила голову на колени. Она не желает шутить о чем-то настолько серьезном, но ей очень сложно сдерживаться, находясь рядом со мной и Кэмми. Я вижу, как трясется её спина от приглушенного смеха. Я наклоняюсь и дергаю её за застежку бюстгальтера.

— Герцогиня, и ты туда же? Не думаешь, что я смогу позаботиться о Добби?

— Добби начал пытаться животных, как только научился ходить. Однажды я видела, как он откусил голову мыши и съел её.

Я скривил лицо.

— Правда?

— Нет. Но он ест мясо очень слабой прожарки.

Я хихикаю.

— То, что говорили о его матери, это правда? Про её приставания к детям в церкви?

Оливия снимает пушинку со штанины и пожимает плечами.

— Похоже на правду. Он много рассказывал о том, что с ним делала его мать. Это объясняет его желание, хм... принуждать женщин любить его.

— Черт, — говорит Кэмми с заднего сидения. — А я ещё думала, что проблемы с отцом оказали влияние на тебя...

— Он когда-нибудь проявлял по отношению к тебе агрессию? — спрашиваю я, смотря на Оливию краем глаза.

— Нет, нет, он был очень тихим и спокойным. Практически джентльменом. Девушки рассказывали, что он сначала спрашивал у них разрешения и только после этого насиловал их. Больной, правда? «Позволь мне изнасиловать тебя... Я сначала спрошу разрешения, но в случае отказа, не раздумывая, убью тебя. Но, даже не смотря на это, позволь мне сначала спросить».

Уголки её губ опускаются, и он качает головой.

— Люди такие испорченные. Все мы. Мы только и можем, что причинять друг другу боль.

— Некоторые из нас испорчены сильнее других, тебе так не кажется? Например, наш хороший друг Добсон мог бы стать адвокатом, специализирующимся на защите детей, подвергшихся насилию, а не серийным насильником.

— Да, — говорит она. — У него большой разум. Не у всех жертв есть силы пройти через это и не лишиться рассудка.

Я люблю её. Господи, как же сильно я её люблю.

— Мы можем не возвращаться ко мне домой? — спрашивает она. — Там я чувствую себя некомфортно.

— Может, тогда к Кэмми? — предлагаю я.

Кэмми качает головой.

— Я живу у своего парня, пока в моем новом доме проводятся отделочные работы. Оливия недолюбливает его.

Я смотрю на свои часы. Джессика будет у меня ещё пару часов, пока не уедет на работу. Пусть она и

остается у меня всего лишь пару ночей в неделю, но мне не нравится идея привозить Оливию туда, где я сплю с другими девушками.

— Мы можем поехать в отель, — говорю я. — Будем прятаться там, пока они его не поймают.

Оливия качает головой.

— Нет, никто не знает, насколько это затянется. Просто отвези меня домой, все в порядке.

Я вижу страх на её лице, и мне снова хочется спросить, где Ной.

— У меня есть идея, — говорю я. Когда они начинают забрасывать меня вопросами, я не рассказываю им. Идея, конечно, безумная, но мне она нравится. Я разворачиваюсь и втискиваю машину в утренний трафик, направляясь обратно к дому Оливии.

— Не хочешь захватить с собой немного одежды? — она кивает.

Мы делаем небольшую остановку возле её дома. Я поднимаюсь в квартиру (на случай, если Добсон следит за нами) и беру сумку из её шкафа. Роюсь в

ящиках комода, пока не нахожу тот, в котором убрано нижнее белье. Запихиваю белье в сумку. Затем подхожу к шкафу и наугад выбираю несколько вещей для Оливии и Кэмми. Прежде чем уйти, я замираю у другого шкафа. Его шкафа.

Я открываю дверцу, не зная, чего ожидать. Его одежда все ещё аккуратно висит на вешалках. Я хлопаю дверью немного сильнее, чем планировал. Ещё одну остановку я делаю в гостиной. Смотрю на стол, где обычно стоял его графин с виски. Он пустой. Я открываю его и переворачиваю.

Ни капли.

Как давно он ушел? Почему? Почему она не рассказывает мне?

Молча возвращаюсь в машину. Кэмми тихо посапывает на заднем сиденье.

Я передаю Оливии сумку, и она одними губами говорит мне: «Спасибо».

«Не за что, Герцогиня, не за что».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прошлое

Мыло расплывалось на лобовое стекло, и машина вибрировала, когда струи воды ударяли по окну. Оливия оторвалась от моего рта и оглянулась через плечо. Я поцеловал её изящную шею и запустил руки в волосы, чтобы притянуть её к себе. Для Оливии всё выходило из-под контроля. Для меня же это было в порядке вещей. Девчонка сидела у меня на коленях, в юбке... на автомойке... всё складывалось как нельзя лучше. Но не с Оливией. Дальше всё пошло не так хорошо. Несмотря на то, что она была моей девушкой... и я любил её и мечтал увидеть обнаженной на мне, я не хотел забирать у неё то, что она не была готова отдать.

Удерживая за талию, я пересадил её на соседнее сиденье. Затем я вцепился в руль и вспомнил о моей двоюродной тете Ине. Тёте Ине было шестьдесят семь лет, и у нее были бородавки... огромные... противные... выступающие бородавки. Я

подумал о её подбородке и волосах, которые торчат из бородавок. И это помогло. Я смог себя контролировать.

Оливия фыркнула на соседнем сидении.

— Почему ты всегда так делаешь? Мне было весело.

Я закрываю глаза и откидываюсь назад.

— Герцогиня, ты хочешь заняться сексом?

Ответ приходит быстро.

— Нет.

— Тогда какой в этом смысл?

Она задумалась.

— Не знаю. Все обжимаются. Почему мы просто не можем... ну ты знаешь?

— Нет, не знаю, — ответил я, поворачиваясь к ней. — Почему ты прямо не скажешь, что у тебя на уме?

Она покраснела.

— А мы не можем прийти к компромиссу? — прошептала она, не глядя на меня.

— Мне двадцать три. Я занимаюсь сексом с пятнадцати. Так что, думаю, я уже иду на компромисс. Если ты хочешь, чтобы с тобой я чувствовал себя пятнадцатилетним, то я этого делать не собираюсь.

— Я знаю, — сказала она поникшим голосом. — Извини, я просто не могу.

Ее голос прервал мой эгоистичный порыв. Во всем этом не было её вины. Я уже ждал целый год. Подожду и другой — это мое решение. Она этого достойна.

Я хотел её.

— Все эти обжимания — это просто медленный переход к сексу. Сначала руки, потом губы, а потом, прежде чем успеваешь что-то понять, начинаешь заниматься этим всё время.

Она покраснела.

— Как только начнешь, уже не сможешь остановиться. Это медленное продвижение к сексу.

Так что если ты не готова к сексу, лучше не надо всех этих зажиманий. Вот и всё.

Я открыл бутылку воды, стоявшую в подставке для стаканов, и сделал глоток. Автомойка шумела вокруг нас, полоски мыльной резины шлепались о металл. И я чувствовал эти удары.

Она забралась обратно ко мне на колени. *Боже, надеюсь, она не чувствует моей эрекции.* Потом положила руки мне на лицо и прижалась своим носом к моему. Ее нос такой холодный. Это была мягкая сторона Оливии. Она пробуждала во мне альфа самца, желающего защищать её и разрывать зубами каждого, кто к ней приблизится.

— Прости меня, Калев. Прости, я так запуталась.

Мои руки опустились на её талию.

— Ты не запуталась, ты просто сексуально сдержанная.

Она хихикнула. Это было так кокетливо и мило. Когда женщина издает такой звук, я не могу не улыбнуться.

Я посмотрел на её загорелые ноги. Всё, что мне нужно было сделать, это расстегнуть штаны, она уже была прямо на...

— Тебе стоит вернуться на свое сиденье, — мой голос был хрипловатым.

С виноватым видом она пересела обратно.

Несколько минут мы сидели в тишине, пока работали сушилки. Я смотрел, как капли воды, бежали по лобовому стеклу, а потом исчезали. Во что я себя втянул? Я влюбился в ту, которую не мог исправить. Мой тренер назвал меня фиксером (*Прим. слово *fixer* — существительное, образованное от англ. глагола *to fix* — исправлять*). Это началось на втором курсе, когда я заметил парочку новичков в команде, у которых не клеилась игра. Я отдельно позанимался с ними, пока их навыки не улучшились. Тренер всегда использовал мой талант для работы с новыми ребятами. В предпоследний год ко мне подошло десять парней с просьбой тренировать их. Не знаю, почему, но я был хорош в этом. Сейчас моя потребность все исправлять вылилась на девушку, которая влекла меня. Я подумывал вернуться к своей бывшей — Джессике. Она была идеальна, до...

Я стиснул зубы. Может, поэтому у нас ничего

не получалось. Она была слишком идеальна. Оливия же так прекрасно разбита. Тонкие трещины ее личности были скорее произведениями искусства, нежели недостатками. Я любил искусство с изъясном. Статуя Лоренцо рук Микеланджело с искривленной подставкой, предназначенной для укрепления ноги, отсутствующие брови у Моны Лизы. Недостатки так сильно недооценивают. А они могут быть прекрасны, если просто внимательно посмотреть.

Я знал, что обманываю себя, думая, будто смогу её исправить. Но было слишком поздно — я не знал, как остановиться. Она первая нарушила тишину.

— Хотела бы я знать, о чём ты думаешь, — произнесла она.

— Всегда есть возможность меня спросить, — я завёл мотор и поехал вперед. Она, как обычно, изучала мою руку на рычаге переключения передач.

С мойкой машины покончено. С безумным желанием оказаться в ней — нет.

— У меня такое чувство, что ты постоянно пытаешься проникнуть в мои мысли. Ты как Питер Пэн — все время залезаешь в окна и создаешь неприятности.

Она скривилась.

— Ты действительно только что назвал меня Питером Пэном?

— Я называл тебя и похуже, — я выехал на дорогу.

— Ламой, — ответила она. — Мне понравилось.

Я посмеялся над очевидным сарказмом, и чары вожеления были разрушены. Теперь мне просто хотелось быть рядом с ней.

— Питер Пэн хочет проникнуть в твои мысли и узнать, о чем ты думаешь, — снова попыталась она. Её взгляд был такой непреклонный, что я сдался.

Мы остановились на красный свет. Я потянулся и взял её за руку. Хорошо, если она хотела узнать мои мысли, я собирался ей рассказать. Может, ей пойдет на пользу — выяснить, что в голове у нормального взрослого парня. Может, в следующий раз она будет более осторожна в своих играх с «нормальным взрослым парнем». Я поднес её пальцы к губам и поцеловал. Снова представил её на своих коленях и понизил голос, чтобы она понимала, что я говорю

серьезно.

— Если ты заберешься ко мне на колени в этой юбке и ещё раз так поцелуешь, я сниму твои трусики и оттрахаю тебя.

Её лицо покраснело. Боже. Мне нужно по-настоящему её напугать, чтобы она не пыталась это повторить. Я не Супермен. Я — парень, который очень хотел заняться любовью со своей девушкой.

Она не отпустила руку, а сжала её ещё сильнее. Я посмотрел на неё краем глаза. Она кусала нижнюю губу, глядя прямо перед собой, не моргая.

Я подавился смешком. *Боже, думаю, я на самом деле завел её.* Моя маленькая Герцогиня всегда полна сюрпризов.

С этого дня Питер Пэн стал для нас кодовым словом. *Как думаете, для чего?*

— Питер Пэн.

— Отстань.

— Ты придумала эту игру.

Мы лежали на полу и, по идее, должны были готовиться к занятиям. На ее губах всё ещё были следы от наших поцелуев.

— Я вся в крошках от «Читос» и пытаюсь заниматься. Меня раздражает, что последние сорок минут ты таращишься на меня, не давая сосредоточиться, — она съедает еще один снэк. Я хватаю её за руку и облизываю палец, съедая все крошки от «Читос». Это был мой новый Оливизм.

Она округляет глаза, и я отпускаю руку.

— С каких пор ты читаешь газеты? — листок лежал прямо под ней. Она приподняла грудную клетку, дав возможность его вытащить, и я перевернулся на спину.

— Увидела её, когда стояла у кассы в магазине, — она выглядела слегка виноватой. Я развернул газету и взглянул на первую страницу.

— Лаура, — произнес я. Не хотел говорить

этого вслух, но ее фотография застала меня врасплох. Каждый раз, когда я думал об этом, у меня скручивало живот.

— Новые подробности в деле Лауры Хилберсон, — прочёл я. В статье говорилось, что одна из её кредитных карт была использована на заправке в Миссисиппи. Но так как там не было камер наблюдения, они не могли точно сказать, кто воспользовался картой. Подросток за кассой был под кайфом и ничего не помнит.

— Ты встречался с ней, — сказала Оливия. Я кивнул. Она убрала тетрадь в сторону и положила голову на руки. — Какой она была? Думаешь, она могла просто исчезнуть? Или кто-то похитил её?

Я почесал живот.

— Мы были вместе около недели. Я не очень хорошо её знал.

Это не так. Почему я обманываю?

Оливия поняла, что я соврал.

— Расскажи мне, — попросила она.

— Не о чем рассказывать, Герцогиня.

— Калев, ты один из самых проникательных людей, которых я когда-либо встречала. И ты говоришь, что понятия не имеешь, что происходит?

Мой мозг переклинило, и я не знал, что на это ответить. Это была скользкая тема. Я собирался снова ей соврать — или, может, сказать правду, когда Кэмми влетела в комнату, спасая меня.

— О, мой Бог! Вы что, занимались сексом?

Я скрестил руки за головой, наблюдая за их шуточной перепалкой.

Где же Лаура? Это какое-то безумие.

Лаура Хилберсон была патологической лгуньей. Я понял это за три свидания. Она была хорошенькой, застенчивой девушкой, и казалось, все вокруг её знают. Возможно, потому, что у её родителей была яхта, и она приглашала всех на выходные. Мы

учились в частном колледже. Оливия была одной из немногих студентов, которые получили полную стипендию. Большинству же она была просто не нужна.

Я пригласил Лауру на свидание после того, как мы оказались в одной группе на занятиях по ораторскому искусству. На первом свидании она рассказала мне о том, как её лучшая подруга погибла в автомобильной аварии три года назад. Она плакала и говорила, что та была ей ближе родных братьев и сестер. Когда я спросил, сколько их у нее, она, тяжело вздохнув, ответила, что их у неё восемь.

«Восемь. *Bay!*» — подумал я. Как же её родители умудряются обнять всех в один день?

Второе свидание мы провели на яхте её родителей. Несмотря на все деньги, они оказались очень простыми людьми. Её мать приготовила нам на ланч сэндвичи с кусочком индейки, белым хлебом и помидором. Они рассказывали о церкви и миссионерских поездках, в которых участвовала Лаура, когда училась в старшей школе. Когда я спросил, ездили ли её братья и сестры с ней, они непонимающе посмотрели на меня. Потом Лаура увидела в воде дельфинов, и мы все наблюдали, как они играют. Вечером мы поехали к ним домой,

чтобы я смог забрать машину. Они жили в скромном двухэтажном доме, видимо, единственным подтверждением их богатства была яхта, которую они называли хвостовством.

Она показывала мне дом, пока её мать искала нам колу в гаражном холодильнике. Я посчитал спальни: одна, две, три, четыре. Во всех были двуспальные кровати, кроме комнаты Лауры — она сказала, что предпочитает полуторную. Когда я спросил, где же все спят, она ответила, что большинство братьев и сестер старше её и уже съехали.

Внутренняя тревога пропала, когда я прощался с её семьей в фойе. На стене напротив входной двери висели семейные фотографии. Бабушки и дедушки, рождественские фотографии, фото дней рождения — я пробежался по всем глазами, пока мы болтали про школу и выпускной. Попрощавшись, я пошел к машине, зная две вещи: Лаура была единственным ребенком и патологической лгуньей.

Третьего свидания вообще не должно было быть. После того, как я всё понял, у меня напрочь отпало желание. Это было групповое свидание, и я был парой Лауры. Мы собирались на игру «Янкиз» против «Рейс» (*Прим. «Нью-Йорк Янкиз» и*

«Тампа-Бэй Рейс» — профессиональные бейсбольные клубы, выступающие в Восточном дивизионе Американской лиги, Главной лиги бейсбола). Все знали, что «Рейс» проиграют, но мы хотели выбраться из города и повеселиться, прежде чем экзамены окончательно нас добьют. Лаура ехала со мной и ещё одной парой. Она села на переднее сиденье, болтая про свою последнюю поездку в Тампу, где её сестра потерялась на пляже, и родителям пришлось вызвать полицию.

— Я думал, что ты самая младшая, — сказал я.

— Это было давно. Ей тогда было пять, насколько я помню, — ответила она.

— Сколько же было тебе?

— Три, — быстро ответила она.

— И ты помнишь, что произошло?

Она замолчала.

— Нет. Но мои родители постоянно об этом рассказывают.

— Твоя сестра сейчас в колледже?

— Нет. Она служит в армии.

— А в каких войсках?

— Она — морской котик.

Мои брови приподнялись. Я посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы узнать, слышали ли её Джон и Эми.

Но они оба уснули.

Черт.

Было темно. И я обрадовался, что она не видит выражение моего лица. Среди морских котиков нет ни одной женщины. Может, я и не коренной американец, но это общеизвестный факт. По крайней мере, я так думал.

— Что ж, это впечатляет, — сказал я, не придумав ничего лучше. — Ты, должно быть, гордишься.

«Или врешь», — добавил я мысленно.

Все оставшееся время я расспрашивал её о каждом брате и сестре, и у нее всегда находился ответ.

Тогда я просто развлекался. На следующий день во время игры, я уселся между двумя друзьями, чтобы не находиться рядом с ней. Ложь утомляла меня. Но тем же вечером я отправился за новой порцией.

Я расспрашивал о миссионерских поездках, пытаясь хоть немного её понять. По идее, христиане не должны лгать, по крайней мере, так много. Но это было заблуждением. Может, у неё не всё в порядке с головой. Хотя вела она себя нормально. *Боже*. Это взрывало мой мозг. И я жалел, что не изучаю психологию вместо бизнеса. Позже я спросил про Лауру у одной из девчонок в нашей группе.

— Она классная. Тихоня, — ответила та.

— Да. Наверное, потому, что она самая младшая в семье, — сказал я.

Тори нахмурилась.

— У нее только брат и сестра. И оба учатся за границей.

Черт побери.

Больше я не разговаривал с Лаурой. Я не мог понять, знала ли она, что врет, или делала это,

потому что крыша поехала. Или, может, она считала это забавным. Кто знает? И я не хотел выяснять. Когда мне рассказали об ее исчезновении, я сразу подумал, что это неслучайно. Но потом почувствовал себя виноватым.

Может, её похитили, а я всё придумал, чтобы объяснить себе её поведение.

Её обнаружили в аэропорту Майами. Когда в газетах напечатали, что её похитил мужчина по имени Дэвон, я старался их не читать. Но Оливию этот случай захватил. Она изучала все, что находила. Может, потому что она изучала право, или это был личный интерес к Лауре. Я держал свое мнение при себе и надеялся, что с ней все в порядке.

Кое-что произошло в ночь после рождения Эстеллы. Я готовил обед, а по телевизору шли новости. Я услышал её имя. Негромко, но все же. Вышел из кухни и увидел Лию, собирающуюся переключить канал.

— Не надо, — сказал я. Оливия появилась на моем плоском экране, идущая рядом с мужчиной, которого звали Добсон Орчард. Она отмахнулась от прессы и села с ним в машину.

Нет, Оливия.

Я хотел сказать ей, чтобы она держалась подальше от этого дела. Держалась подальше от него. Хотел схватить ее за черные, шелковистые волосы и укрыть в своих объятьях. К началу рекламы во рту пересохло.

Тогда я осознал, что они показали фотографию Лауры, назвав её одной из его первых жертв. Добсона/Дэвона...

«Забудь об этом», — подумал я. Она была под кайфом. Может быть, она неправильно назвала имя. Может, в новостях ошиблись. Может, она запрыгнула в поезд Добсона, потому что хотела прокатиться. В колледже она желала стать частью чего-то, быть одной из восьми детей. Может быть, она нашла семью в лице запуганных жертв Добсона.

Черт, если бы я не западал на странных женщин...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Настоящее

— Где мы? — Кэмми выпрямляется на сидении и трет глаза.

— В Нэйплс, — я еду по оживленной улице, и она в тревоге оглядывается по сторонам.

— Дрейк, какого черта?

Оливия, которая молчала всю дорогу, безразлично смотрит в окно. Я волнуюсь за неё. Она ни разу не спросила, куда мы едем. Либо она мне доверяет, либо ей все равно. Оба варианта меня устраивают.

Дорога уходит в сторону, и я сворачиваю на узкую улочку. Здесь дома расположены на приличном расстоянии друг от друга. Десять из них

стоят на берегу озера, окруженные пятью акрами земли (*Прим. Примерно 2 гектара*). Ближайший сосед владеет лошадьми. Я вижу, как они пасутся за белым забором. Когда мы проезжаем мимо, Оливия наклоняет голову, чтобы получше их рассмотреть.

Я улыбаюсь про себя. Значит, она не совсем выпала из реальности.

Останавливаюсь рядом с коваными белыми воротами и ищу в бардачке автоматический ключ. Рука касается её колена, отчего она подскакивает.

— Приятно знать, что всё ещё оказываю на тебя такое воздействие, — говорю я, направляя ключ на ворота. Как только они начинают открываться, она ударяет меня в грудь.

Но прежде, чем она успевает убрать руку, я хватаю её и прижимаю к сердцу. Она не сопротивляется.

Кэмми посапывает на заднем сидении, и я отпускаю её.

Подъездная дорожка вымощена кремов-коричневым кирпичом. Мы едем по нему двести ярдов (*Прим. Примерно 180 метров*), пока не

подъезжаем к дому. Я паркую машину, а Оливия наблюдает за моей рукой.

Я смотрю на неё, потом на свою руку. А когда она поднимает глаза, улыбаюсь ей.

— Где мы?

— В Нэйплс, — повторяю, открывая дверь. Я опускаю сидение, давая Кэмми возможность выйти, и обхожу машину, чтобы открыть дверь Оливии.

Она выходит и потягивается, осматривая дом.

Я ожидаю её реакцию.

— Здесь красиво, — говорит она. Я ухмыляюсь, и моё бешено стучащее сердце успокаивается.

— Чей это дом?

— Мой.

Она выгибает брови и идет за мной по ступеням. Дом трехэтажный, с кирпичной башенкой и балкончиком на крыше, откуда открывается восхитительный вид на озеро. Когда мы подходим к входной двери, она вздыхает.

На массивной деревянной двери расположен дверной молоток в форме короны.

Я останавливаюсь у двери и смотрю на неё.

— И твой.

Её ноздри раздуваются, ресницы быстро порхают, а рот изгибается в недовольной гримасе.

Я поворачиваю ключ в замке, и мы входим в дом.

Тут нереально жарко, так что я направляюсь прямо к термостату. Кэмми ругается, и я рад, что они не видят моего лица.

Дом полностью обставлен. Кое-кто приходит раз в месяц, чтобы протереть пыль и почистить бассейн, которым ещё ни разу не пользовались. Я перехожу из комнаты в комнату, чтобы открыть занавески. Девушки следуют за мной.

Когда мы заходим на кухню, Оливия обнимает себя руками и осматривается.

— Нравится? — спрашиваю я, наблюдая за ней.

— Ты сам придумал дизайн, да?

Мне нравится, что она так хорошо меня знает. Моя бывшая жена любила, чтобы все было в современном стиле: безупречная сталь, плитка и стерильно белый цвет. В моем доме всё было в теплых тонах. Кухня в деревенском стиле. Много камня, древесины и меди. Я попросил, чтобы декоратор использовал красный цвет, потому что он напоминает мне об Оливии. У Лии были огненные волосы, у Оливии же огненной была её сущность. Так что я убежден, что для меня красный цвет связан с любовью.

Кэмми бродит по гостиной, затем плюхается на диван и включает телевизор. Мы с Оливией стоим рядом, наблюдая за ней. В моих мыслях она должна была увидеть всё это при совсем других обстоятельствах.

— Хочешь, покажу остальную часть твоего дома?

Она кивает, мы выходим из кухни и идем прямо к винтовой лестнице.

— Лия...

— Нет, — отвечаю я. — Я не хочу разговаривать о Лие.

— Ладно, — говорит она.

— Где Ной?

Она отворачивается.

— Пожалуйста, прекрати меня об этом спрашивать.

— Почему?

— Потому что больно отвечать.

Несколько мгновений я внимательно смотрю на неё, а затем киваю.

— В конце концов, ты всё равно мне об этом расскажешь.

— В конце концов, — она вздыхает. — Это выражение про *нас*, правда? В конце концов, ты признаешься мне, что на самом деле не терял память. В конце концов, я расскажу, что притворялась, будто не знаю тебя. В конце концов, мы снова будем вместе, разбежимся и опять сойдемся.

Я наблюдаю, как она изучает картину на стене, и обдумываю её слова. То, что она говорит, по-настоящему задевает меня. Она позволяет кусочку

своей души соскользнуть ступ, но это всегда грубо и необыкновенно печально.

— Кaleb, что это за дом?

Я стою у неё за спиной, когда она заглядывает в главную спальню, и дергаю её за кончики волос.

— Я построил его для тебя. Собирался привести сюда в тот день, когда решу сделать предложение. Он был пустой, но мне хотелось тебе показать, что мы можем построить вместе.

Она выдыхает через нос и качает головой. Так она обычно прогоняет навернувшиеся слезы.

— Ты собирался сделать мне предложение?

Я быстро прикинул, стоит ли рассказать ей историю о той ночи, когда она появилась в моем офисе, но решил эмоционально на неё не давить.

— Почему ты всё ещё держишь этот дом? Обставляешь его?

— Проект, Герцогиня, — мягко говорю я. — Мне нужно что-то исправлять.

Она смеется.

— У тебя не получилось исправить меня или ту чокнутую рыжую, поэтому ты принялся за дом?

— Это гораздо полезнее.

Она фыркает. Хотя я бы предпочел, чтобы она засмеялась.

Она щелкает выключателем и осторожно входит в спальню, словно пол вот-вот провалится под ней.

— Ты когда-нибудь тут спал?

Я наблюдаю, как она проводит пальцем по роскошному белому одеялу и садится на край кровати. А потом несколько раз подпрыгивает, чем вызывает у меня улыбку.

— Нет.

Она ложится на спину и внезапно два раза переворачивается на кровати, пока не оказывается на другой стороне. Так иногда делают дети. И как всегда, когда слово «*дети*» проносится у меня в голове, мой желудок скручивает от боли.

Эстелла. Мое сердце падает и затем снова с легкостью взлетает, когда она улыбается мне.

— Тут немного девчачья обстановка, — говорит она.

Уголок моего рта ползет вверх.

— Ну, я намеревался делить эту спальню с женщиной.

Она надувает губы и кивает.

— Павлиний синий очень даже уместен.

На комодѣ стоит ваза с павлиньими перьями. Уголки ее рта взлетают вверх, словно она вспоминает что-то из прошлого.

Я показываю ей остальные спальни и веду по лестнице на чердак, который переделал в библиотеку. Она вскрикивает от восторга, когда видит книги, и мне практически приходится тащить её, чтобы показать балкон. Она хватает две книги, но когда выходит на солнечный свет, кладет их на складной стул, широко распахнув глаза.

— Боже мой, — говорит она, потом вскидывает руки вверх и кружится. — Так красиво. Я бы все время проводила здесь, если...

Мы оба одновременно отворачиваемся. Я иду посмотреть на деревья; а она остается возле озера.

Если...

— Если бы ты не солгал мне, — вздыхает она.

Действительно ли я этого *не* ожидал? Она просто королева подколов. Я смеюсь от всей души. Смеюсь так сильно, что Кэмми открывает заднюю дверь и выглядывает наружу. Увидев нас, она качает головой и возвращается назад. Такое чувство, что меня только что отругали.

Я смотрю на Оливию. Она берет книги и садится на стул.

— Я буду здесь, если понадобится тебе, Дрейк.

Подхожу и целую её в макушку.

— Ладно, Герцогиня. Пойду готовить обед. Не позволяй никому украсть тебя.

Два дня спустя они поймали Добсона в доме Оливии. Он пришёл за ней. Мне хотелось убить Ноя. Что, если бы она мне не позвонила? Добсон скрывался от полиции практически десять дней. Что, если бы он подобрался к Оливии? Я даже не хочу думать об этом. Когда нам позвонили, я понял, что пора вернуть её назад, но мы задержались ещё на день. Даже Кэмми не особо стремится уехать отсюда. На четвертый день, когда мы заканчиваем обед, состоящий из жареного лосося и спаржи, я поднимаю тему отъезда. Кэмми вежливо встает из-за стола и уходит в дом. Оливия кладет салат на тарелку и старательно избегает моего взгляда.

— Не чувствуешь себя готовой? — спрашиваю я.

— Не в этом дело, — отвечает она. — Просто было...

— Хорошо, — заканчиваю я за нее. Она кивает.

— Можешь несколько дней пожить в моей квартире, — предлагаю я.

Она удивленно смотрит на меня.

— Предлагаешь спать между тобой и Джессикой?

Я ухмыляюсь.

— Откуда ты знаешь, что я все еще встречаюсь с Джессикой?

Она вздыхает.

— Я слежу за тобой.

— Преследуешь меня, — говорю я. Когда она не реагирует, я провожу пальцем по выделяющейся вене на её руке.

— Все нормально. Я тоже за тобой слежу.

— С Джессикой все также? Как было в колледже?

— Хочешь знать, влюблен ли я в неё?

— А что, звучит так, словно я спрашиваю об этом?

Я прикрываю лицо руками и драматично

Вздыхаю.

— Если ты хочешь задавать личные и чересчур неудобные вопросы, то вперед. Я расскажу все, что захочешь. Но ради Бога, спрашивай прямо.

— Хорошо, — говорит она. — Ты влюблен в Джессику?

— Нет.

Она выглядит удивленной.

— А был? Ну, в колледже?

— Нет.

— Ты бы женился на ней, если бы она оставила ребенка?

— Да.

Она прикусывает губу, и её глаза увлажняются.

— Не ты вынудила Джессику сделать аборт, Оливия.

Катятся слезы.

— Я. Я отвезла её в клинику. Я должна была отговорить её, но не стала. Глубоко в душе я знала, что ты женишься на ней, если узнаешь, что она беременна. Стоило ей это сказать, и она бы ничего не сделала.

— Джессика не хочет детей, — говорю я. — Никогда не хотела. Это своего рода камень преткновения между нами.

Она вытирает глаза рукавом и шмыгает носом. Так трогательно и мило.

— Но вы вместе. Какой смысл в ваших отношениях, если они никуда не ведут?

Я смеюсь и кончиком пальца вытираю слезинку с ее подбородка.

— В этом вся ты. Ничего не делаешь просто так. Вот почему с самого начала ты не давала мне шанса. Ты не видела себя замужем за мной, поэтому даже разговор об этом не заводила.

Она пожимает плечами и слегка улыбается.

— Ты не знаешь меня, дурачок.

— Нет, знаю. Ты заставила меня вывернуться

наизнанку перед тобой, прежде чем согласилась хотя бы подумать о свидания.

— К чему ты клонишь, Дрейк?

— Джессика рассталась с кем-то, прежде чем переехала сюда. Я развелся. У нас двоих беспорядок в голове, и нам нравится быть вместе.

— И ты любишь трахаться, — говорит она.

— Да. Нам нравится трахаться. Ревнуешь?

Она закатывает глаза, но я-то знаю.

Темнеет. Скрываясь за деревьями, солнце прожигает дыру в небе, от чего все кажется желтым и оранжевым.

— Знаешь, — говорю я, наклоняясь над столом и беря её за руку. — У меня может быть секс с тысячей женщин, но ничто не сравнится с той ночью в апельсиновой роще.

Она выдергивает руку и поворачивается всем телом, чтобы посмотреть на закат. Я улыбаюсь, глядя на ее затылок, и начинаю собирать тарелки.

— Отрицание — мерзкая штука, Герцогиня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прошлое

— Покажите мне вот это.

Он наклонился к блестящей стеклянной витрине и достал кое-что менее броское, чем предыдущее. Спустя какое-то время все обручальные кольца выглядят одинаково. Помню, когда я был ребенком, то произносил свое имя снова и снова, пока оно не начинало звучать как что-то непонятное, совсем нее похожее на имя. Он протянул через прилавок еще одно украшение, на этот раз чуть покрупнее. Оно лежало на подставке из черного бархата. Я поднял его и надел на мизинец, чтобы хорошенько рассмотреть.

— Три карата, абсолютно прозрачный. Бриллианты такой чистоты содержат мельчайшие вкрапления, которые практически невидны даже при 10-кратном увеличении, — сказал Томас. Самот.

— Оно прекрасно, правда. Но, думаю, я ищу что-то более... уникальное, — я отдал кольцо ему.

— Расскажите мне о ней, — ответил он. — Может быть, я смогу лучше понять, какое кольцо вам нужно.

Я ухмыльнулся.

— Она до ужаса независимая. Всегда отказывается от чьей-либо помощи, даже моей. Ей нравятся милые вещи, но она стыдится этого. Она не хочет выглядеть поверхностной. И она не такая. Боже, она очень проницательна... и знает себя. И она добрая. Только этого она не знает. Считает себя холодной, но на самом деле у неё очень доброе сердце.

Когда я взглянул на него, его брови медленно поползли вверх. Мы одновременно засмеялись. Я наклонился к прилавку и закрыл лицо руками.

— Что ж, вы абсолютно точно влюблены, — сказал он.

— Да, так и есть.

Он ненадолго отошел и вернулся с другим

КОЛЬЦОМ.

— Это из нашей эксклюзивной коллекции. Камень приковывает к себе все внимание. Но, как видите, все вместе выглядит достаточно оригинально.

Я взял кольцо. В центре кольца бриллиант овальной формы, вытянутый в ширину. Отклонение от нормы — мне уже кажется, что ей оно понравится. Присмотревшись, я заметил, что на ободке белым золотом выгравированы ветки и крошечные листья. Кольцо было похоже на те, которые были в моде в прошлом столетии. Современное и винтажное. Как Оливия.

— Это оно, — сказал я. — Оно идеально, учитывая то, что мы впервые встретились под деревом.

Я вышел из магазина и шагнул навстречу удушающей жаре. Жить во Флориде — значит ощущать, как будто ты постоянно окунаешься в миску с гороховым супом. Но сегодня меня это не заботило. Я улыбался. У меня в кармане лежало кольцо. Кольцо для Оливии. Люди могли подумать, что я сумасшедший, раз прошу выйти за меня девушку, с которой ещё ни разу не переспал. Вот почему я

никому не рассказал о моих планах. Если моя семья и друзья не могли меня поддержать, то и знать им об этом совсем не обязательно. Мне не нужно заниматься с ней сексом, чтобы разобраться в своих чувствах. Она могла отказывать мне хоть каждый день до конца нашей жизни, но я все равно выбрал бы её. Вот как глубоко я в этом погряз.

У меня был план. Через шесть недель я попрошу Оливию — нет, я *скажу* Оливии — выйти за меня замуж. Скорее всего, она откажется, но я буду продолжать спрашивать — или говорить. Вот что происходит, когда ты одержим женщиной. Внезапно ты перестаешь бежать от любви и начинаешь нарушать свои собственные правила... выставлать себя дураком. Но я был готов к этому.

Я набрал номер её мобильного, пытаюсь сохранить голос спокойным.

— Привет, — выдохнула она.

— Привет, малышка.

После наших приветствий всегда была краткая пауза. Мне нравилось думать об этом, как о насыщении. Она однажды сказала, что каждый раз, когда произносит мое имя, у неё в животе

просыпаются бабочки. А я ощущал щемящую дрожь в груди. Но эта боль была приятной — как сердечный оргазм.

— Я стоил планы на следующие несколько недель. И подумал, может мы выберемся куда-нибудь на пару дней, как вариант — Дейтона.

Ее голос звучал восторженно.

— Я там никогда не была.

— Это пляж. Другая часть старой доброй Флориды. Я хочу отвезти тебя в Европу. Но сейчас Дейтона.

— Кaleb, да, мне нравится. Дейтона и Европа.

— Хорошо, — сказал я, улыбаясь.

— Хорошо, — повторила она.

— Эй, — добавила она через несколько секунд.
— Не бронируй отдельные комнаты.

Думаю, я споткнулся о бордюр.

— Что?

Она рассмеялась.

— Покаааа, Калев.

— Пока, Герцогиня.

Моя улыбка растянулась от уха до уха.

После того, как мы попрощались, я остановился выпить эспрессо в кафе. Вытер пот с затылка и позвонил в отель, чтобы забронировать номер. Одна комната: двуспальная кровать, джакузи, вид на океан. Затем я связался с цветочным магазином и заказал три дюжины гардений. Они спросили адрес доставки, и мне пришлось повесить трубку, чтобы его узнать. В перерывах между звонками я смеялся. Громко. Люди пялились на меня, но я не мог ничего с собой поделать. Это безумие, и я был очень счастлив. Я набрал Кэмми, но затем, хорошенько подумав, повесил трубку. Кэмми была лучшей подругой Оливии, но секреты хранить не умела. Хотел бы, чтобы рядом был отец, которого можно спросить, хотя нет, не хотел... Я ударил бы ее отца, вероятно, даже не раз. Последний звонок был моему старому другу, который мог помочь мне с финальной частью плана. Лучшей частью. Я собирался не просто отдать ей кольцо; ей нужно нечто большее, чтобы понять, насколько серьезны мои намерения.

Я встал и бросил деньги на стол. Затем направился к дому матери. Надеюсь, в доме Дрейков окажется запас успокоительных. Они ей понадобятся.

— Кaleb, это ошибка, — лицо матери было пепельно-серым. Она оттягивала медальон, который носила на шее. Верный признак того, что она собирается взорваться.

Я рассмеялся над ней. Мне не нравилось проявлять неуважение, но также не нравилось, когда мне говорили, что Оливия — это ошибка. Я забрал коробочку с кольцом у нее из рук и захлопнул ее.

— Я здесь не для того, чтобы выслушивать твое мнение. Я здесь, потому что ты моя мать, и хочу, чтобы ты оставалась частью моей жизни. Однако это может измениться, если ты будешь настаивать, что Оливия недостаточно хороша для меня.

— Она...

— Да, — сказал я строго. — В колледже я был мудаком, который спал со всеми подряд, потому что мне так хотелось. Я был с множеством женщин, но она единственная, ради которой мне хочется стать лучше... лучше для неё. Мне, на самом деле, даже не нужно быть хорошим, мне просто нужно, чтобы она считала меня таким.

Мать слепо на меня уставилась.

— Забудь, — сказал я, вставая. Она схватила меня за руку.

— Ты сказал своему отцу?

Меня словно ущипнули.

— Нет, с чего бы я стал это делать?

— А брату? — спросила она.

Я покачал головой.

— Они подтвердят мои слова. Ты слишком молод.

— Я не был бы слишком молод, если бы купил это кольцо для Сидни, да?

Она прикусила губу, и я вырвался из её хватки.

— Мой отец настолько боится привязанности, что последние десять лет каждый месяц встречается с новой женщиной. Сет настолько замкнут и невротичен, что предпочтет прожить жизнь в одиночестве, но не позволит кому-нибудь оставить тарелку в раковине. Не думаю, что мне нужен его совет по поводу отношений. И к сведению, это твоя работа поддерживать меня. Все тебе говорили не разводиться с моим отцом и не выходить замуж за Стива. Если бы ты их послушала, то где была бы сейчас?

К тому времени, как я закончил пламенную речь, она начала задыхаться. Я посмотрел на дверь. Нужно уйти отсюда, быстрее. Я хочу быть с Оливией. Увидеть её лицо, поцеловать.

— Кaleb.

Я посмотрел на мать. Она была хорошей мамой для меня и брата. Достаточно хорошей, чтобы бросить моего отца, когда заметила, насколько разрушающим для нас было его влияние. Для остальных она не была идеальной, но я понимал, в чем причина. Она резка и критична. Такое часто встречается среди богачей. Я никогда не ждал, что

она примет Оливию. Но, по крайней мере, надеялся, что реакция будет не такой банальной.

Она снова положила свою руку на мою, легонько её сжав.

— Знаю, ты думаешь, что я поверхностная. Может, так и есть. Женщин моего поколения учили не задумываться о чувствах и делать, что говорят. Но я более восприимчива, чем ты думаешь. Она уничтожит тебя. Она ненормальная.

Я мягко убрал её руку.

— Тогда позволь ей меня уничтожить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Настоящее

Сначала я отвожу домой Кэмми. Выйдя из машины, она целует меня в щеку и удерживает мой взгляд дольше обычного. Я знаю, что она сожалеет. После всех этих лет наших отношений с Оливией, как она может быть равнодушной? Я киваю ей, и она улыбается. Когда я возвращаюсь в машину, Оливия смотрит на меня.

— Порой мне кажется, что вы с Кэмми общаетесь без слов, — говорит она.

— Возможно, так и есть.

Оставшуюся часть пути мы молчим. Это напоминает мне наше возвращение из похода, когда хотелось так много всего сказать, но не хватало храбрости. Сейчас мы гораздо старше, так много произошло. Не должно быть так сложно.

Я несу её сумки наверх. Она придерживает входную дверь, когда мы поднимаемся на её этаж, поэтому я иду вперед и захожу в фойе. И снова отмечаю отсутствие Ноя. Чувствуется, что она живет тут одна. Воздух теплый. В определенных местах я даже ощущаю запах ее парфюма. Она включает кондиционер, и мы идем на кухню.

— Чаю? — спрашивает она.

— Да, пожалуйста.

На несколько минут я могу притвориться, что это наш дом, и она заваривает мне чай так же, как делает каждое утро. Я наблюдаю за тем, как она ставит чайник и достает чайные пакетики. Потирает шею и трет колено, ожидая, когда закипит вода. Затем достает стеклянную сахарницу с кусочками сахара и маленький молочник и ставит на стол передо мной. Я отворачиваюсь, притворяясь, что не наблюдаю за ней. И от этого моё сердце слегка покалывает. Мы всегда говорили, что предпочитаем сахар в кусочках, а не песок. Она встает на цыпочки, чтобы достать с полки две чашки. Изучаю её лицо, пока она бросает четыре кусочка сахара в мою кружку. Размешивает и добавляет молоко. Я тянусь к кружке, прежде чем она успевает убрать руку, и наши пальцы соприкасаются. Смотрит на меня. И отводит взгляд. Она пьет чай только с одним кусочком сахара. Несколько минут мы очень увлеченно разглядываем стол. Наконец, я опускаю чашку, которая ударяется о блюдо. Между нами словно назревает буря. Может, именно поэтому мы смакуем тишину. Я встаю и несу наши чашки в раковину. Мою их и ставлю на сушилку.

— Я все ещё хочу тебя, — говорю я. Сам удивлен, что произнес это вслух. И не знаю, какая у нее реакция, потому что стою к ней спиной.

— Пошёл ты.

Удивлена, удивлена.

Она не может скрыть от меня свой грязный ротик. Я вижу, как она смотрит на меня. Чувствую нотку сожаления, когда мы случайно соприкасаемся кожей.

— Я построил для тебя дом, — говорю я, оборачиваясь. — Я сохранил его, даже когда был женат. Нанял ландшафтного дизайнера и парня для чистки бассейнов. Раз в два месяца приезжает клининговая служба. Зачем я это делаю?

— Потому что ты ностальгирующий дурак, который так долго отходил от прошлого, что женился на другой.

— Ты права. Я дурак. Но, как ты заметила, дурак, который никогда не отпустит тебя.

— Отпусти.

Я качаю головой.

— Неа. В этот раз ты нашла *меня*, помнишь?

Она немного краснеет.

— Скажи, почему ты позвонила мне.

— А кого ещё я знаю?

— Например, своего мужа.

Она оглядывается.

— Ладно, — наконец, говорит она. — Я испугалась. Ты был первый, о ком я подумала.

— Потому что...

— Черт побери, Калёб! — она ударяет кулаком по столу, от чего ваза с фруктами подпрыгивает.

— Потому что... — снова говорю я. Неужели она думает, что напугает меня своей маленькой истерикой? Только самую малость.

— Ты всегда хочешь всё обсудить.

— Дело не в том, что я хочу поболтать. Проблема в недостатке общения.

— Тебе стоило бы стать психиатром.

— Знаю. Не меняй тему разговора.

Она кусает ноготь на большом пальце.

— Потому что ты — мое укрытие. Я иду к тебе, когда в замешательстве.

Мой язык немеет, заплетается. Что я должен на это ответить? Это настолько неожиданно. Может, опять поругаться. Или снова всё отрицать.

А потом у меня съезжает крыша. Я действительно схожу с ума. От того, как сильно хочу её и мечтаю, чтобы она призналась, что тоже меня хочет.

Меряю шагами кухню, сцепив руки за затылке. Хочется по чему-нибудь ударить. Бросить стул в стеклянный шкаф. Внезапно я останавливаюсь и смотрю на нее.

— Ты уходишь от него, Оливия. Уходишь, или это конец.

— Это. Конец. ЧЕГО? — она перегибается через стол, растопылив пальцы от злости. — У нас никогда не было начала, или середины, или чертовой

минуты, чтобы побыть влюбленными. Ты думаешь, я этого хочу? Он не сделал ничего плохого!

— Вранье! Он женился на тебе, хотя знал, что ты влюблена в меня.

Она отклоняется и выглядит неуверенно. Я наблюдаю, как она ходит по кухне, положив одну руку на голову, а другую — на бедро. Когда она останавливается и смотрит на меня, на её лице искаженная гримаса.

— Я люблю его.

Я пересекаю кухню за две секунды. Хватаю её за руку, чтобы она не смогла убежать и наклоняюсь, чтобы наши лица находились на одном уровне. Мой голос больше похож на рычание какого-то животного.

— Больше, чем меня?

Её глаза перестают пылать, и она пытается отвернуться.

Я трясую её.

— Больше, чем меня?

— Я никого не люблю больше тебя.

Мои пальцы сильнее сжимают её руку.

— Тогда почему мы играем в эти глупые игры?

Она вырывает руку, её глаза полыхают.

— Ты бросил меня в Риме! — она отталкивает меня. — Ты бросил меня ради этой рыжеволосой суки. Ты знаешь, как это больно? Я пришла рассказать тебе о моих чувствах, а ты просто прошёл мимо.

Оливия редко показывает свою боль. Это так непривычно, что даже не знаю, как мне реагировать.

— Она была не в себе. Её сестра застрелилась. Она проглотила банку снотворного! Я пытался спасти её. Тебе я был не нужен. Никогда. Ты очень ясно дала это понять.

Она идет к раковине, берет стакан, наполняет его водой, делает глоток и швыряет мне в голову. Я уворачиваюсь, и он ударяется о стену, разбившись на тысячи кусочков. Смотрю на стену, куда пришелся удар, а затем перевожу взгляд на Оливию.

— Моё сотрясение не решит проблему.

— Ты был трусом. Поговори ты со мной тогда в музыкальном магазинчике, не солгав ни разу, мы бы сейчас здесь не стояли.

Её плечи, секунду назад напряженные, обмякли. Всхлип срывается с её губ. Она пытается приглушить его рукой, но слишком поздно.

— Ты женился... у тебя родился ребенок... — её слезы текут ручьем, смешиваясь с тушью и оставляя черные полосы на щеках. — Ты собирался жениться на мне. Это должен был быть мой ребенок, — она падает на диван и обхватывает себя руками.

Её крошечное тело содрогается от рыданий. Волосы падают каскадом на лицо, и она специально наклоняет голову, чтобы не было видно слез.

Я подхожу к ней. Поднимаю и усаживаю на столешницу так, что теперь мы смотрим друг другу в глаза. Она пытается спрятаться за волосами. Они длиной практически до талии, как тогда, когда мы впервые встретились. Я разделяю волосы на три части.

— Это странно, что я знаю, как плести косичку?

Она смеется сквозь слезы и наблюдает за мной. Закрепляю косичку резинкой и перекидываю через плечо. Теперь я могу видеть её.

Ее голос дрожит, когда она начинает говорить.

— Ненавижу, что ты всегда шутишь, когда я пытаюсь пожалеть себя.

— Ненавижу, что я всегда довожу тебя до слез, — я вывожу маленькие круги на её запястье. Хочу ещё к ней прикоснуться, но знаю, что не должен этого делать.

— Герцогиня, это была не твоя вина. Моя. Я подумал, что если бы мы начали всё с чистого листа... — мой голос обрывается, потому что нет никакого чистого листа. Теперь я это понимаю. Ты просто стираешь все старое и начинаешь рисовать заново. Я целую её запястье. — Позволь мне носить тебя на руках. Я никогда не дам тебе коснуться земли. Я был создан для того, чтобы носить тебя, Оливия. Ты чертовски тяжелая со всеми твоими заморочками и чувством вины. Но я это выдержу. Потому что люблю тебя.

Она прижимает мизинец к губам, словно пытаясь сдержать слова. Это новый Оливиазм. Мне

нравится. Я убираю мизинец от губ, переплетая её пальцы со своими. *Боже, сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз держал её за руку?* Чувствую себя маленьким мальчиком. И пытаюсь сдержать улыбку, которая появляется на моем лице.

— Расскажи мне, — прошу я. — Питер Пэн...

— Ной, — выдыхает она.

— Где он, Герцогиня?

— Сейчас он в Мюнхене. На прошлой неделе был в Стокгольме, за неделю этого — в Амстердаме, — она оборачивается. — Мы не. . . мы взяли паузу.

Я качаю головой.

— Паузу от чего? От брака или друг от друга?

— Мы нравимся друг другу. Думаю, от брака.

— Черт, в этом нет никакого смысла, — говорю я. — Если бы мы были женаты, я бы не выпускал тебя из постели.

Она опускает голову.

— Что это значит?

— Вокруг полно таких парней как я, и я бы не позволил им ошиваться рядом с тобой. Во что он играет?

Долгое время она молчит. Затем она выдает:

— Он не хочет детей.

Лицо Эстеллы всплывает в моих мыслях, и я спрашиваю...

— Почему нет?

Она пожимает плечами, пытаясь сделать вид, что в этом нет ничего такого.

— У его сестры кистозный фиброз. О н — носитель. Видит, как она страдает, и не хочет рожать детей с учетом риска, что они тоже могут быть больны.

Я вижу, что её это беспокоит. Рот сжат и глаза мечутся по столу, как будто она пылинки высматривает.

Я сглатываю. Для меня это тоже щекотливая тема.

— Ты знала об этом до того, как вышла за него?

Она кивает.

— Я не хотела детей до того, как вышла за него.

Я встаю. Не хочу слушать о том, как с Ноем она захотела того, чего не хотела со мной. Должно быть, я выгляжу недовольным, раз она закатывает глаза.

— Сядь, — шепчет она. — Вижу, ты всё ещё тешишь своего внутреннего ребенка.

Подхожу к панорамному окну, которое простирается по периметру её гостиной, и смотрю вдаль. Я задаю вопрос, который не хотел бы спрашивать, но я *должен* знать. Я ревную.

— Почему ты передумала?

— Я изменилась, Калеб, — она встает и подходит ко мне. Смотрю на неё и вижу, что она скрестила руки на груди. На ней серая хлопковая рубашка с длинным рукавом и черные штаны, которые так низко сидят на её бедрах, что видна небольшая полоска кожи. Её волосы свисают через плечо. Она смотрит на движение за окном. С таким задиристым видом. Я ухмыляюсь и качаю головой.

— Я никогда не чувствовала, что достойна

иметь детей.

— О. Все ещё работаешь над этим?

Она ухмыляется.

— Немного тут и там. Теперь я хотя бы занимаюсь сексом.

Я слегка улыбаюсь и прищуриваюсь.

— Абсолютно уверен, что излечил тебя.

Она хлопает ресницами так быстро, что может создать шторм. Прикусывает губу, чтобы не улыбнуться.

Я откидываю голову назад и смеюсь. Мы так любим ставить друг друга в неловкое положение. *Боже, я люблю эту женщину.*

— Да, — говорит она. — Но разуверю тебя, это было не из-за твоих телодвижений в спальне. А из-за того, как ты пытался меня вернуть.

Я поднимаю брови.

— Амнезия? — я удивлен.

Она медленно кивает и всё ещё смотрит в окно, а я всем телом поворачиваюсь к ней.

— Ты не такой человек... который врет и совершает сумасшедшие вещи. Это я. Не могу поверить, что ты сделал это.

— Ты сумасшедшая.

Она бросает мне возмущенный взгляд.

— Ты нарушил собственный моральный кодекс. Я решила, что если кто-то вроде тебя будет бороться за меня, то тогда я действительно чего-то стою.

Я серьезно смотрю на неё. Не хочу сказать слишком много или слишком мало.

— Ты заслуживаешь того, чтобы бороться за тебя. И я всё ещё не сдался.

Она выглядит взволнованной.

— Ну, тебе стоит. Я замужем.

— Да, ты вышла замуж. Но сделала это только потому, что думала, будто у нас все кончено, а это не так. У нас никогда ничего не закончится. Если ты думаешь, что крошечный кусок металла на твоём

пальце сможет спрятать тебя от чувств ко мне, то ты ошибаешься. Я носил такой пять лет, и не было ни дня, когда я не мечтал, чтобы на её месте была ты.

Я смотрю на её губы, которые так хочу поцеловать. Разворачиваюсь и хватаю ключи, чтобы мы не успели начать ссориться... или целоваться. Она продолжает стоять у окна. Прежде чем выйти из гостиной, я зову её.

— Оливия.

Она оглядывается через плечо. Её коса качается как маятник.

— Твой нынешний брак не последний. Скажи Ною правду, будь честной. Когда ты сделаешь это, найди меня, и я подарю тебе ребенка.

Я не задерживаюсь, чтобы увидеть её реакцию.

Я чувствую вину за то, что предлагаю ребенка моей бывшей девушке, когда моя нынешняя подруга, скорее всего, ждет меня дома, желая, чтобы я предложил ей руку и сердце. Когда я захожу домой, вся жизнь становится более четкой. Из колонок громко играет музыка. Я подхожу и делаю потише. Джессика стоит у плиты, поджаривая что-то на сковороде. Меня поражает, что ей нравится готовить, даже когда она не на работе. По идее, её должно тошнить от этого. Сажусь на барный стул и смотрю на неё, пока она не оборачивается.

Должно быть, она что-то замечает в моем лице. Потому что кладет деревянную ложку и вытирает руки полотенцем, а потом подходит ко мне. Я смотрю, как соус капает с ложки на пол. Не знаю почему, но не могу перестать смотреть на ложку.

Пока она идет ко мне, я стучу зубами. Не хочу её обидеть. Единственное, чего я хочу в этой жизни — защищать сердце Оливии.

Когда она подходит ко мне, я беру её руки в свои. Наверно, она видит в моих глазах предстоящее расставание, потому что качает головой, прежде чем я успеваю произнести хоть слово.

— Я всё ещё люблю Оливию, — говорю я. —

Это несправедливо по отношению к тебе. Я не хочу отдавать тебе себя.

Слезы катятся у неё из глаз.

— Думаю, я давно это знала, — говорит она, кивая. — Дело не в том, что ты изменился. Но я думала, что всё это из-за Лии и Эстеллы.

Я вздрагиваю.

— Я сожалею, Джессика.

— Она сука, Кaleb. Ты ведь это знаешь?

— Джесс...

— Нет, послушай меня. Она плохой человек. И защищает плохих людей. Она позовет тебя посреди ночи и попросит защитить её. Она такая хитрая.

Я потираю лоб.

— Это не так. Она не такая. Она замужем, Джессика. Я не собираюсь быть с ней. Я просто не хочу быть ни с кем.

Я смотрю на ложку, а потом снова на Джессику.

— Я хочу завести детей.

Она отступает назад.

— Ты ведь говорил, что не хочешь.

Я киваю.

— Да, я сказал так, когда мне было больно. Из-за того, что произошло с... Эстеллой, — я произнес её имя впервые за долгое время. Это ранило. — Я всегда хотел семью. И не собираюсь жениться на ком-то и притворяться, что не хочу детей.

Она качает головой, сначала медленно, а потом всё быстрее.

— Мне нужно идти, — говорит она и уходит в комнату, чтобы собрать вещи. Я не останавливаю её. Нет смысла. Опять я причинил кому-то боль из-за чувств к Оливии. *Когда это прекратится? Вообще прекратиться ли когда-нибудь?* Я не могу снова так поступить. Либо я буду с Оливией, либо ни с кем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Прошлое

Четыре часа, пять часов, шесть, семь. Я всё ещё не вышел из здания. Уже четыре часа жду документы. Документы! Словно вся моя жизнь зависит от подписи на листке бумаги. Я посмотрел на часы. Я должен был быть у Оливии ещё час назад. Проверил телефон — она не звонила. Может, занята сбором вещей.

— Кaleb, — мой коллега Нил, просунул голову в дверной проем, — ты торчишь тут из-за вечеринки?

Я ухмыльнулся.

— Нет, сегодня ночью я должен быть в другом месте.

Он в изумлении уставился на меня.

— У тебя есть дела получше, чем обед с боссом и обсуждение потенциальных клиентов?

— Мой босс — это мой отчим, — сказал я, печатая на клавиатуре. — Уверен, мне удастся

уговорить его.

Моя секретарша протиснула голову рядом с Нилом.

— Кaleb, здесь Сидни Оррико. Она говорит, что принесла тебе бумаги на подпись.

Я подпрыгнул на стуле.

— Пригласи её сюда.

Нил приподнял брови, но его голова скрылась, и появилась голова Сидни.

— Привет, — сказала она.

Я встал и пошел поприветствовать её.

Сидни Оррико: каштановые локоны, ямочки на щеках, голубые глаза, длинные ноги. Мы были соседями, ходили в одну школу, а наши матери водили нас на одни мероприятия и хотели нас свести. Мы видели друг друга постоянно, и так случилось, что мы стали друзьями. А потом и больше, чем друзья. Всё началось с поцелуя на Четвертое июля. После первого поцелуя мы спрятались в комнате отдыха у меня в доме и тискались на столе для бильярда каждую возможную минуту. Через несколько недель я перешел на вторую базу. К концу нашего первого лета я лишил её девственности. Когда осенью мы пошли в школу, все стало странным... очень-очень неловким.

Сидни хотела парня. Я хотел секса по дружбе. Моя пятнадцатилетняя сущность пыталась объяснить ей это, но она начала плакать, и я переспал с ней, чтобы успокоить. После секса я снова попытался объяснить ей всю эту затею с «не свиданиями». Она дала мне пощечину и поклялась, что больше со мной не заговорит.

Не правда. Она не перестала разговаривать со мной. Пятнадцатилетние девушки ревнивы, особенно, если думают, что влюблены. Когда она

застукала меня в популярном кафе-мороженом с другой девушкой, то опрокинула целую креманку с шоколадным мороженым на мои колени.

Сидни Оррико.

К счастью для меня, она отошла от того инцидента с мороженым. Она недолго встречалась с моим братом, а потом бросила его ради полузащитника. После этого мы периодически пересекались — на вечеринках, выпускном, в магазине. К тому времени, как я начал встречаться с Оливией, я не видел её год. Она пренебрегла учебой в колледже и пошла в школу недвижимости. Мать сказала мне, что она работает в компании отца. Вот когда все стало затруднительным.

Я строил для Оливии дом. Наш дом. Я принял это решение после того, как осознал, что хочу жениться на ней. Я нанял архитектора, чтобы тот нарисовал план дома, за несколько недель до того, как купил кольцо, и связался с Греггом Оррико, отцом Сидни.

— Проект займет около года, Калев. Особенно со всеми дополнительными проверками, которые нужны, чтобы сделать балкон.

Я постучал ручкой по столу. Это хорошо, к тому времени, как заложат фундамент, я успею сделать предложение Оливии. Мне хотелось, чтобы она его увидела. Основу того, где мы будем жить.

Мы договорились встретиться и подписать бумаги. Прежде чем я повесил трубку, Грег сказал, что моим менеджером по проекту будет Сидни.

— Черт, — сказал я, кладя трубку. Если Сидни все та же, какой я её помню...

Сидни обняла меня и достала папку с бумагами из сумки.

— Ты нервничаешь?

— Не совсем, ведь я каждый день делаю предложение любимой девушке.

Она ухмыльнулась и стукнула бумагами мне по голове.

— Что ж, тогда приступим.

Мы все разложили на столе, и Сидни рассказывала мне о каждом договоре. Я подписал

половину из них, когда Стив влетел в мой кабинет в смокинге.

— Сидни! — он обнял её. — Ты избавилась от веснушек? И что произошло со скобами, которые ты носила на зубах? — Сидни и Стив постоянно виделись друг с другом, но это была их игра. Я просматривал бумаги, ожидая, когда они закончат.

— Это ты так делаешь мне комплимент?

Стив рассмеялся.

— Ты останешься на вечеринку?

Я только что заметил, что она в платье. Выглядело так, словно она действительно собирается остаться на вечеринку. Должно быть, моя мать ее предупредила.

— Я остаюсь, — сказала она. — Надеюсь, Калеб выпьет со мной, прежде чем убежит по делам.

— Не могу, — ответил я, не поднимая головы. — Оливия меня ждет.

— Калеб, — сказал Стив. — Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал перед уходом. Некоторые из этих людей твои клиенты.

— Стив!

Я захлопнул ноутбук и уставился на него.

— Сегодня ночью я делаю предложение девушке. Ты же сейчас говоришь не серьезно.

— Ты нужен мне всего лишь на несколько минут. Просто позвони Оливии и скажи, что задержишься.

— Нет.

Я встал и схватил ключи.

Сидни подняла голову, перестав изучать мои документы.

— Ты возненавидишь меня.

Я вздохнул.

— Что ты забыла?

Она покраснела.

— Я могу вернуться в офис и привезти. Буду через пятнадцать минут.

— Что там, Сидни? Это не может подождать до вторника?

Она прочистила горло.

— Ключи от ворот. Ты не сможешь попасть туда.

Я сжал губы и расстроено посмотрел на неё.
Спокойствие, сохраняй спокойствие.

— Ладно. Иди! Поторапливайся! — она кивнула и вскочила. Я повернулся к Стиву. — Тридцать минут, пока Сидни нет, — он похлопал меня по спине. Я позвал секретаршу, которая уже переоделась в вечернее платье. — Можешь позвонить Оливии и сказать, что я задержусь, но приеду настолько быстро, насколько смогу?

Она кивнула, и я пошел к маленькому шкафу, чтобы достать пиджак.

Плохое начало важной ночи. Тридцать минут и только. А потом я уеду.

К тому времени, как она вернулась, прошло полтора часа. Я не стал общаться с коллегами и ушел

в кабинет. Дважды звонил Оливии, но она не брала трубку. Должно быть, злится на меня.

Сидни осторожно вошла в кабинет, она придерживала юбку и выглядела очень виноватой.

— Пробки. Кaleb, прости меня.

Я кивнул и протянул руку за ключом. Она выглядела такой расстроенной, когда отдавала ключ, что я взял её за руку.

— Сидни? Что случилось?

Ее нижняя губа затряслась. Она вырвалась и прошла к моему столу.

— Могу я увидеть кольцо?

Я наклонил голову и с трудом удержался, чтобы не взглянуть на часы. В конце концов, кивнул и достал его из ящика. Открыл коробочку и показал ей. Ее глаза распахнулись от удивления.

— Оно прекрасно, — произнесла она. И заплакала.

Я захлопнул коробочку и убрал ее в карман.

— Сидни? Что такое? Что случилось? — я схватил её за плечи, и она посмотрела на меня заплаканными глазами.

— Я влюблена в тебя.

Ее слова меня шокировали. Я приложил указательный и большой пальцы ко лбу. Это не должно происходить сейчас. Мне нужно найти Оливию. Я не мог разбираться еще и с этим. И не хотел.

— Сидни, я...

Она покачала головой.

— Все нормально. Я уже долгое время с этим живу. Я просто так среагировала, потому что ты собираешься сделать ей предложение и...

Я обдумывал, что же делать дальше. Перед глазами стояла Оливия. Но Сидни была моим другом. Не в моих привычках говорить плачущим девушкам отвалить. Ладно, можно сделать это быстро. Я протянул ей платок, и она начала вытирать лицо.

— Сидни, посмотри на меня.

Она подчинилась.

— Я был одинок. Всю свою жизнь. Я был популярным ребенком. Всегда был окружен толпами людей, но при этом невероятно одинок. Я не знал, как это исправить. До того дня, как встретил Оливию. Впервые я увидел её стоящей под деревом, — я рассмеялся и потер подбородок, вспоминая. Я не побрился. А стоило бы. — Когда я увидел её, то сразу понял, что именно её мне и не хватает. Звучит безумно, но так и есть. В голове возникла картинка, как она сидит на моем кухонном столе с волосами, собранными в неряшливый пучок, пьет кофе и смеется. Именно тогда я понял, что когда-нибудь женюсь на ней.

Сидни смотрела на меня с таким трепетом, что я не был уверен, сделал ли я еще хуже или наоборот. На мгновение мне захотелось, чтобы на меня так смотрела Оливия. Мне приходилось бороться за её любовь. Я был в постоянном поединке с ней. А мог бы быть с такой женщиной, как Сидни, которая обожает меня. Я мог возродить старые чувства к Сидни. Она была доброй и красивой. Я покачал головой. *Забудь, Кaleb*. И сказал ей правду.

— Когда ты найдешь его, то его имя будет течь по твоим венам. Так Оливия течет по моим. Она протекает по сердцу, мозгам, пальцам и члену, —

Сидни рассмеялась сквозь слезы. Я улыбнулся.

— Ты найдешь его, Сидни. Но это не я. Я принадлежу другой, — я обнял её. Она сидела на моем столе, а я стоял между её ног. — Возвращайся на вечеринку, мне нужно идти.

Когда я поднял взгляд, Оливия стояла в дверном проеме. Я почувствовал прилив крови к сердцу. Слышала ли она, что я сказал Сидни? Видела ли коробочку с кольцом? На мгновение я запаниковал, не зная, что делать.

Она произнесла мое имя. Я заметил, как Сидни вскочила и быстро вышла из комнаты. И прежде чем закрыть дверь, бросила взгляд на Оливию через плечо.

Эмоции застыли на лице у Оливии. Медленно до меня начало доходить, что она увидела, когда вошла. Как это выглядело. Я боролся с желанием все ей рассказать. Если я объясню, кто такая Сидни, то придется рассказать про кольцо и дом. Я собирался все объяснить, сделать что угодно, лишь бы стереть выражение лица, когда она впервые сказала, что любила меня.

— Я любила тебя.

Сердце сжалось от боли. Это должен был быть одним из самых счастливых моментов в моей жизни. Но она это сказала не потому, что искренне этого хотела. Она сделала так, чтобы ранить меня. Потому что подумала, что я сделал то, что причинило боль ей.

Я услышал слова матери о том, что она сломлена. Все смешалось. Как бы я хотел, чтобы этого не случилось, но нет. Я не мог исправить её. Не мог любить её достаточно сильно, чтобы уберечь от всей боли, которая сопровождала её. Мои мысли о совместной жизни в доме и дворе полном детей перенеслись к Оливии, плачущей в углу, обвиняющей меня в том, что я втянул её в то, к чему она была не готова.

Затем она обвинила меня в том, что я похож на ее отца.

Это было больно. Особенно после того, как весь прошлый год я провел, пытаясь доказать ей, что не такой, как он. Когда она выбежала из кабинета, думая, что я изменил ей, я не остановил её.

Я стоял, не шевелясь. Коробочка с кольцом прижималась к бедру. Комната вращалась вокруг меня.

Я прислонился руками к столу и зажмурил глаза, дыша через рот. Пять минут. Вся моя жизнь изменилась за пять минут.

Она хотела видеть только плохое. Может, это к лучшему. Может, я видел только свою любовь, но не оценивал её последствия.

Стив вошел в мой кабинет и остановился.

— Я только что видел Оливию?

Я посмотрел на него, мои глаза пылали. Должно быть, он что-то увидел на моем лице.

— Что произошло? — он закрыл дверь и подошел ко мне. Я поднял руку, чтобы остановить его и уронил голову.

— Она видела меня здесь с Сидни. Она подумала...

— Калевб, — сказал Стив. — Иди за ней.

Я резко поднял голову. Это было последнее, что я ожидал услышать. Тем более что не был уверен, как его изменила моя мать.

— Она хочет уйти, — ответил я. — С того

самого момента, как мы сошлись. Она всегда находит причину не быть вместе. Какая нас ждет жизнь, если она так делает?

Стив покачал головой.

— С некоторыми людьми труднее, чем с другими. Ты влюбился в очень сложную девушку. Ты можешь обдумывать, насколько тяжело будет вам двоим, но прямо сейчас тебе нужно решить, сможешь ли ты прожить без неё?

Через секунду я вышел из кабинета. *Нет.* Нет, я не смогу жить без неё.

Я пошел по лестнице. Чтобы выйти из офиса, она воспользовалась бы ею вместо того, чтобы вызвать лифт. Я бежал через две ступеньки. Когда вышел наружу, на улице было уже темно. Боже, когда день успел закончиться? Если бы только я ушел вовремя...

Ее машины не было. Я вернулся в кабинет, чтобы забрать ключи. Она, вероятнее всего, не даст мне объясниться. Если я поеду к ней, то она даже не откроет дверь. Но если мысли о том, что я мог ей изменить, не покинут её голову в ближайшее время, она в это поверит, и пиши пропало. Что же я могу

сделать? Как все исправить? Я ходил по кабинету. Она не похожа на других женщин. Я не мог просто появиться перед ней и все объяснить.

Черт. Это плохо. Мне нужно придумать, как найти её.

Кэмми.

— Она со мной, — сказала Кэмми, когда я позвонил ей.

— Дай мне поговорить с ней, пожалуйста.

— Нет, она не хочет с тобой разговаривать. Дай ей остыть.

Я повесил трубку, думая о том, что собирался предпринять. Но через несколько часов все-таки поехал к Кэмми. А когда добрался до неё и не увидел машины Оливии, понял, что она мне соврала. Поэтому я поехал в отель.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Настоящее

Без Оливии всё во мраке. Кажется, что я нахожусь в постоянном ожидании её света. Я не слышал о ней с той ночи, когда ушел из её квартиры после того, как она рассказала о Ное. Прошел месяц, а я понятия не имею, что она решила. Зато знаю, что решил я.

Я отправлю ей сообщение.

Развелась?

Ответ приходит практически сразу же.

О: *Отвали.*

Ты на работе?

О: *Да!*

Буду у тебя через десять минут.

О: *Нет!*

Выключаю телефон и жду. Я уже был на парковке, когда отправлял первое сообщение. Еще примерно минуту сижу в машине, потирая пальцем нижнюю губу. Точно знаю, что она собирается сделать, и ухмыляюсь, когда вижу её, выходящую из здания. Она пытается уехать до моего приезда. Я выхожу из машины и направляюсь к ней. Она замечает меня только в самый последний момент. У неё в руках ключи от машины, но когда она пытается сбежать, каблук её туфель застревает в асфальте.

— Собираешься куда-то?

Ее плечи дергаются, и она оборачивается.

— Почему ты всегда так чертовски рано?

— Почему ты пытаешься сбежать?

Она злобно на меня смотрит, глаза мечутся по сторонам в поисках пути побега.

Я протягиваю руку.

— Да ладно тебе, Герцогиня.

Она быстро оглядывается через плечо, прежде

чем протягивает руку. Притягиваю её к себе, и она крошечными шажками идет ко мне. Я не выпускаю её руку, а она не пытается вырваться. Когда я смотрю на неё, она кусает губу. И выглядит испуганной. Ну и правильно.

Открываю перед ней дверцу машины, а потом бегу к своей. На ней красное платье в белый горошек. Глубокое декольте. Она не смотрит на меня, а вместо этого разглядывает свои ноги. Красные туфли на шпильке, красный лак на ногтях. Мило. Её образ — комбинация стилей Жаклин Кеннеди и цыганки — моя прекрасная противоречивость. Волосы убраны в пучок, заколотый ручкой. Я наклоняюсь и вытаскиваю ручку. И её волосы рассыпаются черным каскадом.

Она не спрашивает, куда мы направляемся. Я везу нас на пляж и останавливаюсь на парковке в квартале от него. Она ждет, пока я обойду машину, чтобы открыть ей дверь, и я помогаю ей выйти. До песка мы идем, держась за руки. А потом она останавливается и опирается на мое плечо, чтобы снять туфли. Они покачиваются в её руке, а другой она тянется ко мне. Я беру её, и наши пальцы переплетаются. Во Флориде сейчас зима, поэтому всего несколько человек загорают, большинство из них светловолосые жители Севера. Эта часть пляжа

принадлежит отелю. Вокруг стоят крытые тканевые беседки со стульями. Мы находим свободную, и я сажусь, вытянув ноги. Оливия собирается занять соседнее место, но я усаживаю её к себе на колени. Она прислоняется к моей груди. Я обнимаю её одной рукой, а другую кладу за голову. Сердце бешено стучит. Как же давно я не обнимал её. С ней все кажется таким естественным. Я произношу её имя, чтобы просто послушать, как оно звучит. Она тычет меня в бок локтем.

— Не делай этого.

— Не делай чего? — шепчу ей на ушко.

— Ну, во-первых, не говори таким голосом.

Я стараюсь не рассмеяться. Вижу, как по её коже бегут мурашки. Очевидно, мои старые уловки до сих пор срабатывают.

— Итак, у тебя особая любовь к рукам, и ты заводишься от моего голоса?

— Никогда не говорила, что я ручная фетишистка!

— Правда? Значит, ты просто заводишься от

моего голоса?

Она начинает вырываться, а я обхватываю её двумя руками, чтобы удержать на месте, и смеюсь.

Когда она наконец-то успокаивается, убираю её волосы и целую в левое плечо. Оставляю поцелуй на обнаженной коже её шеи, отчего она дрожит. Еще один поцелуй на дюйм повыше, и она наклоняет голову, открывая мне лучший доступ.

— Ты не должен, мы... — её голос прерывается.

— Я люблю тебя, — говорю я ей на ушко. Она пытается вырваться, но я все ещё удерживаю её в руках.

— Не надо, Калед...

Внезапно её расслабленное состояние проходит, и она начинает яростно дергать своими стройными ногами, пытаясь убежать от меня.

— Почему нет?

— Потому что это неправильно.

— Неправильно, что я люблю тебя? Или то, что ты любишь меня?

Она плачет. Я слышу ее всхлипывания.

— Ни то, ни другое,— её голос, полный эмоций, надрывается. И вместе с ним рушится моя броня, моя игра, мое сердце.

Я начинаю говорить хриплым голосом, глядя на воду.

— Не могу держаться подальше от тебя. Я десять лет пытался.

Она рыдает и опускает голову. Она не пытается вырваться, но старается держать между нами дистанцию. Потом наклоняется вперед, и я тотчас же чувствую потерю. Прожив столько лет без неё, я отказываюсь её терять. Я попал в её ловушку, но хочу обратить это в свою пользу. Наматываю её волосы на кулаки и начинаю медленно притягивать к себе, пока она не оказывается у меня на груди. Она позволяет мне это делать и, похоже, совсем не против быть связанной.

Связанной. Хотел бы я хорошенько наказать любовь всей моей жизни.

Я могу дотянуться только до виска, поэтому целую его и переплетаю наши пальцы. Она

прижимается ко мне, и в моей груди зарождается знакомая боль.

— Питер Пэн,— говорю я.

После пяти секунд молчания она произносит:

— Когда я с тобой, все эмоции, которые я ощущаю, выходят из берегов. Я тону в них. Мне хочется бежать к тебе и убегать одновременно.

— Не надо... не надо убегать. Мы справимся.

— Мы не знаем, как правильно любить друг друга.

— Ерунда,— говорю я ей на ухо.— Ты полна любви, которую не можешь выплеснуть наружу. Некоторые вещи ты не можешь сказать вслух. Я смирился с этим. И теперь понимаю. Мы ранили друг друга. Но, Оливия, мы больше не дети. Я хочу тебя, — отпускаю её и поворачиваю так, что теперь она сидит между моих ног.

Беру её лицо в ладони, запускаю пальцы в волосы и наклоняю к себе. Теперь она не сможет отвернуться.

— Я хочу тебя,— я говорил это прежде, но она

не поняла. Она по-прежнему думает, что я брошу её. Как было до этого.

Её нижняя губа дрожит.

— Я хочу от тебя детей, и твою злость, и твои холодные голубые глаза... — я задыхаюсь от слов и отвожу взгляд. Снова смотрю на нее и понимаю, что если не смогу убедить её сейчас, то не смогу никогда. — Я хочу ходить с тобой на званые ужины, разворачивать подарки на Рождество. Хочу спорить с тобой о глупостях и ронять на кровать, чтобы доказать свою правоту. Хочу кидаться тортами и ходить в походы. Я хочу твое будущее, Оливия. Пожалуйста, вернись ко мне.

Она дрожит всем телом. Слезы катятся по щеке, и я ловлю их большим пальцем.

Хватаю её за шею и прижимаю к себе так, что наши лбы соприкасаются. И провожу руками по ее спине.

Она шевелит губами, пытается сформулировать слова, и по выражению на её лице я не могу сказать, хочется ли мне их услышать. Наши носы на одном уровне, и если я придвинусь на полдюйма вперед, мы начнем целоваться. Я жду её.

Наше дыхание сливается. Она хватается мою рубашку и сжимает в руках. Я понимаю, как ей это необходимо. Мне требуется все мое самообладание, чтобы не повалить ее прямо на песок.

Наши грудные клетки поднимаются и опускаются подобно волнам. Я касаюсь её носом, и это рушит её броню. Она обнимает меня за шею, приоткрывает рот и целует меня.

Сколько месяцев я не целовал мою девочку. Кажется, будто это в первый раз. Она отклоняется назад и мне приходится вытянуть голову, чтобы достать до её губ. Мои руки у неё под платьем, поглаживают бедра. Я чувствую материал её трусиков, но держу себя в руках.

Мы целуемся медленно, только губами. Часто отстраняемся друг от друга, чтобы посмотреть в глаза. Её волосы создают занавес между нами и всем миром. Они спадают нам на лица, закрывая все, кроме наших губ.

— Я люблю тебя,— говорит она мне в рот. Я улыбаюсь так широко, что приходится прервать поцелуй. Мы заставляем в поцелуе языки, и желание нарастает. Оливия любит кусаться, когда целуется. И это *очень* сильно на меня влияет.

Мое сердце — в горле, разум — в штанах, руки — на её платье. Она отталкивается и встает.

— Ничего не будет, пока я не разведусь,— говорит она.— Отвези меня назад.

Я поднимаюсь и притягиваю её к себе.

— Все, что я слышу, это *«возьми меня»*.

Она обхватывает меня за шею, прикусывая зубами нижнюю губу. Я изучаю её лицо.

— Почему ты не краснеешь? Чтобы я ни сказал, ты не смущаешься.

Она ухмыляется.

— Потому что я чертовски крутая.

— Да, ты такая,— нежно говорю я, целуя её в кончик носа.

Мы идем к моей машине. Как только открываем дверцы, у Оливии звонит телефон.

Она достает его из сумки и меняется в лице.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Она отворачивается от меня, её руки застыли в воздухе, всё ещё сжимая телефон.

— Это Ной. Он хочет поговорить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ной

Я верчу обручальное кольцо на липкой столешнице. Оно сверкает золотым блеском, делает небольшой пируэт и падает плашмя. Поднимаю его и подкручиваю снова. Бармен в этой дешевой забегаловке смотрит на меня пустым взглядом и наливает ещё пива. Я не просил, но хороший бармен всегда может прочесть желание клиента. Я беру кольцо, кладу его в карман и начинаю медленно пить пиво.

Она не знает, что я вернулся в город. Не уверен, что готов ей об этом сообщить. Четыре дня назад я снял номер в отеле рядом с аэропортом и с тех пор шатаюсь по близлежащим барам. В голове всплывает его образ. Знаю, что она видится с ним. Я даже не

злостью. Я оставил её. Чего я ожидал? Всё началось постепенно. У меня было всё больше и больше командировок за границу, в результате чего я всё чаще и дольше был в отъезде. Это положительно сказывалось на семейном бюджете. Но меня не было рядом в её день рождения, нашу первую годовщину, День благодарения. Я не понимал, что отъезды так сильно могут повлиять на отношения. Разлука заставляет сердце любить ещё сильнее. Ведь так говорят? Оливия никогда не жаловалась. Никогда ни на что не жаловалась. Она была самой сильной, самой независимой девушкой, которую я когда-либо встречал. Несмотря на мое постоянное отсутствие, последней каплей стало то, что я пропустил финальное решение в деле Добсона.

Но Калеб не исчез. И он был первым, к кому она бежала, когда была напугана. Хотелось, чтобы это был я, но не уверен, что у меня хватило бы на это душевных сил. В первую очередь я карьерист. Всегда им был. Меня и сестру вырастила мать. Я часто представлял, каково это — жить с двумя родителями. Не потому, что отчаянно нуждался в отце... я просто хотел, чтобы кто-то заботился о моей матери, как она заботилась о нас.

Большую часть жизни я провел в одиночестве. Когда мне исполнилось тридцать восемь, я внезапно

ощутил срочную необходимость завести семью. Не обычную семью с детьми, а просто жену. Чтобы с кем-то пить кофе по утрам и делить постель по ночам. Воображение в голове было ярким и прекрасным — дом, рождественские огни и совместные ужины. Всё было прекрасно, за исключением того, что лишь немногие женщины готовы были исключить из мечты ребенка.

Я не романтик, но люблю послушать хорошую историю. Когда Оливия рассказала мне свою во время того рейса в Рим, я был очарован. Мысль о том, как реальные люди попадают в такие ситуации, где любовь преобладает над разумом, поразила меня, ведь я не был с этим знаком. Она была так честна, так сурова к себе. Я не тот человек, кто верит в любовь с первого взгляда. Но когда Оливия произнесла «Я влюбилась под деревом», я просто обо всем забыл и попросил её выйти за меня прямо там. Она была моей противоположностью, но мне хотелось стать похожим на неё. Мне хотелось влюбиться под деревом, быстро и сильно. Хотелось, чтобы кто-то забыл меня, а потом вспомнил душой, как это сделал Калеб.

Я сразу же подумал, что мы совпадаем. Не душами. Мы просто идеальные части, которые нужно сопоставить вместе, чтобы увидеть полную картину.

Я был для нее ограничителем. А она была той, которая может научить меня жить. Я любил её. Боже, я любил её. Но она хотела того, чего я не мог дать. Она хотела ребенка. Когда споры перешли в ожесточенную борьбу, я ушёл. Когда она не передумала, я решил подать на развод. Это было неправильное решение. Брак — это компромисс.

Я оплатил счет и вышел навстречу теплему воздуху улицы. Мы можем прийти к компромиссу. Усыновить. Черт, да мы можем открыть сиротский дом в стране третьего мира. Я просто не могу иметь своего ребенка. Слишком много риска.

Мне нужно встретиться с ней. Хватит прятаться. Достаю телефон из кармана и пишу ей.

Мы можем поговорить?

Она отвечает только через три часа:

О: О чем?

О нас.

О: Мы, разве, еще не все обсудили?

У меня есть к тебе предложение.

Проходит двадцать минут, прежде чем приходит новое сообщение.

О: Хорошо

Слава Богу. Я не дам ему отнять её у меня. Он упустил её в Риме. Он разбил ей сердце... снова. В ту ночь, когда мы с Оливией попрощались после ужина, я вернулся в отель и размышлял о жизни. О том, какая она пустая. К тому времени, как она в слезах позвонила в мой номер, я принял решение изменить свою жизнь. Я поймал такси до её отеля и сидел с ней, пока она жаловалась на него. Она говорила, что это в последний раз, что она уже столько раз была сломлена. Она не хотела, чтобы я прикасался к ней. Но мне так хотелось её обнять. Она сидела на краю кровати с прямой спиной, закрыв глаза, а слезы тихо катились по её щекам. Никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь справлялся с болью с таким самообладанием. Мое сердце разрывалось от того,

что она не издает ни единого звука. В конце концов, я включил телевизор, и мы смотрели «Грязные танцы». На итальянском. Не знаю, как Оливия, но я тысячи раз смотрел его с сестрой и знал все диалоги наизусть. Когда взошло солнце, я всё ещё сидел рядом с ней. Отметил все встречи, заставил её одеться и повел гулять по Риму. Поначалу она сопротивлялась, говоря, что лучше останется в отеле, но затем я распахнул занавески и заставил встать перед ними.

— Посмотри. Посмотри где ты,— сказал я.

Она стояла позади меня, и от увиденного её лицо озарилось.

— Хорошо,— сказала она.

Сначала Колизей, затем мы ели пиццу возле небольшого магазинчика рядом с Ватиканом. Она расплакалась, когда стояла под полотном Да Винчи. Потом повернулась ко мне и строго сказала: «Я плачу не из-за него. А потому, что я там, где всегда хотела побывать». Затем она обняла меня и поблагодарила.

На следующий день мы расстались, но когда я вернулся в Майами, то позвонил ей. Несколько раз

мы ужинали вместе. Просто ужинали. Ничего не происходило, пока я не поцеловал её. Я не планировал этого, но мы прощались у ресторана, и я просто поцеловал её, не раздумывая. Прошли месяцы, прежде чем мы впервые переспали. Она была робкой, нерешительной. Понадобилось время, чтобы она доверилась мне. Но ведь доверилась. И я не собираюсь отпускать её так легко, как он.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прошлое

За шесть месяцев до встречи с Оливией в музыкальном магазине я купил кольцо для Лии. Оно лежало рядом с кольцом Оливии в ящике для носков. Мне казалось неправильным держать их вместе. Я купил для Оливии винтажное кольцо. Очень элегантно. Когда мы расстались, я не знал, что с ним делать. Продать? Сдать в ломбард? Оставить на черт-знает-какой случай? В конце концов, я не смог расстаться с прошлым, и оно до сих пор лежит в

комоде. Для Лии я выбрал кольцо с бриллиантом в огранке «Принцесса». Большое и сияющее, оно произвело бы впечатление на её друзей. Я планировал сделать предложение, когда мы будем в отпуске в Колорадо. Дважды в год мы катались там на лыжах. Меня тошнило от катания по кругу с её нелепыми друзьями, которые назвали детей Пэйсли, Пэйтон и Пресли. Имена без души. Мне кажется, что если называть детей именами по образцу, то они впоследствии станут раздолбаями. Моя мать назвала меня в честь библейского шпиона. Он был стремительным и смелым. Разумеется, имя что-то значит.

Я думал, что мы поедем вдвоем. Поначалу она отказывалась ехать без «своих людей», но думаю, поняла, что дело пахнет предложением, и быстро изменила свое решение. Я начал паниковать за месяц до поездки. Это была не внутренняя, скрытая паника. А та, которую заливают алкоголем, когда я каждый день пробегал шесть миль, слушая Eminem и Dre, и ночами гуглил имя Оливии под песни Coldplay. Я нашел её. Она работала секретарем в юридической фирме. У меня не было шанса встретиться с ней, а потом я попал в аварию и придумал ложь, которая изменила мою жизнь.

Я увидел её в тот день, когда уже два месяца

врал о своей амнезии и просто бродил по округе в надежде найти её. Никогда не заходил на работу к Оливии, но постоянно шпионил за ней на парковке. И так и не встретился бы с ней лично, если бы в тот день она не зашла в «Музыкальный гриб». Я собирался рассказать ей правду о том, как врал семье и друзьям, потому что не мог оставить её в прошлом, хотя должен был. И в ту самую секунду, когда я спросил об этом чертовом диске, она выглядела такой испуганной, такой разбитой, что я ещё глубже утонул во лжи. И не мог ничего с собой поделать. Я наблюдал, как расширяются её глаза, как она нервно дышит, словно пытается решить, что сказать. Но, по крайней мере, она не ругалась. И то хорошо.

— Хмм, — вот, что она решила мне сказать. Я слышал её голос впервые за долгое время и не мог сдержать улыбки. Она зародилась в уголках губ и перешла на глаза, как будто и не было этих последних трех лет. Она держала в руках упакованный в целован диск мальчиковой группы и выглядела чертовски смущенной.

— Извини, я не это искал, — было жестоко играть на её удивлении, но я хотел разговорить её.

— Оу, они нормальные, — сказала она. — Но не совсем в твоём вкусе.

Я чувствовал, что ей хочется отвязаться. Она поставила диск на полку, её глаза метнулись к двери. Я должен что-то сделать. Что-то сказать. *Прости меня. Я был дураком. Я женюсь на тебе сегодня же, если ты согласишься...*

— Не в моем вкусе? — я повторил её слова, пока пытался сформулировать собственные. В этот момент она выглядела такой жалкой, что я радовался её красоте больше, чем когда-либо.

— А что, по-твоему, в моем вкусе? — я немедленно осознал свою ошибку. Так мы обычно флиртовали. Если я хотел, чтобы она меня простила, то должен был придумать...

— Хм, ты парень, любящий классический рок... но я могу ошибаться.

Она была права, так права. Она дышала ртом, её полные губы приоткрылись.

— Классический рок? — повторил я. Она знала меня. Лия, скорее всего, сказала бы, что я люблю альтернативу. Не то, чтобы она не разбиралась в музыке, просто слушала топ-100, словно библейские заповеди. Я отбросил горькие мысли о Лие и вернулся к Оливии. Она выглядела напуганной. Я

увидел выражение её лица, и мне словно нанесли удар. В нем не было гнева. Только сожаление. Как и у меня.

У нас был шанс убежать от прошлого.

— Прости меня, — сказал я. И снова полезла ложь, которую я постоянно повторял последние два месяца. Она выходила легко, капала с языка, словно отраву для отношений.

«Ты защищаешь её», — твердил я себе.

Но, на самом деле, защищал себя.

Я был всё тем же эгоистичным дерьмом, который когда-то сделал ей больно. Я уже собирался уйти. Убежать от того, что только что сделал, когда услышал, как она зовет меня. Вот оно. Она собиралась сказать, что знает меня, и я бы рассказал, что у меня нет амнезии. Вся эта игра была из-за неё. Вместо этого она пошла в другой отдел. Я смотрел на её темные волосы, когда она пробиралась мимо людей, стоявших у неё на пути.

Мое сердце забилось быстрее. Когда она вернулась, в руках у нее был диск. Я взглянул на него — Pink Floyd. Мой любимый альбом. Она купилась

на мою ложь и принесла мой любимый диск.

— Тебе понравится, — сказала она и протянула его мне. Я ждал, пока она скажет, что знает, кто я такой. Но она этого не сделала. Я переживал каждый удар, который причинил ей, каждую ложь, каждое предательство.

Она пыталась помочь мне с выбором музыки, а я врал ей. Я пошел. Пошел. Прямо к выходу.

Я не собирался снова с ней встречаться. Это конец. У меня был шанс, и он упущен. Я вернулся в квартиру и поставил этот диск, включив громкость на полную, надеясь, что это напомнит мне о том, кто я есть. Кем на самом деле хотел бы стать. А потом я снова увидел её. Все произошло случайно. Это была судьба. Я не мог ничего поделать. Словно каждая секунда, минута, час, который я провел без нее последние три года, ударили меня в лицо, пока я смотрел, как она нажимает на табло с выбором мороженого. Я опустился на землю, чтобы поднять его. Волосы у нее были короткие, по плечи. Ассиметричная стрижка: спереди длиннее, чем сзади. Казалось, что если я дотронусь до них, то порежусь.

Она была не той Оливией с длинными,

непослушными волосами и непокорным взглядом, которую я помнил. Эта Оливия была мягче, сдержаннее. Но в глазах не было прежней искорки. Интересно, куда она делась, кто её отнял. Это ранило меня. Боже, как сильно ранило. Мне хотелось вернуть свет в её глаза.

Я пошёл прямо к Лие. Сказать, что так больше не может продолжаться. Она восприняла это так, словно я сказал, что не смогу быть в отношениях с тем, кого не помню.

— Калеб, я знаю, что сейчас ты потерян, но когда вернется твоя память, всё снова обретет смысл.

Когда вернулась память, ничего не обрело смысл. Вот почему я лгал.

Я покачал головой.

— Мне нужно время, Лия. Прости. Я знаю, что это кошмар. Не хочу причинять тебе боль, но мне

нужно кое о чем позаботиться.

Она посмотрела на меня, как на подделку «Louis Vuitton». Я видел этот взгляд миллион раз. Отвращение, смущение. Однажды она сделала едкое замечание в магазине, пока мы стояли позади женщины, пытающейся разобраться с купонами. Через плечо у нее была перекинута сумка «Louis Vuitton».

— Люди, которые могут позволить себе «Louis...», не пользуются купонами,— сказала она громко. — Вот как можно понять, что это подделка.

— Может, люди, которые пользуются купонами, стараются сэкономить деньги на более брендовые сумки, — прошипел я сзади. — Прекрати быть такой надменной и осуждающей.

Два дня она обижалась. Жаловалась, что я напал на неё, вместо того, чтобы защитить. Мы спорили о том, как она судит о людях. И поворотным моментом для меня стало то, какое значение она придает вещам. После того как она успокоилась, у меня было два дня тишины, за которые я серьезно подумывал о том, чтобы закончить наши отношения.

Пока она не появилась в моей квартире с

пирогом собственного приготовления и кучей извинений. Она принесла сумочку «Chanel», и я в восторге смотрел, как она ножницами режет её на моих глазах. Это казалось таким искренним и раскаивающимся жестом, что я смягчился. Но она не изменилась, так же, как и я. Я всё ещё был влюблен в другую. Всё ещё притворялся с Лией.

Но я так устал.

— Мне нужно идти, — сказал я, вставая. — Мне нужно кое с кем встретиться за чашечкой кофе.

— С девушкой? — спросила она напрямик.

— Да.

Наши глаза встретились. Я ожидал увидеть боль, возможно, слезы, но обнаружил лишь гнев. Поэтому поцеловал её в лоб и вышел.

Возможно, я поступал неправильно, эгоистично, трусливо, но я собирался сделать это.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я высаживаю Оливию у офиса. По пути туда она и двух слов не произносит. После того, что произошло между нами, я тоже не представляю, что сказать. Но одно знаю точно — Ной хочет вернуть её. Мне даже смешно. *Присоединяйся к клубу, придурок.*

Его не было три месяца, и теперь он решил объявиться.

Когда мы подъезжаем к парковке, на улице моросит дождь. Она открывает дверь и выходит, ни разу не взглянув на меня. Я смотрю, как она идет к своей машине, опустив плечи. Внезапно открываю дверь и оббегаю машину, чтобы поймать её. Я хватаю её за руку, как только она тянется к дверной ручке, заставляя повернуться ко мне лицом. И прижимаю её своим телом к машине. Она замирает, руки упираются мне в грудь, словно она не понимает, что я творю. Кладу руку ей на затылок и притягиваю к себе для поцелуя. Целую глубоко, как целовал тогда, когда мы занимались сексом. Наше дыхание громче, чем движение машин позади нас, громче, чем раскаты грома за спиной.

Она задыхается, когда я отрываюсь от неё. Мои руки лежат по обе стороны от её лица, и я, глядя на её рот, нежно говорю:

— Помнишь апельсиновую рощу, Оливия?

Она медленно кивает. Её глаза широко распахнуты.

— Хорошо,— говорю я, проводя большим пальцем по её нижней губе.— Хорошо, и я тоже. Иногда я впадаю в такое онемение, что вспоминаю это, чтобы начать снова чувствовать.

Я отрываюсь от неё и возвращаюсь в машину. И когда отъезжаю, смотрю в зеркало заднего вида, чтобы мельком увидеть её. Она всё ещё стоит там, прижав руку к груди.

Я — достойный противник. Несомненно, он никогда не врал ей, не разбивал сердце и назло ей не женился на другой. Но она моя, и на этот раз я не собираюсь отдавать её без борьбы.

Я жду несколько дней и пишу ей, сидя на работе.

Чего он хотел?

Закрываю дверь в кабинет, ослабляю галстук и вытягиваю ноги на столе.

О: Он хочет прийти к компромиссу

Знал, что так и будет, но все равно чувствую боль в груди. К черту все это.

Что ты сказала ему?

О: Что мне нужно подумать. То же самое, что сказала тебе.

Нет

О: Нет?

Нет

Я провожу рукой по лицу и пишу:

У тебя было десять лет на раздумье.

О: Все не так просто. Он мой муж.

Он подал на развод! И не хочет от тебя детей.

О: Он сказал, что хочет усыновить ребенка.

Я потираю нос и стискиваю зубы.

То, что я делал, было неправильным. Я должен позволить им быть вместе, всё исправить, но я не могу.

О: Кaleb, дай мне время. Я уже не тот человек, которого ты знал. Мне нужно поступить правильно.

Тогда оставайся с ним. Это правильно. Но я тот, кто тебе нужен.

После этого она не отвечает.

Я долго сижу в раздумьях и не способен сейчас работать. Когда мой отчим заходит в кабинет, он поднимает брови в изумлении.

— Только две вещи могут вызвать у тебя такое

выражение на лице,— он садится напротив меня и кладет руки на колени.

— И что же? — я люблю отчима. Он самый проницательный человек их всех, кого я знаю.

— Лия... и Оливия.

Я корчу рожу на первом имени и хмурюсь на втором.

— О,— говорит он, улыбаясь.— Вижу, маленькая мегера с волосами цвета вороного крыла вернулась?

Я вожу большим пальцем по губе туда и сюда, туда и сюда.

— Слушай, Калеп... Я прекрасно знаю, что твоя мать думает о ней. Но я больше не мог с ней спорить.

Я удивленно смотрю на него. Он очень редко не соглашается с моей матерью, но когда делает это, то обычно оказывается прав. И он никогда не делится своим мнением, если только его об это не просят. Тот факт, что это происходит сейчас, заставляет меня выпрямиться на стуле.

— Я знаю, что она привела тебя в чувства, когда

вы впервые встретились. У меня была такая любовь.

Я приковываю взгляд к его лицу. Раньше он никогда не говорил о жизни до моей матери. Они женаты пятнадцать лет. До этого он уже один раз был в браке, но...

— Твоя мать,— говорит он, ухмыляясь.— Она ужасная, правда. Я никогда не встречал кого-то столь же беспощадного. Но она ведь хорошая. В ней уживаются две стороны. Думаю, когда она впервые встретила Оливию, то распознала в ней родственную душу и захотела защитить тебя.

В голове всплывает воспоминание о первом ужине. Я привел Оливию домой, чтобы познакомить с семьей, и моя мать, разумеется, создала самую неуютную обстановку. В конечном итоге, я ушел посреди ужина, так злясь на мою мать, что не был уверен, что когда-либо заговорю с ней снова.

— Многие мужчины любят опасность. Нет ничего слаще, чем опасная женщина,— говорит он.— Мы становимся чуть более отважными, чтобы иметь право называть их своими.

Скорее всего... он прав. Я потерял интерес к нормальным женщинам сразу после того, как

встретил Оливию. Это проклятие. После неё я редко встречал женщин, которые вызывали у меня интерес. Мне нравится её мрачность, постоянный сарказм, то, что приходится зарабатывать каждую улыбку, каждый поцелуй. Мне нравится то, какая она сильная, как она борется за все. Мне нравится, что со мной она слабая. Возможно, я её единственная слабость. Оливия из тех женщин, о которых мужчины поют в песнях. У меня на iPod'e около пятидесяти таких песен, и каждая заставляет думать о ней.

— Она свободна?

Я вздыхаю и потираю затылок.

— Она одна. Но он снова появился несколько дней назад.

— А,— он поглаживает бороду и смотрит на меня с улыбкой.

Он единственный в семье знает о том, что я сделал. После того, как Оливия бросила меня, ушел в запой и попал за решетку. Я позвонил ему и попросил меня забрать. Он не рассказал моей матери, даже когда я признался о фальшивой амнезии. Он ни разу не осудил меня. Только подтвердил, что люди совершают сумасшедшие

поступки, когда дело касается любви.

— Что мне делать, Стив?

— Я не могу сказать тебе, что делать, сынок.
Она — всё хорошее и плохое, что есть в тебе.

Так и есть, но слышать это очень больно.

— Ты рассказал ей о своих чувствах?

Я киваю.

— Тогда тебе остается только ждать.

— Что, если она не выберет меня?

Он ухмыляется и откидывается в кресле.

— Ну, тогда у тебя всегда есть Лия...

Я смеюсь от души.

— Худшая шутка на свете, Стив... худшая.

И как всегда, как только все начинается, она возвращается к Ною. Я знаю это, потому что она не

звонит. Не пишет. Она продолжает жить дальше, а мне остается только существовать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Прошлое

Я в ярости. Хочу убить его медленно, своими собственными руками.

Джим... он почти... не хотелось даже думать о том, что он практически сделал. Что если бы меня не было рядом? Кому бы она позвонила? Пришлось напомнить себе, что она три года жила без меня. Три года сама вытирала слезы и колкими фразами отшивала всяких придурков. Она прекрасно обходилась без меня и даже стала сильнее. Не знал, что чувствовать по этому поводу, — облегчение или сожаление. Я был слишком горд, чтобы признать свою вину в нашем разрыве. Многого не рассказывая и не борясь за неё изо всех сил, я позволил ей поверить, что это была её вина. Но это не так. Её

единственной проблемой был её внутренний разлом. Неумение показать свои чувства. Оливия сама была своим самым злейшим врагом. Она вбивала что-то себе в голову, а потом тем самым разрушала свое собственное счастье. Ей нужна была такая любовь, которая выживет несмотря ни на что. Ей нужно было видеть, что я никогда в ней не разочаруюсь. *Черт*, я ненавидел себя. Но я был молод. Мне даровали сокровище, а я не знал, как о нем позаботиться. И до сих пор не уверен, что понял это. Но одно точно — я убил бы любого, кто посмел к ней прикоснуться. И я собирался убить его. Наверстать то время, когда меня не было рядом, чтобы защитить её.

Я спокойно шел к своей машине, потому что она наблюдала. Но исчезнув из её поля зрения, сразу рванул с места. Она спала у меня на груди, прижимаясь ко мне как ребенок. А я всю ночь не мог заснуть, разрываясь между желанием защитить её и выбить из него все дерьмо. Когда взошло солнце, я уложил её в постель и отправился в гостиную, чтобы обзвонить несколько мотелей. Когда она проснулась, сказал ей, что он освободил номер прошлой ночью и покинул город. Но все было не так. Пьяный мудака вернулся к себе и, должно быть, отсыпается с похмелья.

Я нашел его в шестом по счету мотеле. Он ездил

на том же Мустанге 1967 года, что и в колледже. Я помнил его с тех времен. Тощий пацан. Один из тех эмоциональных двуполых парней, что носят обтягивающие джинсы, подводят карандашом глаза и любят поболтать о любимых группах. Никогда не понимал, что Оливия нашла в нем. Она могла бы заполучить любого. Его Мустанг припаркован прямо напротив 78 комнаты. Я увидел свое отражение в нем, когда проходил мимо. Потом постучал в дверь. И только после этого подумал, что это мог быть не его номер. Но услышал бормотание и звук, как будто что-то упало. Джим с разъяренным видом открыл дверь. От него несло алкоголем. Когда он увидел меня, выражение его лица изменилось с удивленного на любопытное... затем на испуганное.

— Что за...

Я оттолкнул его и закрыл за собой дверь. В комнате воняло.

Сняв часы с запястья, отбросил их на кровать. А потом ударил его.

Он упал, ударившись о комод и свернув лампу. Но не успел подняться, а я уже возвышался над ним. Схватив за рубашку, поднял его, и он пытался ногами нащупать пол.

Я поставил его и ударил снова.

— Калёб,— умолял он, одной рукой прикрывая нос, из которого кровь лилась ручьём, а другую вытянув вперед, стараясь закрыться от меня. — Я был пьян, чувак... Мне так жаль...

— Тебе жаль? Да мне вообще плевать на твои сожаления.

Он покачал головой.

— Дерьмо, — выругался он. — Дерьмо.

Потом он согнулся пополам, положив руки на колени, и начал смеяться.

Я изо всех сил стиснул зубы.

— Ты врал ей о своей амнезии, — он так сильно хохотал, что едва мог говорить. Я толкнул его.

Он отшатнулся, но смеяться не перестал.

— Ты такой же гавнюк, как и я. Вы двое, притворяющиеся, что не знаете друг друга, это как...

Я схватил его за футболку и швырнул на кровать. Он смеялся так сильно, что держался за

живот. Возмущенный, я снова пошел к нему.

И прежде чем он успел что-то сказать, схватил его и прижал к стене.

— Ты ничего не знаешь о нас.

— Не знаю? — прошипел он. — А кто, по-твоему, был с ней, когда ты предал её и бросил?

— Я этого не делал,— произнес я сквозь зубы. Мне не обязательно что-то объяснять этому куску дерьма. — Если ты снова с ней заговоришь, я убью тебя. Снова посмотришь на неё — убью. Подышишь в её направлении...

— Ты убьешь меня,— закончил он.

Он толкнул меня, но этот парень наполовину состоял из алкоголя, так что я даже не шевельнулся.

— Ты убиваешь её с первого дня вашей встречи, — огрызнулся он. Меня это сильно задело. Я подумал о том дне, когда встретил её в музыкальном магазине, о ее взгляде, в котором не было искорки.— Почему ты вернулся? Ты должен был оставить её в покое.

Кровь прилила к его лицу, а грязные волосы

стояли дыбом. Я смотрел на него безо всяких эмоций.

— Ты подумал, что сможешь быть с ней, если у меня не получится?

Мои слова задели его. Он начал быстро дышать и отвел взгляд. Он, что, тоже был влюблен в неё? Я засмеялся, и это сильно его разозлило. Он попытался вырваться, а его лицо стало липким и красным.

— Она моя,— заявил я ему.

— Пошел ты,— огрызнулся он.

И я снова его ударил.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Настоящее

Я ничего не слышал о ней. Сколько времени прошло? Когда ты страдаешь, оно тянется ужасно медленно. Я настолько поглощен мыслями о ней, что когда коллеги приглашают меня выпить, соглашаюсь,

просто чтобы отвлечься. Среди них есть девушка из бухгалтерии, которая постоянно со мной флиртует. Стив удивленно поднимает брови, когда видит, что я ухожу с ними.

— Небольшой совет,— говорит он, когда я захожу к нему в кабинет, чтобы попрощаться.— Когда ты влюблен в женщину, не стоит увлекаться другой.

— Учту,— отвечаю я.— Хотя стоит добавить, что пока мы разговариваем, она, скорее всего, спит с другим.

— Всё ещё думаешь, что она вернется к тебе?

— Да.

Почему?

— Потому что она всегда так делает.

Он кивает, как будто это всё объясняет.

Мы останавливаем выбор на престижном мартини-баре в Форт Лодердейле. Я оставляю пиджак в машине и расстегиваю несколько пуговиц на рубашке. По дороге в бар одна из девушек мне улыбается. Если не ошибаюсь, её зовут Эйжа.

— Твоя задница прекрасно смотрится в штанах в тонкую полоску,— заявляет она. Мой приятель Райан похлопывает меня по плечу. Я знаю его с колледжа. По моей просьбе Стив дал ему работу после выпуска, и оказалось, что он очень хорош в своем деле. Райан смотрит на Эйжу с притворным сочувствием.

— Этот парень,— ухмыляется он,— не собирается спать с тобой.

Эйжа улыбается.

— Это будет для меня новым опытом.

Я смеюсь и впервые по-настоящему присматриваюсь к ней. Она напоминает мне Кэмми.

— Разбитое сердце? — спрашивает она, игнорируя Райана, который пытается вклинить между нами.

— Что-то вроде.

— В этом я профессионал, — она подмигивает мне, чем сразу напоминает Лию. И я непроизвольно вздрагиваю. Не хочу вспоминать о Лие.

— Я выросла с разбитым сердцем. И думаю, что смогу с этим помочь.

Я открываю дверь перед девушками, которые заходят по очереди. Эйжа ждет меня с другой стороны, и я мысленно издаю стон. Не хотелось бы провести ночь, отбиваясь от советов женщины, которая мне даже не нравится. С другой стороны, можно даже не стараться, чтобы завоевать её. Но я это не люблю. У женщин в руках вся власть. Они должны использовать её как кнут, а не приносить в жертву.

Я не ходил по барам с компанией с тех пор, как мне было двадцать. Покупаю всем по первому напитку, надеясь, что это позволит мне скрыться от общей компании и пить в одиночестве.

Эйжа прикончила свой мартини за два глотка и выбрала меня своей единственной жертвой на ночь. Она объединилась с Лорен из бухгалтерии. Последние десять минут я пытался вести с ними взрослый разговор, но как только начинал рассказывать о чем-то, кроме офисных сплетен и фильмов, их взгляд потухал. Эйжа предложила поехать к ней.

«Кнут», — мысленно подсказываю ей. — «Используй как кнут».

— Чувак,— говорит мне Райан, когда они по третьему разу опрокидывают шоты. — Ты мог бы переспать с обеими, если бы захотел. Расслабься, парень. Каждый раз, когда Оливия рядом, ты становишься убежденным холостяком.

Мне нравится Райан, но прямо сейчас очень хочется ударить его кулаком в челюсть. Я встаю и оглядываюсь в поисках уборной.

— Я ничего такого не имел в виду,—

оправдывается он, заметив выражение на моем лице. Киваю ему в ответ и, проходя мимо, хлопаю по плечу.

Моим друзьям никогда не нравилась Оливия. Никто из них не мог понять, как я превратился из парня, который переспал с каждой девушкой в кампусе, в того, который ждал два года, чтобы переспать с Оливией.

Райан постоянно пытался склонить меня к измене, и в какой-то момент я просто перестал с ним тусоваться.

Мои друзья были того же мнения.

— Она дразнит тебя. Есть много других девчонок, похожих на неё.

Большинство из этого было правдой. Она не специально дразнила меня, но при этом почти девяносто процентов времени, когда я был с ней, у меня болели яйца. Были девушки, похожие на неё, но никто не двигался как Оливия. Она словно была водой. Преодолевала все преграды, неважно, насколько это было сложно. Если происходило то, что она не могла контролировать, она просто обтекала это и двигалась дальше.

Брызгаю на лицо водой из-под крана и смотрю на себя в зеркало. Она стоит у меня перед глазами.

Чувствую себя неловко, тусуюсь в клубе, как какой-то подросток. Так что вытираю лицо и выхожу. Я собираюсь попрощаться, вызвать такси и перестать вести себя, словно двадцатилетний придурок. Пробираюсь сквозь толпу у барной стойки, как вдруг замечаю что-то краем глаза. Изумрудное платье на поразительно хорошей заднице. Её волосы заколоты наверху, и отдельные пряди спадают на лицо, словно черные змеи, от чего она выглядит как ходячий секс. И происходят две вещи: я мгновенно завожусь и одновременно прихожу в бешенство. Где этот чертов Ной? Взглядом ищу в толпе его темную голову, но не нахожу. Может, он пошел в туалет. Меня передергивает от мысли, что мы могли встретиться у писсуара. Я подожду его здесь, затем вызову такси и уеду, прежде чем они успеют меня заметить. В течение пяти минут я не двигаюсь с места.

Оливия. Я должен был знать, что она придет.

Когда её жизнь рушится, она прячется на танцполе. И меня это беспокоит. Девушка знает, как надо двигаться, чтобы каждый мужчина, находящийся рядом, обратил на не внимание. Я смотрю, как она поднимает руки вверх и раскачивается из стороны в сторону. Замечаю светлую голову Кэмми рядом с ней и стискиваю зубы. Бросаю взгляд в сторону бара, где пьёт моя компания, а потом снова на Оливию. Поддавшись порыву, я направляюсь к ней. Меня трясёт от злости. Хочу добраться до нее, прежде чем она...

Она подходит к микрофону. Я замираю. Теперь она в своей стихии, и все смотрят на неё. Даже я. Если то, что сейчас творится у меня штанах, происходит со всеми мужчинами в зале... Я должен забрать её, прежде чем убью кого-нибудь. *Где же, черт возьми, Ной?* Если он когда-нибудь видел, как она танцует, то не должен был отпускать её одну. Может, у них не срослось. Это мысль меня приободряет. Она танцует так соблазнительно, что какой-то парень пытается подобраться к ней. Кэмми похлопывает его по спине и что-то кричит Оливии, которая наклоняется к ней, чтобы расслышать получше. Её платье достаточно открытое, чтобы я мог заменить ложбинку между её грудей.

Отталкиваю кого-то в сторону и пробираюсь

через толпу её воздыхателей. Оказавшись у микрофона, хватаю парня за воротник рубашки и прежде, чем он успевает сообразить, толкаю его влево. Кэмми оборачивается, чтобы посмотреть, что происходит, и при виде меня её глаза расширяются. Она поворачивается к Оливии, которая до сих пор ничего не замечает. Всё, что я могу видеть, это её ноги — загорелые, длинные. Обхватываю её руками за талию и спускаю вниз. Она открывает рот. Опуская её, прикасаюсь к ней всем своим телом.

Она матерится и бьет меня в грудь. Крепко прижимаю её к себе, чтобы она в полной мере ощутила то, что я собираюсь сказать.

— Ты чувствуешь это?— шепчу я ей на ухо. Она смотрит на меня.— Вот что ты творишь с каждым мужчиной в этом зале.

Тут ужасно темно, но я вижу, как мои слова повлияли на неё. Ей не нравится быть объектом сексуальных фантазий — маленькая ханжа. Я поворачиваюсь к Кэмми, которая одними губами произносит: *«Убери её отсюда»*.

Я киваю. Она выпила слишком много, иначе бы уже поругалась со мной. В баре полно народу, и очень сложно пройти вдвоем через толпу. Я

прижимаю её спиной к себе и обхватываю руками. Мы идем так, пока не оказываемся у дверей. Мои губы крепко сжаты, потому что одно из её достоинств снова и снова прижимается ко мне. Выйдя на свежий воздух, она молчит, и я беру её за руку.

— Где твоя машина?

— У офиса. Меня подвезла Кэмми.

Из меня вырывается ругательство. Её офис примерно в восьми кварталах отсюда.

Я веду её по тротуару, она громко стучит каблуками, стараясь вырваться.

— Куда мы идем?

— К твоей машине.

— Нет! — она вырывает руку. — Я не проведу с тобой ни часа.

Я поворачиваюсь к ней, беру в ладони её лицо, и целую прямо в губы. И не отрываюсь от неё.

— Нет, черт возьми. Я не пущу тебя туда, чтобы к тебе приставали.

Она сердито смотрит на меня и раздувает ноздри.

— Что? — спрашиваю я.— Какой язвительный комментарий ты собираешься отпустить? Закрой рот и пошли.

Мы проходим два квартала, прежде чем она начинает жаловаться на свои туфли. Я завожу её в магазинчик на углу и снимаю пару резиновых шлепок с крючка над автоматом с мороженым. Положив их на кассу, хватаю ближайшую бутылку с ликером — это оказалась текила — и протягиваю её кассиру, который не отрывает глаз от Оливии.

Протягиваю ему карточку и смотрю, как он разглядывает Оливию. Он отдает карточку и благодарит меня, не отрывая взгляда от её тела.

Боже, я точно сегодня кого-нибудь убью.

Выйдя на улицу, наклоняюсь перед ней и расстегиваю ее туфли. Она опирается на мою спину, пока я снимаю их и надеваю шлепки.

Потом выпрямляюсь и не могу сдержать улыбку, потому что она стала совсем маленькой.

Она тянет руку к бутылке с текилой. И я отдаю её. Она открывает крышку и подносит бутылку ко рту, не отрывая от меня взгляда. Делает глоток, облизывает губы и отдает её мне. Я тоже отпиваю, и мы идем дальше.

Иногда я замедляю шаг, чтобы она шла впереди.

— Я когда-нибудь говорил, какая у тебя великолепная задница?

Она игнорирует меня.

— Правда, я видел её только один раз...

Она останавливается, забирает бутылку и делает большой глоток.

— Можешь не флиртовать со мной хотя бы пять секунд?

— Хорошо, давай поговорим о тебе и Ное.

Она рычит.

— Вы должны были работать над отношениями... или обдумывать... или...

— Так и есть!

Я наклоняю голову и, прищурившись, смотрю на неё.

— Где он?

Она выдыхает.

— Мы поссорились.

— Из-за чего?

Мы переходим дорогу и сворачиваем налево.

— Из-за тебя.

Кожу начинает покалывать. Не знаю, что и чувствовать: вину, любопытство или радость от того, что настолько важен, раз стал причиной ссоры.

— Ты сказала ему, что видела меня?

Она кивает.

— Могу представить, как ему это не понравилось.

— Он всё знает про нас. Я никогда не пыталась утаить это от него. Думала, что у нас всё закончено, и хотела быть честной с ним.

Я хватаю её за руку, заставляя остановиться.

— Оливия, он знал о твоих чувствах ко мне и всё равно на тебе женился.

Не могу сдержать недоверия в голосе. Какой мужик подпишется на такое? Я провожу рукой по вспотевшей шее.

— Не говори таким самодовольным тоном, учитывая, что ты поступил точно так же.

— Всё было по-другому. Я остался с Лией, потому что она была беременна. Мне казалось, что так будет правильно.

Оливия открывает рот.

— Лия была... — она качает головой. — Не мое дело. И ты прав — у вас все было по-другому. Ной — замечательный человек, в отличие от бессердечной стервы, на которой ты женился.

Мы останавливаемся у ее офиса. Она роется в сумочке, пытаясь найти ключи. Но вместо того, чтобы пойти к машине, открывает дверь в «Spinner & Kaspen» и вводит код на охранной системе.

— Мы были в круизе, когда он сделал мне

предложение. Гуляли по палубе, а он просто повернулся ко мне и произнес: «Если бы ты не появилась в моей жизни, я был бы опустошен. И хочу, чтобы ты вышла за меня».

Я смотрю в её глаза, пытаюсь понять, зачем она мне все это рассказывает.

— Он знал, что мои чувства к тебе настоящие, но был готов любить меня несмотря ни на что.

Я сглатываю. *Черт.* Он лучше меня.

— Я не вспоминала о тебе целый год. Ной приложил много усилий, чтобы я о тебе забыла.

Я перебиваю её, потому что не хочу этого слышать.

— Оливия...

— Заткнись, — за нами захлопывается дверь, и мы стоим в темноте в зале ожидания. Все, что я вижу, это очертания ее лица. — Я влюблена в него, Калеб.

Я стискиваю зубы.

— Но когда я выиграла дело и запаниковала, то

захотела поговорить совсем не с ним, — в её голосе слышится смущение. Я вспоминаю, как она появилась у меня в квартире. — Я просто хотела тебя... и когда Добсон сбежал, мне хотелось быть с тобой. А когда у меня произошел выкидыш... — Она закрывает лицо руками и всхлипывает.

— Герцогиня...

— Заткнись и дай мне закончить, — она кончиками пальцев вытирает слезы под глазами. — Когда у меня был выкидыш, мне хотелось, чтобы меня обнимал ты, — повторяет она. — Кaleb, это ранило его. Я не знала, то ли мне кричать ему: «*Я же говорила*», то ли утопиться в океане, ведь я всегда всё порчу.

Она поворачивается и идет в кабинет. Я слепо следую за ней. Она распахивает дверь и включает настольную лампу вместо верхнего света. Потом подходит к шкафу, достает папку бумаг и протягивает её мне.

— Почему ты не сказала мне?

Мои глаза наполняются слезами, горло жжет.

— Тем вечером я собирался...

Она надувает губы.

— Она была...

— Она старый друг, ответственный за постройку дома.

— И когда я увидела вас...

— Мы обсуждали планы. Я рассказал ей, что собираюсь сделать предложение. И она захотела посмотреть на кольцо.

Она прикусывает щеку и отворачивается к стене.

— Ты собирался сделать мне предложение?

Слезы катятся по ее щекам, капая с подбородка, а я еще даже не сказал самое худшее.

— Да.

Она опускает голову и кивает.

— Что я увидела, когда вошла?

— Мы просто разговаривали. Она сказала, что у неё ко мне чувства. И я пытался убедить её, что это

не взаимно.

Она упирается кулаком в бедро и обходит комнату.

— Так почему ты мне не рассказал об этом?

— Ты набросилась на меня, Герцогиня. Я едва открыл рот, а ты уже сравнила меня со своим отцом, первый раз призналась в любви и убежала. Я пошел за тобой, сначала в твою квартиру. Прождал там несколько часов, а когда ты не появилась, подумал, что ты, возможно, в отеле. К тому времени, как я добрался туда...

— Так это я виновата?

Я подхожу к ней.

— Нет, это была моя вина. Я не боролся. Мне следовало схватить тебя и заставить меня выслушать.

— Ты даже не целовал её?

— Нет, но она привлекала меня, так что я об этом думал.

— О, Боже, дай мне минуту... — она начинает расхаживать между столом и окном. Я сажусь на пол,

прислонившись к стене и согнув одну ногу в колене.

Наконец она произносит:

— Ной спросил, люблю ли я ещё тебя.

Я прочищаю горло.

— Что ты ответила ему?

Она садится, покачивая ногой, сбрасывает шлепки и начинает надевать туфли. Я смотрю, как она их застегивает, а её волосы спадают через плечо. Она тянет время, пытаясь чем-то заняться, пока думает.

— Что мы ненормальные и ядовитые!

— Мы *были* ненормальными и ядовитыми,— поправляю я её.

Она злобно смотрит на меня и проводит руками по бедрам. У меня появляется ощущение, что она пытается избавиться от меня.

— Мы с тобой любим друг друга, малышка, — я делаю глоток текилы, которая обжигает мое горло.

— Нет... нет, — она качает головой. — Мы

пьяны,— заявляет она,— а в пьяную голову приходят сумасшедшие мысли.

— Так и есть,— соглашаюсь я.— Иногда, когда я пьян, мне кажется, что любить тебя — настоящее безумие.

Она бросает в меня упаковку стикеров. Но мне удается увернуться, и они ударяются о стену. Я делаю ещё глоток текилы.

Она приходит в бешенство. Это так сексуально. Я жду, что она начнет ругаться, и через минуту получаю желаемое.

— Нет ничего чертовски хорошего в том, чтобы, нафиг, доказывать, что мы, черт возьми, подходим друг другу. Мы взрываемся как...

Я встаю, и она закрывает рот.

— Доказательства... тебе нужны доказательства, Герцогиня?

Она качает головой. Я выпил больше, чем следовало, и мои эмоции покачиваются на большой волне текилы.

— Потому что я могу показать, что тебе нужно,

— я подхожу к ней, она отступает.

— Не смей, — она поднимает палец, предупреждая меня. Я отмахиваюсь и за талию притягиваю её к себе. А потом шепчу ей на ухо.

— Позволь мне делать всё, что хочу, одну ночь, и ты получишь всё доказательства.

Она смотрит на меня, а я смеюсь, наклоняясь ниже, чтобы прикоснуться к ней губами. И провожу языком по её верхней губе. Она упирается мне в грудь.

— Нет! — протестует она, пытаясь оттолкнуть меня.

— Почему нет? — я целую её в уголок рта, и она хнычет. — Питер Пэн, — шепчу я ей на ухо.

— Я боюсь.

— Чего ты боишься? — я целую другой уголок.

Её решимость тает с каждой минутой. Я целую её и закрываю глаза, чтобы прочувствовать её губы. *Боже, эта женщина меня убивает.*

— Того, какой ранимой ты меня делаешь.

Она открывает рот, позволяя её целовать. Но сама не отвечает на поцелуй.

— Я делаю тебя ранимой, потому что ты любишь меня. Такова цена любви, малышка.

Мы нежно целуемся, останавливаясь для разговора, но не отодвигаемся друг от друга больше чем на дюйм.

— У тебя должны быть настоящие чувства, чтобы заниматься любовью. Мы занимались любовью в апельсиновой роще.

Я подталкиваю её назад, пока она не упирается бедрами в стол.

Провожу руками по подолу её платья и начинаю скользить вверх по её ногам.

— Как часто ты думаешь об апельсиновой роще?

Она задыхается.

— Каждый день.

Я хватаю её за бедра и сажаю на стол. Встаю между её ног и снимаю платье через голову. Затем

целую сначала одно плечо, потом другое.

— Я тоже.

Расстегнув её лифчик, наклоняю голову и беру в рот её сосок. Всем телом она отклоняется назад и бедрами обхватывает мою талию.

— Всё, что ты делаешь, так сексуально. Я когда-нибудь говорил тебе об этом? — перехожу к другой груди... и повторяю то же самое с другим соском до тех пор, пока она не начинает извиваться.

Она запускает руки мне в волосы, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы не взять её прямо сейчас.

— Все ещё молчишь, — говорю я, возвращаясь к её губам. Её глаза зажмурены, но губы приоткрыты. — Но, Герцогиня, мы оба знаем, что есть секретный способ заставить тебя кричать во весь голос.

Она распахивает глаза. Я провожу пальцем по её шее. Она пытается придумать колкий ответ, но её тело в моих руках, и у неё ничего не получается.

Я нежно целую её в шею. Одной рукой она обнимает меня, другой сжимает бицепс. Её глаза

темно-голубые. Она слушает, как я соблазняю её, с нетерпеливым выражением на лице. Провожу руками по её талии и запускаю пальцы под тонкие полоски трусиков. Она приподнимает бедра, и я снимаю их. Теперь она обнаженная сидит на краю стола в одних лишь восьмисантиметровых черных шпильках.

— Мы оставим на тебе туфли... — я раздвигаю её бедра и провожу рукой по внутренней стороне ноги. Ее взгляд прикован к моей руке. Я стараюсь оставаться серьезным, но так хочется улыбнуться из-за её очевидного ручного фетиша. Он у неё с самого колледжа. Мое дыхание прерывается, когда я дотрагиваюсь до неё.

Она полностью готова. Её губы сомкнуты, а глаза закрыты. Чувствую себя подростком, который собирается первый раз заняться сексом. Сколько минут, часов, дней я мечтал о том, чтобы так прикасаться к ней? Мне хочется сохранить это ощущение. Я играю с ней, дразню, поглаживаю, пошлепываю. Возможно, это наш последний раз, и я наслаждаюсь каждым мгновением. Я так восхищен тем, что она рядом, теми звуками, которые она издает, что с легкостью могу заниматься этим часами. Хоть каждый день. Мне *хочется* заниматься этим каждый день. Мы прижимаемся лбами друг к другу, наши губы соприкасаются, но не двигаются.

Рукой она обнимает меня за шею. Я чувствую, как нарастает желание в ее теле. Мне нравится, что я причина ее неровного дыхания и дрожи в мышцах. Нравится, как ее тело реагирует на мои прикосновения. Когда я начинаю говорить, один мой палец все ещё внутри неё.

— В этот раз я не собираюсь заниматься с тобой любовью, — мой голос хриплый. Она спускает с меня штаны, её язык прижат к верхней губе. Я прикусываю её язык и придвигаюсь ртом к ее уху.

— Я собираюсь оттрахать тебя, — она замирает или, лучше сказать, застывает. Я снимаю штаны и перешагиваю через них. Она смотрит на меня взглядом, полным животной страсти.

Потом ложится на спину, её волосы свисают со стола, такие длинные, что касаются пола. Ноги согнуты в коленях, каблуки стоят на краю стола — как будто она пришла прямо из эротической фантазии. И как только мне начинает казаться, что я заставил её подчиниться, она облизывает губы и произносит:

— Быстро и жестко, Дрэйк. Пусть это длиться дольше, чем в прошлый раз.

После всего этого мы лежим на полу её кабинета. Я перевернулся на спину, убрав одну руку за голову, а другой обнимаю её за талию. Она лежит у меня на груди в сексуальной позе. Примерно в середине нашего жесткого секса мы начали заниматься любовью. Мы не могли этого избежать. Все, что касается нас, обычно связано с эмоциями, даже если мы стараемся их не показывать. Я проигрываю в голове каждую горячую секунду произошедшего.

— Я думаю, что сексуально зависим от тебя.

— Просто это все в новинку,— отвечает она,— потому что раньше мы этого не делали.

— Почему ты всегда пытаешься принизить мои чувства к тебе?

— Я им не доверяю,— признается она через минуту.— Ты утверждаешь, что любишь меня, но, между тем, любил другую.

— Ты оттолкнула меня, Герцогиня. Я человек. И пытался найти кого-то, кто заменит тебя.

— А как же Лия? Ты ведь женился на ней.

Я вздыхаю.

— Виноват. Я втянул её в это, она влюбилась в меня, а потом я солгал про амнезию. И чувствовал, что единственный шанс всё исправить — жениться на ней.

Она неподвижно лежит в моих объятиях. Жаль, что я не вижу её лица, но мне хочется дать ей немного личного пространства, чтобы подумать над моими словами.

Мое сердце. Если бы у него были колени, то они бы подкосились от боли. Убираю руку из-за головы и тру глаза.

— Оливия... — мой голос ломается.

Я хочу, чтобы она потребовала рассказать всю историю, заставила меня заново пережить те секунды, которые изменили наши жизни, но она целует меня. Потом находит мою руку и сжимает её, и я забываю обо всем, кроме нас.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Прошлое

Когда я приехал, дверь была приоткрыта. Уже собирался постучать, но она распахнулась, и оттуда вышел человек с мешком мусора. Я отступил назад, не в силах что-либо сказать. Мои мысли понеслись сразу в нескольких направлениях. Он был не её типом. Я собирался убить его. Но почему он выносил мусор? Часто ли он тут ночует? Я ждал, пока он обратит на меня внимание, полагая, что каждый заслуживает возможность объясниться, прежде чем я начну выбивать из него дерьмо.

Он слегка удивился, когда заметил, что я стою перед ним. Огляделся, чтобы понять, есть ли со мной кто-то еще, и затем спросил:

— Вам помочь?

Он не закрыл дверь в номер Оливии, и мне удалось заглянуть внутрь.

Пусто.

Я почувствовал, как воздух выходит из легких. Закрыв глаза, запрокинув голову назад. Нет, нет, нет.

Я отошел и, запустив руки в волосы, начал расхаживать кругами, пока сотрудник мотеля с любопытством смотрел на меня. Из-за ревности я даже не заметил его униформу и имя на бэйджике. *Почему я бросил её? Почему просто не остался?* Я знал, что она так сделает. Она всегда сбегает, когда напугана. Я думал... о чем я думал? Что смогу удержать её, потому что мы занялись любовью? Что её демоны не найдут её в апельсиновой роще, где я бы продал душу, чтобы быть с ней?

Я посмотрел на бэйджик на его рубашке.

— Мигель, — голос звучал грубо даже для меня самого. Мигель поднял брови, пока наблюдал, как я борюсь с предложением. — Когда она... как давно?

— Этот номер пустует 24 часа, — ответил он, указывая на помещение за своей спиной. — У нас есть лист ожидания, чтобы успеть подготовить номера для следующих клиентов.

Двадцать четыре часа? Куда она

отправилась? Что-то спугнуло её?

Провожу рукой по волосам. Я оставил её всего на два дня, чтобы уладить свои дела. Танцевал с ней на парковке, прежде чем ушел. Она пыталась рассказать мне правду, но я остановил её. Узнав про амнезию, она обдумала каждую возможную причину, чтобы сбежать от меня. Я планировал запереться в её квартире, заниматься с ней любовью снова и снова и заставить поверить, что мы сможем быть вместе. Но сначала мне нужно было кое с чем разобраться.

Я оставил Оливию и поехал к дому Лии. Когда она открыла дверь, я уже знал, что слез не избежать. Мне понадобилось тридцать минут, чтобы разбить ей сердце. И мне тоже было больно. Она не заслужила того, чтобы с ней так поступили. Я сказал, что встретил кое-кого. Она не спросила кого, хотя, думаю, ей это было известно, когда неделю назад она начала следить за квартирой Оливии. Прежде, чем уйти, я поцеловал ее в лоб. Но не стал рассказывать про амнезию. Не хотел ранить ее еще больше.

Потом поехал к себе. Стоя под душем, я вспоминал нашу совместно проведенную неделю. Думал об апельсиновой роще, о том, какова она на вкус, о её коже, подобной холодному атласу. А вспомнив момент, когда впервые вошел в неё, когда

её глаза широко распахнулись, а губы приоткрылись, был вынужден окатить себя холодной водой.

Она отдала мне всё, что скрывала до этого. Она стала другой. Но в то же время осталась прежней. Упрямой, дерзкой... полной лжи.

Раньше я пытался её изменить. Но сейчас она была нужна мне такой, какая есть. Я хотел каждый прекрасный недостаток. Каждую остроумную фразу и холодность, которую лишь я знал, как растопить. Хотел ссор, и придирок, и примирительного секса. Хотел, чтобы каждое утро она просыпалась в моей постели. Чтобы ужасно готовила и поражала меня своим прекрасным, запутанным разумом.

Я отвернулся от всего, во что верил, лишь бы быть с ней. Наплевал на правду. Я так боялся, что она забудет обо мне, что солгал, лишь бы вернуться в ее жизнь. Теперь у меня есть бесчисленное количество объяснений тому, что сделал.

Я посмотрел на Мигеля. Внезапно он стал для меня последним напоминанием о ней.

— Она оставила что-нибудь? Записку... хоть что-то?

Мигель потер шею.

— Нет.

— Она сказала, куда собирается?

Он облизнул зубы.

— Я всего лишь служащий. Они не дают мне обратного адреса, — он огляделся, чтобы убедиться, что мы одни. — Но если она что-то оставила, это, скорее всего, лежит в мусорном мешке, который я могу оставить прямо здесь, пока пойду убирать номер.

Он бросил мешок на пол и посмотрел на меня, прежде чем войти в помещение, а потом закрыл за собой дверь.

Я поднял его, взвешивая в руке. Легкий. Оставила ли она что-то, объясняющее, куда собралась? Может, вернулся Джим и спугнул её? Он рассказал ей? Я присел на колени и вывернул мешок на бетон. Мои руки вспотели, и к ним прилипал мусор, пока я пытался там что-то отыскать. Порванная бумага, разбитое стекло, лепестки... что я искал? Письмо? Оливия никогда бы не написала мне письмо. Это было не в её стиле. В её стиле было

уехать, не оставив послания, бросив меня прямо в огонь. Я завязал мешок. Половина сердца была разбита, другая половина горела от злости. Когда мешок упал на землю, я услышал тихий звон чего-то, ударяющегося о пол. Мои глаза сканировали бетон, отчаянно пытаюсь найти что-то, что приведет меня к ней.

И нашел это у моих ног.

Пенни.

Она оставила его для меня или просто так? Я подобрал его, зажав между пальцев. Одна блестящая поверхность стала зеленоватой, медь старела. Это было её прощанием? Я почувствовал злость, даже замешательство. Что я наделал? Апельсиновая роща, поцелуй на парковке, прежде чем уйти. Я был настолько уверен в своих чувствах к ней... и в её чувствах ко мне. Не было ни малейшего шанса, что Оливия отдалась бы мне, если бы была не уверена в нас. *Тогда почему? ПОЧЕМУ?*

Я пошёл к парковке и поднял кулак с зажатым в нем пенни.

«*Выкинь его*», — приказал я себе. Мускулы напряглись.

И не смог сделать этого. Рука опустилась. Я положил пенни в карман и поехал домой.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Настоящее

Она отвозит меня до моей машины, как только начинает всходить солнце. Мы оба не хотели уходить, но боялись, что Берни решит заглянуть в офис в субботу.

— Чуть позже ты впадешь в депрессию,— говорю я ей, когда мы подъезжаем к парковке.— Ты возненавидишь себя и хорошенько проревешься, а затем пойдешь в магазин и купишь мороженого. Не надо.

Она смотрит на меня большими глазами, и я уже вижу, как начинает закрадываться вина.

— Я не знаю, чего хочу,— признается она.— Но это было неправильно и несправедливо по отношению к Ною.

— Он бросил тебя.

— Да.

— Потому что ты хотела ребенка, а он нет.

— Да,— повторяет она.

— А до того, как уйти, он часто был рядом?

Долгое время она молчит.

— В его понимании таким был брак. Ты была дома, когда это было удобно для него, но он никогда не был там для тебя.

— Прекрати.

Я хватаю её за запястье и сжимаю.

— Почему он не вернулся, когда Добсон сбежал из тюрьмы?

— Он сказал, что они поймают его. Сказал ждать и довериться полиции.

— Именно. Он должен был защищать тебя. Это его работа. Он должен был сесть на самолет, как только узнал об этом.

— Это несправедливо, — отвечает она, покачивая головой. — Он знает, что я сильная. И могу позаботиться о себе.

Я почти рычу от отвращения. Это грустно.

— Послушай меня, — говорю я, поворачивая её лицо ко мне, — я понимаю, что ты не знаешь этого, потому что твой отец был бесполезным дерьмом и никогда не показывал, что за тебя нужно бороться. Но ты достойна лучшего, и любой мужчина в твоей жизни должен бросить всё, чтобы защитить тебя. Не нужно показывать свою силу, потому что тогда никто не останется с тобой. Твой отец не смог объяснить тебе этого. Ной не смог. Я не повторяю их ошибок.

Целую её в лоб, а по её щеке катится одинокая слеза.

— Раунд за раундом мы движемся, Оливия. Это касается тебя и меня, а не тебя и Ноя. Всего несколько недель. Проведи время со мной. Никаких решений, пока не найдешь справедливого.

— Справедливое решение — то, когда делаешь все правильно...

Я перебиваю её.

— Для тебя. Да, то, что правильно для тебя. Дай мне время, чтобы я показал тебе.

Она открывает рот, чтобы снова стрельнуть в меня ядом.

— Шшш, — продолжаю я. — Собери вещи на одну ночь. Я хочу отвезти тебя в одно местечко.

— Я не могу просто взять и уехать с тобой! У меня есть работа!

— Я знаю, что ты взяла отгул. Берни мне сказала.

Оливия выглядит ошеломленной.

— Берни? Когда ты успел поговорить с ней?

— Я наткнулся на неё в магазине. Она волновалась за тебя.

Её рот открывается. Она качает головой, словно сама идея о том, что кто-то может волноваться за

неё, кажется нелепой.

— Я в порядке,— строго говорит она.

Я беру её за запястье и притягиваю в свои объятия, целуя в макушку.

— Нет. Я твоя вторая половинка. И единственный, кто знает, как исцелить тебя.

Она отталкивает меня, и когда я вместо того, чтобы отстраниться, остаюсь на месте, она зарывается лицом мне в грудь, словно хочет похоронить себя во мне. Я обнимаю её, стараясь не смеяться.

— Да ладно тебе, Герцогиня, поехали. Это что-то вроде путешествия с палатками.

— Да, так и будет, — бубнит она. — За исключением того, что ты не будешь лгать о своей амнезии, а я не буду притворяться, будто не знаю тебя, и твоя рыжая стервозная подружка не будет разносить мою квартиру, когда мы уедем.

Я обнимаю её ещё крепче. Меня тошнит от мысли, что Лия так сделала. Она творила по-настоящему безумные вещи, чтобы разлучить нас

с Оливией. Почти такие же безумные, какие творил я, чтобы быть с ней. Я морщусь и беру её за плечи, чтобы посмотреть в глаза.

— Ну, так что ты скажешь? Согласна?

— Как долго нас не будет?

Я раздумываю.

— Четыре дня.

Она качает головой.

— Два.

— Три, — подсчитываю я. — Один день мы тратим на дорогу.

Она кивает и смотрит на меня.

— Мы же не пойдем в поход? Потому что каждый раз, когда мы туда собираемся, у нас случается эмоциональный кризис, а я не уверена, что смогу вынести...

Я прикрываю ей рот рукой.

— Никаких походов. Возьми с собой

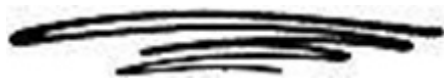
что-нибудь нарядное. Я заберу тебя завтра в восемь утра.

— Хорошо, — она пытается сделать вид, что ей все равно, но я точно знаю, что она взволнована.

Я целую её в лоб.

— Пока, Герцогиня. Скоро увидимся.

Я ухожу, не оборачиваясь, чтобы взглянуть на неё. Понятия не имею, куда её повезу, и совру, если скажу, что идея с походом не приходила мне в голову. Но как только она напомнила, что оба наших похода закончились печально, я отбросил эту идею. Нужно, чтобы она вспомнила, как хорошо нам вместе. Се в в машину, достаю телефон. Я знаю идеальное место, и до него ехать всего несколько часов.

Без пятнадцати восемь я стучусь в дверь её квартиры.

— Как всегда, рано, — жалуется она, открывая дверь. У неё в руках сумка. Я беру её и заглядываю внутрь. Она одета в выцветшие джинсы и облегающую футболку «*Marlins*» (Прим. «*Майами Марлинс*» — профессиональная бейсбольная команда, основанная в 1993 году). Волосы влажные и спадают на лицо.

Она замечает, что я рассматриваю футболку, и пожимает плечами.

— Я ходила на игру, — объясняет она. Чувствую, что она оправдывается, и ухмыляюсь.

— Что? — спрашивает она, шлепая меня по руке. — Я люблю спорт.

— Ты ненавидишь спорт и всё, что с ним связано. Помню, однажды ты сказала мне, что профессиональные спортсмены просто зря занимают место.

Уголок её губ опускается, и она хмурится.

— Ною нравится бейсбол. Я просто поддерживала его.

— А.

Я чувствую ревность, поэтому отворачиваюсь и иду к лифту, пока она закрывает дверь.

Мы молча едем вниз, стоим так близко, что наши руки соприкасаются. Когда дверь распахивается, мы не сразу выходим.

— Как долго туда ехать? — интересуется она, залезая в машину.

— Мы не поедem на машине, — отвечаю я.

Она качает головой, приподняв одну бровь.

— Увидишь. Просто сядь и расслабься. Мы скоро будем там.

Она яростно на меня смотрит и включает радио. Я протягиваю ей мой iPod, и она просматривает плейлист, пока не находит Coldplay.

— Ты чокнутая, и сумасбродная, и грубая, но я никогда не жаловался на твой музыкальный вкус.

— Извини, — говорит она, кладет плеер и смотрит на меня. — Разве ты не должен быть очаровательным в эти выходные?

Я хватаю её за колено и сжимаю.

— Я это и делаю, Герцогиня. Комплимент с оскорблением. Всё, как ты любишь.

Она, улыбаясь, отталкивает мою руку.

Поездка занимает двадцать минут. Когда я останавливаюсь в порту, Оливия выглядит смущенной. Я выхожу из машины и достаю её вещи из багажника.

— Что это?

— Гавань. Здесь стоит моя лодка.

— Твоя лодка?

— Да, любимая.

Она идет за мной. Я забираюсь первым, и, поставив наши сумки на небольшую галеру, возвращаюсь за ней.

— Питер Пэн, — произносит она, не отрывая взгляда от лодки. — Ты назвал её «Питер Пэн».

— Ну, когда я её только купил, то назвал «Большие надежды», но потом изменил на «Питер Пэн». Не хотел накликать несчастье.

Её ноздри раздуваются. Затем она смотрит на меня большими глазами.

— Я никогда не была на лодке. На корабле да, но они гораздо больше... и выглядят безопаснее.

Я протягиваю руку и помогаю ей взобраться. С минуту она колеблется. Затем бежит к кабине и садится на сиденье, вцепившись в него двумя руками. Она такая задира, что порой я забываю, насколько мало она по-настоящему жила. Я улыбаюсь и подготавливаю лодку к путешествию.

Когда мы отправляемся, лодка начинает раскачиваться на волнах, она быстро бежит ко мне и садится на скамейку. Я поднимаю руку и обнимаю её. Не могу даже улыбнуться. Чувствую такое сильное эмоциональное напряжение, что полчаса веду лодку не в том направлении. Когда я осознаю свою ошибку, вокруг нас одна вода, я выключаю мотор и смотрю на неё.

— Я чувствую себя такой уязвимой, — признается она. — Сколько наград я собрала за все эти годы, адвокатскую степень, деньги, каменное сердце. Но здесь ничего этого нет, и я чувствую себя голой.

— Твое сердце не каменное, — возражаю я, глядя на воду. — Ты просто притворяешься.

Краем глаза я вижу, как она смотрит на меня.

— Ты единственный, кто так говорит. Остальные обычно верят мне.

— Я единственный, кто знает тебя.

— Тогда почему ты всегда так легко от меня отказываешься? Разве ты не знаешь, что я хочу, чтобы за меня боролись?

Я вздыхаю. Вот она. Правда.

— Мне понадобилось много времени, чтобы понять, о чем ты говоришь. И каждый раз, когда мы сходились, казалось, что мы не были готовы. Но десять лет спустя я здесь. Сражаюсь. Хочется думать, что я выучился на своих ошибках. И надеюсь, что мы, наконец, готовы быть вместе.

Она не отвечает, но я знаю, что у неё в голове. Может, наконец-то пришло наше время. Может быть.

Я завожу мотор.

Около часа дня мы подъезжаем к Тампа-Бэй. Я

оставляю лодку у пристани и вызываю такси, чтобы доехать до проката машин. Доступен только минивен. Оливия ворчит, когда мы залезаем внутрь.

— Что? — спрашиваю я. — Мне нравится.

— Нет, — серьезно отвечает она. — Не говори так. Иначе я потеряю к тебе всякое уважение.

Я ухмыляюсь и везу нас в отель. Мы выгружаем сумки, и Оливия осматривает номер, пока я проверяю нашу бронь.

— Пойдем, пообедаем, — предлагаю я. Она достает косметичку, но я отнимаю её.

— Просто будь сегодня обнаженной, и это касается эмоций и лица.

Улыбка появляется на её губах, но она её подавляет. Хотя по её глазам и так все видно. И для меня этого достаточно.

Мы идем в маленький ресторан, где подают только что пойманную рыбу. Он расположен прямо на воде. У Оливии загорел нос, и я замечаю веснушки, проступающие на носу и щеках. Она заказывает «Маргариту» и клянется, что это лучшее,

что она когда-либо пробовала.

После второго бокала она становится болтливой. Мы идем по магазинам, и она рассказывает мне про жизнь в Техасе.

— Южные красавицы, — заверяет она меня, — самые смертоносные создания, созданные Богом. Если ты им не нравишься, то они даже не посмотрят на тебя, когда ты будешь с ними разговаривать. И одарят тебя комплиментом со скрытым оскорблением.

Я рассмеялся.

— Как ты с этим справляешься?

— Не очень хорошо. Отбрасываю комплимент и просто оскорбляю их.

— Мне становится некомфортно, когда я думаю об этом, — признаюсь я. Когда Оливия сыпет оскорблениями, такое ощущение, словно в тебя стреляют. Очень неприятное чувство.

Она морщится.

— Кэмми говорит, что я антитехаска. Она хотела, чтобы я уехала оттуда, потому что нарушаю

саму его суть.

— Ох, Кэмми.

Она широко улыбается. Я знаю, как она ценит лучшую подругу. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, как Кэмми старалась держать меня подальше от неё. Это не важно. Я никогда не расскажу ей.

Мы разглядываем глупые футболки, когда она внезапно произносит:

— У меня все ещё есть свитер с «Кошками и Джорджией».

— У меня тоже. Давай купим вот эти. У нас будет целый гардероб украденных вещей.

Она выбирает две футболки с пальмами самого ужасного бирюзового оттенка, который я когда-либо видел, с надписью «Сердца в Тампа-Бэй».

Я рычу.

— Посмотри на эти, они лучше, — я указываю на футболки, которые можно носить в обществе, и она кривится.

— Какое же в этом веселье? — она идет в ванную и надевает обновку, затем заставляет меня сделать то же самое. Через пять минут мы идем, держась за руки, по брусчатке в похожих дурацких футболках.

И мне безумно это нравится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Прошлое

После выпускного Кэмми вернулась в Техас. Её было невероятно легко найти: потребовалось просто отследить её передвижение в социальных сетях. Она проигнорировала мои первые пять смс, но на шестую попытку, ответила коротким сообщением:

«Какого черта, Калеб.

Она хочет, чтобы её оставили в покое.

ОТВАЛИ!

К тебе вернулась память?

К черту. Мне плевать».

Другими словами, Кэмми не собиралась мне помогать. Я подумывал о том, чтобы полететь в Техас, но не имел ни малейшего понятия, где она живет. Её страница была скрыта, плюс она меня заблокировала. Я чувствовал себя сталкером. Потом попробовал найти её через колледж, но даже мои связи в администрации не помогли: Оливия не оставила им обратного адреса. Я обдумал и другие варианты: можно было нанять частного детектива... или просто оставить её в покое. В конце концов, именно этого она и хотела. Она не стала бы убегать, если бы на этот раз всё не было кончено.

Это больно. Больнее, чем в первый раз. Тогда я злился. Весь первый год злость убеждала меня в своей правоте. На второй год я чувствовал оцепенение.

На третий год я поставил всё под сомнение. В этот раз все было по-другому. Все ощущалось более

реальным, словно что бы мы ни делали, нам никогда не суждено быть вместе. Может, после секса она осознала, что больше не влюблена в меня. Может, я был слишком самонадеянным, раз думал, что у неё вообще были ко мне чувства. Я же любил её еще сильнее, если такое вообще возможно. И мне нужно найти её. Еще раз. Последний.

Спустя один фэйковый профиль на Facebook'e, я стал одним из постоянных виртуальных друзей Кэмми. Все её фотографии можно было посмотреть одним кликом, но я пялился в монитор компьютера добрых 15 минут, чтобы изучить всё. Я боялся увидеть жизнь Оливии, то, как легко она двигается дальше без меня. Но все равно искал, пытаюсь разглядеть её в бесконечном потоке фотографий с вечеринок. У Оливии был особый дар избегать камеры. Порой мне казалось, что я заметил её волосы в углу снимка или на размытом кадре, но я настолько был ею опьянен, что, возможно, видел то, чего на самом деле не было. И узнал только то, что Оливия была на Шри-Ланке с Корпусом Мира. На Шри-Ланке, правда, есть Корпус Мира?

Черт.

Кэмми жила в Грейпвайне. Я бы поехал туда, чтобы поговорить. Может, она сказала бы мне, где Оливия. Ведь она бы не захлопнула передо мной дверь, увидев на пороге. Я провел рукой по лицу. Кого я обманываю? Это же Кэмми. Даже перекрасившись в блондинку, она могла выглядеть воинственно. Я выждал месяц, борясь с мыслью, что Оливия хочет побыть одна, и моей необходимостью убедить её в том, что на самом деле она этого не хочет.

В конце концов, я попросил у Стива отгул. Сначала он не соглашался, потому что из-за своей амнезии я и так отсутствовал четыре месяца. Но когда объяснил ему, что дело касается Оливии, он смягчился.

Я поехал. Одна тысяча двести девяносто миль Coldplay, Keane и Nine Inch Nails. По пути, я остановился в закусочной. В одном из тех мест, где официанток зовут Джуди и Нэнси, и начес никогда не выходит из моды. Но мне это нравилось. Флорида нуждалась в смене имиджа. Все это мне подходило: претенциозность, жара, отсутствие Оливии. Может, ощущение дома присутствовало там, где была она. Появилось чувство, что ей бы понравились Нэнси и Джуди. Если она в Грэйпвайне, и мне удастся уговорить её поехать домой со мной, я бы завез её

сюда. Заставил бы съесть жареную курицу и макароны с сыром за столом, на котором так много следов от чашек с кофе, что это больше походит на особый дизайн. Мы бы поглощали еду до тех пор, пока не впали в жировую кому, затем нашли бы дешевый мотель и стали спорить, где заняться сексом, потому что она бы не одобрила чистоту простыней. Я бы целовал её, пока она не забыла о простынях, и мы были бы счастливы. Наконец-то счастливы.

Я пересек границу штата Техас и решил остановиться в мотеле, прежде чем ехать к Кэмми. Мне нужно было побриться... принять душ. Выглядеть презентабельно. Затем я подумал: *к черту все*. Кэмми может увидеть меня таким, какой я есть: грязным и отчаявшимся. Я отправился дальше к её дому и остановился на подъездной дорожке как раз в тот момент, когда взошло солнце. Дом был кремового цвета, с каменной облицовкой. На окнах стояли горшки с цветами, в основном, лаванда. Слишком мило для Кэмми. Я решил подождать несколько часов и позавтракать, прежде чем постучаться. Кэмми печально известна своими поздними подъемами. В конце концов, я решил застать её врасплох. Так она расскажет мне больше.

Я припарковался и пошел к её входной двери. Уже собирался позвонить, когда из-за угла появилась машина и поехала прямо к тому месту, где стоял я. Я остановился посмотреть, кто это, и у меня появилось жуткое ощущение, что машина направлялась к дому Кэмми. У меня было два варианта... Можно было вернуться к своей машине или спрятаться с другой стороны дома и ждать. Я выбрал второй вариант. Обогнул дом и прижался к стене, лицом к забору. У соседей был йоркширский терьер. Я видел, как он обнюхивает забор.

Йорки очень громко лают. Если он учует меня, то, без сомнения, поднимет шум, и кто-то из соседей выйдет посмотреть, что случилось.

Машина повернула на подъездную дорожку, как я и предполагал. Я слышал, как закрываются двери, и шуршание ног, когда они поднимались к двери. *Скорей всего, это Кэмми.* Вернулась от какого-то парня, с которым провела ночь. Но это была не Кэмми. Я слышал два голоса. Один из них принадлежал Оливии, другой — какому-то мужчине. Я едва ли не бросился к ней, но открылась входная дверь, и я услышал визг Кэмми.

— Ребята, да у вас был секс! — воскликнула она.

Оливия неестественно рассмеялась. Ублюдок — кем бы он ни был — засмеялся вместе с Кэмми.

— Тебя это не касается, — огрызнулась Оливия.
— А теперь отойди. Мне нужно готовиться к занятиям.

Занятия! Я почувствовал, как начинаю сползать по стене. Конечно. Она училась в юридической школе. И встретила парня. Уже. Она даже не думала обо мне, а я проехал тысячи миль, чтобы вернуть её.

Что за издевательство.

Должно быть, Кэмми вернулась в дом, потому что мне было слышно, как Оливия обернулась и поблагодарила его.

— Увидимся вечером, — сказала она. — Спасибо за прошлую ночь. Мне это было необходимо.

Я услышал отчетливый звук поцелуя, затем он направился к машине и уехал. Я стоял там ещё пять минут, частично раздраженный, частично раненый, частично ощущающий себя полным придурком, прежде чем постучал в дверь.

Кэмми распахнула дверь, одетая лишь в футболку с изображением Джона Уэйна. Она держала кофейную кружку, но, увидев меня, чуть её не выронила. Я забрал кружку и сделал глоток.

— О. Мой. Бог.

Она вышла наружу, закрывая за собой дверь.

— Я хочу увидеть её. Сейчас.

— Ты чокнутый? Вот так взять и появиться здесь?

— Позови её, — произнес я, возвращая ей кофе, и она уставилась на меня так, словно я попросил её отдать какой-нибудь свой орган.

— Нет, — наконец, ответила она. — Я не позволю тебе снова сделать это.

— Сделать что?

— Обдурить её, — выдохнула она. — Она в порядке. И счастлива. Она должна побыть одна.

— Она нуждается во мне, Кэмми. Она связана со мной.

На минуту мне показалось, что она собиралась меня ударить. Но вместо этого просто недовольно хлебнула кофе.

— Угу, — она подняла палец и указала на меня. — Ты лживый мешок дерьма. Она достойна лучшего.

Мысленно я отступил. Это было правдой. Но я мог стать лучше для неё. Стать тем, кем она захочет, потому что люблю её.

— Никто не может любить её так, как я, — сказал я. — Теперь отойди, или придется тебя отодвинуть. Потому что я собираюсь войти...

На мгновение она засомневалась, но отступила.

— Ладно.

Я открыл дверь, вошел в прихожую...

Слева от меня была кухня и что-то похожее на гостиную, справа — лестница. Я направился к ней. Поднялся на три ступеньки, когда услышал голос Кэмми позади меня.

— Знаешь, она ведь была беременна.

Я остановился.

— Что?

— После вашего randеву под лунным светом.

Я оглянулся на неё, мое сердце бешено стучало в груди. Мои мысли перенеслись в ту ночь. Я не пользовался презервативом. И теперь ощутил покаяние по всему телу. *Она была беременна. Была... была... была...*

— Была?

Кэмми сжала губы и подняла брови. Что она имела в виду? Я почувствовал, как боль начинается в груди и выливается наружу. Почему она...? Как она могла?

— Даже к лучшему, что ты оставил её, — сказала она. — Под твоим мостом не только вода, там еще и личинки мух, и дерьмо, и трупы. А теперь, нафиг, убирайся из моего дома, пока я не вызвала полицию.

Ей не пришлось повторять дважды. С меня хватит. Все кончено. Раз и навсегда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Настоящее

Мы возвращаемся в отель и готовимся к ужину. Она моется первая, а пока я в душе, делает макияж и укладку. Мы до сих пор не целовались. Только подержались за руки. Я стою на балконе, ожидая, пока она оденется. А когда выходит, чтобы сказать, что готова, я оцениваю её взглядом.

— Ты пялишься на меня, — произносит она.

— Ага...

— Я чувствую себя неловко.

— Ты заводишь меня.

Её рот раскрывается.

— Это инстинкты, Герцогиня! Ты в обтягивающем черном платье, и я знаю, как хорошо быть в тебе.

Ее лицо становится еще более удивленным, чем секунду назад. Она разворачивается, чтобы уйти, но я ловлю её и притягиваю к себе.

— Ты надела это платье только потому, что тебе оно нравится. Вся эта одежда — не для того, чтобы привлечь мужчин — ты их ненавидишь. Но это все равно происходит, потому что у тебя просто невероятное тело. Ты идешь, а твои бедра покачиваются из стороны в сторону, но ты так делаешь не для того, чтобы привлечь внимание, а просто так движешься, но все смотрят. Все. А когда ты слушаешь, как люди говорят, ты неосознанно кусаешь нижнюю губу и проводишь по ней зубами. А

когда за ужином допиваешь вино, то играешь с ножкой бокала. Водишь пальцами вверх и вниз. Ты сексуальна, хотя сама этого не понимаешь. От чего становишься ещё сексуальнее. Так что прости, если у меня проскальзывают грязные мысли. Я просто очарован тобой, как и остальные.

Она кивает, тяжело дыша. Я отпускаю её и веду к нашему минивэну.

Она не растеряла свой детский трепет. И когда видит что-то, чего не видела раньше, то становится зачарованной: приоткрытые губы, распахнутые глаза.

Мы входим в большое фойе ресторана, держась за мизинцы, и она замолкает. Слева от нас стоит администратор, перед нами два этажа из красного дерева, декорированные зеркалами в позолоченных рамах. Из просторного помещения можно попасть в разные комнаты, и она озирается, чтобы все рассмотреть. В освещении они используют красные лампочки. Все сияет красным светом. Комната напоминает мне о давних временах и сексе.

— Дрейк, — говорю я высокой блондинке, стоящей за стойкой. Она улыбается, кивает и ищет

мою бронь.

Оливия отпускает мой мизинец и берет за руку. Интересно, боится ли она.

Я наклоняюсь к её уху.

— Все нормально, любимая?

Она кивает.

— Выглядит как красная комната боли, — объясняет она.

Я раскрываю рот. Моя маленькая ханжа расширила горизонты чтения. Я давлюсь смешком, и несколько людей оглядываются на нас. Мои глаза прищурены.

— Ты читала «Пятьдесят оттенков серого»? — тихо спрашиваю я. Она краснеет. Поразительно, что она на это способна!

— Все её читали, — отвечает она отстраненно. Затем смотрит на меня большими глазами. — А ты?

— Мне было интересно узнать, из-за чего такая шумиха.

Она быстро-быстро хлопает ресницами.

— Подцепил оттуда новые навыки? — интересуется она, не глядя на меня.

Я сжимаю её руку.

— Если хочешь, можешь проверить сама.

Она отворачивается, сжав губы, ужасно смущенная.

— Калев Дрейк, — говорит администратор, прерывая наш шепот. — Пройдемте за мной.

Мы следуем за ней через дверь в задней части комнаты. Проходим по тусклым коридорам, пока не попадаем в другую красную комнату: красные стулья, красные стены, красный ковер. Скатерти, к счастью, белые, прерывают бесконечность красного. Сначала садится Оливия, потом я.

Через мгновение у нашего столика появляется официант. Я изучаю её лицо, пока она разглядывает винную карту размером со словарь. Через несколько секунд на её лице появляется шок, и я говорю:

— Бутылку «Бертани Амароне делла Вальполичелла» две тысячи первого года.

Оливия сканирует меню. Я знаю, что она пытается найти цену. Официант кивает мне в знак согласия.

— Редкий выбор, — говорит он.— Выдержанное, как минимум, два года, «Бертани...» родом из Италии. Виноград растет на земле, в которой много вулканического известняка. Виноград высушивают, пока он не превратится в изюм, в результате чего получается сухое вино с высоким содержанием алкоголя.

Когда он отходит от нашего столика, я улыбаюсь ей.

— Я уже переспала с тобой, так что совсем не обязательно заказывать самое дорогое вино в меню, чтобы впечатлить меня.

Я ухмыляюсь.

— Герцогиня, цена самого дорого вина в этом меню состоит из шести цифр. Я заказал то, что люблю.

Она прикусывает верхнюю губу и откидывается в кресле.

— В чем дело?

— Я всегда хотела этого — ходить по ресторонам, где выращивают собственных коров и пробовать вино из хороших погребов. Но чувствую себя здесь неуверенно, всё напоминает мне о том, что я просто бедный белый отброс общества с хорошей работой.

Я касаюсь её руки.

— Если не принимать во внимание твой грязный рот, то ты самая потрясающая девушка, которую я когда-либо встречал.

Она слабо улыбается, словно не верит мне. Это нормально. Я проведу оставшуюся часть вечности, убеждая её в собственной значимости.

Я заказываю Нью-Йоркский сет. Она ест только филе, потому что думает, что должна так делать.

— Мясо не такое нежное, но более насыщенное. Этот стейк похож на тебя, — говорю я ей.

— Почему ты всегда сравниваешь меня с животными, или обувью, или едой?

— Потому что я вижу мир в разных оттенках

Оливии. Я сравниваю их с тобой, а не наоборот.

— Вау, — произносит она, делая глоток вина.
— Да ты по уши влюбился.

Я начинаю напевать песню Ашера «You Got it Bad», и она шипит на меня, смущенно оглядываясь вокруг.

— Пение — не твой конек, — улыбается она. — Но если бы ты пел на французском...

— Quand vous dites que vous les aimez, et vous savez vraiment tout ce qui sert a la matiere n'ont pas d'importance pas plus, — напеваю я.

Она вздыхает.

— На французском всё звучит гораздо лучше, даже твое пение.

Я смеюсь и играю с её пальцами.

Приносят заказ, и стоит признать, что ничего подобного во Флориде я не пробовал. Она неохотно соглашается, что Нью-Йоркский сет гораздо лучше, чем филе. Окончив ужин, мы идем на экскурсию по кухне и винному погребу.

Наш гид останавливается перед закрытой клеткой, которая напоминает библиотеку винных бутылок. Глаза Оливии увеличиваются, когда гид показывает нам бутылку портвейна, цена которого — двести долларов за тридцать грамм.

— Сплошное наслаждение во рту, — комично произносит он.

Я поднимаю брови. Я стою позади неё, поэтому обнимаю её за талию и шепчу в волосы.

— Хочешь попробовать, Герцогиня? Испытать это наслаждение во рту...

Она отрицательно качает головой, но я киваю нашему gidу.

— Отправьте это в комнату десерта, — распоряжаюсь я.

Она в смущении смотрит на меня.

— Куда?

— Наше путешествие не закончено. Здесь есть отдельная комната, предназначенная для десерта.

По лестнице нас отводят в другую

слабоосвещенную часть ресторана. В комнате для десерта сплошной лабиринт, так что не знаю, как мы выберемся отсюда без помощи. Мы проходим мимо дюжины частных стеклянных сфер, за которыми стоят зарезервированные столы. У каждого гостя есть свой пузырек, в котором можно спокойно насладиться десертом. Наш столик на двоих в углу ресторана. Это странное и романтическое место. Оливия выпила два бокала вина и расслабленно улыбается. Когда мы остаемся наедине, она выдает такое, от чего я чуть не подавился водой.

— Как думаешь, мы сможем заняться здесь сексом?

Я ставлю стакан на стол и медленно моргаю.

— Ты пьяна, да?

— Я давно не пила вино, — соглашается она. — Чувствую себя немного беззаботной.

— Секс в публичном месте теперь считается немного беззаботным?

— Я хочу тебя.

Я взрослый мужчина, но мое сердце бешено

стучит.

— Нет, — строго отвечаю ей. — Это мой любимый ресторан. Я не хочу, чтобы нас вышвырнули отсюда, потому что ты не можешь подождать час.

— Я не могу подождать час, — выдыхает она, — пожалуйста.

Я стискиваю зубы.

— Ты так делаешь, когда злишься, — говорит она, показывая пальцем на мою челюсть. — Ты злишься?

— Да.

— Почему?

— Потому что я на самом деле хочу пломбир с орешками макадамии.

Она наклоняется вперед, и ее грудь упирается в стол.

— Сильнее, чем меня?

Я встаю и хватаю её за руку, поднимая на ноги.

— Ты можешь сделать это в машине?

Она кивает. Когда мы обходим столик, возвращается официант с нашим дорогим портвейном. Я беру его и отдаю Оливии. Она залпом выпивает. Официант вздрагивает, и я громко смеюсь, протягивая ему мою кредитку.

— Поторопитесь, — говорю я. Он убегает, а я прислоняю её к стене и целую. — В твоём рту было наслаждение?

— Было неплохо, — отвечает она. — Я хочу положить в рот кое-что ещё...

— Боже.

Я целую её, чтобы почувствовать вкус. А когда оборачиваюсь, вижу официанта с моей картой. Быстро подписываю счет и вывожу её из ресторана.

После пятнадцати незабываемых минут на заднем сиденье, мы едем в кафе-мороженое и едим наши рожки на душной улице.

— Не сравнится с мороженым в «Джексон...», — говорит она, облизывая запястье, куда упала капля мороженого.

Я ухмыляюсь, пока наблюдаю за движением на улице.

— Как думаешь, нам когда-нибудь это надоест?

Мы покупаем другие рожки. Она заказала вишневое мороженое с шоколадной крошкой, я сделал выбор в пользу того, что с арахисовым маслом. Наблюдаю, как она ест. У нее такой сексуальный вид: румяная кожа, растрепанные волосы. Я устал, но с легкостью повторил бы наше безумие.

— Сильно в этом сомневаюсь, Герцогиня.

— Почему?

— Зависимость, — просто отвечаю я. — Она может охватить всю жизнь, если её не лечить.

— И какое же лекарство?

— Меня это не волнует.

— Меня тоже, — говорит она, выбрасывая недоеденный рожок в мусорку и вытирая руки о платье.

— Пойдем. В нашем номере есть джакузи.

Меня не нужно просить дважды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Прошное

Через четыре месяца после того, как Лию оправдали, я подал на развод. В ту самую минуту, когда принял это решение, я почувствовал, как огромный груз свалился с моих плеч. Я не совсем верил в развод, но и продолжать то, что тебя убивает, тоже не было смысла. Бывает, ты настолько облажаешься в жизни, что ничего не остается, кроме как раскланяться перед своими ошибками. Они победили. Смирись... двигайся дальше. Лия думала, что была счастлива со мной, но как я мог сделать кого-то счастливым, когда был мертв внутри? Она даже не знала настоящего меня. Это как лунатизм —

быть женатым на том, кого не любишь. Ты пытаешься заполнить себя положительными вещами: покупкой дома, поездкой на каникулы, мастер-классами по кулинарии, чем угодно, чтобы связать себя с человеком, с которым должен был быть связан задолго до того, как сказал «я согласен». Все это было пустым. Борьбой за то, чего никогда не было. Я совершил много ошибок, женившись на ней. Пришло время двигаться дальше. Я подписал бумаги.

Оливия

Это была моя первая мысль.

Тернер

Это была моя вторая мысль.

Ублюдок

Это была моя третья мысль. Затем я сложил их в одно предложение: *Этот ублюдок Тернер собирается жениться на Оливии!*

Сколько у меня было времени? Она все ещё

любила меня? Могла ли она простить меня? Если бы я смог увезти её подальше от этого ублюдка, получилось бы у нас построить что-то вместе на старом пепелище? Мысли об этом доводили меня до сумасшествия, до безумия. Что бы она сказала, если бы знала, что я солгал об амнезии? Мы так много врали, грешили друг перед другом и перед всеми, кто вставал на нашем пути. Однажды я пытался ей сказать. Это было во время судебного процесса. Я пораньше пришел в зал суда, чтобы застать её одну. Она была одета в мой любимый оттенок синего — аэропортно-синий. Был ее день рождения.

— С Днем рождения.

Она взглянула на меня. Мое сердце ушло в пятки, как и каждый раз, когда она на меня смотрела.

— Удивлена, что ты помнишь.

— Почему это?

— Ой, ведь ты забыл множество ужасных вещей, случившихся за прошлый год.

Я слегка улыбнулся её подколу.

— Я никогда не забывал тебя...

И почувствовал прилив адреналина. Вот оно — сейчас я все расскажу. Затем в зал вошел прокурор. Правда подождет.

Я выехал из дома, в котором жил с Оливией, и вернулся в квартиру. Мерил шагами пространство. Пил виски. И ждал.

Ждал чего? Что она вернется ко мне? Что сам поеду к ней? Я ждал, потому что был трусом. Вот какой была правда.

Я подошел к комоду с носками, небезызвестному хранителю обручальных колец и других памятных вещей, и провел пальцами по дну ящика. В ту минуту, когда я нашел, что искал, на меня нахлынули воспоминания. Я провел большим пальцем по ребру «поцелуйного» пенни. Я смотрел на него целую минуту, проигрывая в голове все моменты, когда с помощью монеты выигрывал

поцелуи. Он был трюком, который однажды сработал, но теперь значил для меня гораздо больше.

Я надел кроссовки и пошел на пробежку. Бег помогал мне думать. Когда я свернул к пляжу, то увидел маму с дочкой, которые шли, держась за руки. Я улыбнулся. У маленькой девочки были длинные черные волосы и потрясающие голубые глаза — она выглядела как Оливия. Такой могла бы быть наша дочь? Я остановился и наклонился, уперев руки в колени. Не должно быть никакого «могла бы». У нас все еще был шанс родить ребенка. Я засунул руку в карман, достал поцелуйный пенни и побежал к машине.

Нет никакого другого времени, кроме настоящего. Если Тернер встанет на пути, я просто вышвырну его с балкона. Я был полон решимости, когда заводил машину.

Я находился в миле от квартиры Оливии, когда раздался звонок.

Номер не определился. Я ответил.

— Кaleb Дрейк?

— Да? — я свернул к океану и нажал на газ.

— Произошел несчастный случай... с вашей женой.

— Моей женой? — *Боже, что она натворила на этот раз?* Я подумал о ссоре с соседями по поводу их собаки.

— Меня зовут доктор Летч, я звоню из Медицинского центра Вест Бока. Мистер Дрейк, вашу жену доставили сюда пару часов назад.

Я нажал на тормоз, вывернул руль, колеса издали скрип, и поехал в противоположном направлении.

— Она в порядке?

Доктор прочистил горло.

— Она проглотила упаковку снотворного. Ваша домработница нашла ее и вызвала 911. Сейчас она в стабильном состоянии, но мы бы хотели, чтобы вы приехали.

Я остановился на светофоре и запустил руки в волосы. Это была моя вина. Я знал, что она тяжело переносила разрыв, но самоубийство... это на нее не похоже.

— Конечно, я уже еду.

Я отключаюсь. Отключаюсь и выкручиваю руль. Некоторым вещам не суждено случиться.

Когда я приехал в больницу, Лия уже очнулась и спрашивала обо мне. Я вошел в её палату, и мое сердце замерло. Её обложили подушками, волосы спутаны, а кожа была настолько бледной, что казалась прозрачной. Её глаза были закрыты, поэтому у меня было время, чтобы поменять выражение на лице, прежде чем она меня увидела.

Когда я сделал несколько шагов внутрь, она открыла глаза. И, увидев меня, начала плакать. Я присел на край кровати, и она вцепилась в меня, рыдая так сильно, что моя рубашка промокла от её слез. Мы просидели так довольно долго. Хотелось бы сказать, что в те минуты в моей голове были глубокие мысли, но нет. Я был ошеломлен и подавлен. Что-то было не так. *«Тут холодно»*, — твердил я себе.

— Лия, — наконец, спросил я, отрывая её от своей груди и усаживая назад на подушки. — Зачем?

Её лицо было красным и опухшим. Под глазами — мешки. Она оглянулась.

— Ты бросил меня.

Три слова. Затем я ощутил это — такое сильное чувство вины, что едва мог выдавить хоть слово.

Это было правдой.

— Лия, — сказал я. — Я недостаточно хорош для тебя. Я...

Она оборвала меня, отмахнувшись от моего комментария.

— Кaleb, пожалуйста, возвращайся. Я беременна.

Я закрыл глаза.

Нет!

Нет!

Нет...

— Ты проглотила упаковку снотворного и попыталась убить себя и моего ребенка?

Она не подняла на меня глаза.

— Я думала, ты бросил меня. Мне не хотелось жить. Пожалуйста, Кaleb, я была такой глупой. Прости меня.

Невозможно описать те эмоции, которые я испытывал. Разрывался между желанием уйти от нее навсегда и желанием остаться и защитить ребенка.

— Я не смогу простить тебя за это, — сказал я. — На тебе лежит ответственность защищать того, кому ты дала жизнь. Ты должна была рассказать мне об этом. Я всегда буду рядом, чтобы помочь тебе.

Я увидел, как ее лицо начинает приобретать нормальный оттенок.

— Имеешь в виду... помогать мне, когда мы разведены? — она наклонила голову и посмотрела на меня. Мне показалось, что в ее глазах мелькнул огонек.

Я ничего не ответил. Мы смотрели друг другу в глаза. Именно это я имел в виду.

— Если ты не останешься со мной, я избавлюсь от ребенка. У меня нет желания быть

матерью-одиночкой.

— Ты же не всерьез?

Никогда бы не подумал, что она будет так меня шантажировать. Как низко. Я открыл рот, чтобы поставить её на место, сказать то, о чем, возможно, пожалею, но услышал шаги.

— Я бы хотела наедине поговорить с доктором о моих вариантах, — произнесла она тихим голосом.

— Лия...

Она опустила голову.

— Уходи.

Я перевел взгляд с неё на того, кто, как полагал, был доктором Летчем. Ее лицо снова побледнело, и вся злость ушла.

Прежде, чем доктор успел что-то сказать, Лия объявила, что я ухожу.

Я остановился у двери и, не оборачиваясь, произнес:

— Хорошо, Лия. Мы сделаем это вместе.

Мне не нужно было смотреть на неё, чтобы увидеть выражение триумфа на её лице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Настоящее

Я должен принять решение. Перешагнуть его, как бы сказала моя мама. Я делал так, расхаживая по комнате, ещё будучи ребенком. И, полагаю, эту привычку мне никогда не перерасти.

Оливия тоже принимает решение, осознает она это или нет. Ной собирается вернуться к ней, потому что она та девушка, к которой ты хочешь возвращаться снова, и снова, и снова. И поэтому я буду бороться. Вот и всё. У меня только один вариант. И если я не заполучу её, если она не выберет меня, я стану *тем* парнем, который всю жизнь проведет в тоске и одиночестве. Потому что

чертовски уверен, что не собираюсь заменять ее никакими Лиями, или Джессиками, или другими проклятыми телами. *К черту.* Либо Оливия, либо никто. Я хватаю кошелек и ключи, бегу по лестнице вместо того, чтобы вызвать лифт и направляюсь прямо к ней в офис. Её секретарь придерживает дверь в кабинет, когда я вхожу. Я улыбаюсь и беззвучно благодарю её.

— Привет, — говорю я.

Она разбирается с кучей бумаг, но, заметив меня, улыбается, и не только ртом, но и глазами. Но так же быстро улыбка исчезает из глаз, а губы становятся прямой линией. Что-то случилось. Я обхожу стол и притягиваю ее к себе.

— Что случилось? — целую ее в уголок рта. Она не шевелится. Когда я отпускаю ее, она садится на вращающийся стул и смотрит в пол.

Ладно.

Я беру стул и ставлю его рядом с ней так, что наши лица оказываются друг напротив друга. Когда она отворачивается от меня к стене, я понимаю, что дело принимает плохой оборот.

Пожалуйста, Господи, хватит с меня всякого дерьма. Я больше не смогу этого вынести.

— Почему ты так холодна со мной?

— Не думаю, что смогу сделать это.

— Что?

— Это, — объясняет она, указывая на нас. — Это так неправильно.

Я потираю пальцами челюсть и стискиваю зубы.

— Мне казалось, у нас отлично получается делать что-то неправильное, разве нет?

— Ой, Калев. Прекрати. Я должна обдумывать то, как спасти мой брак. А не то, как построить новые отношения с кем-то ещё.

— Построить новые отношения с кем-то ещё? — я поражен. — Мы ничего не строим. Мы были в отношениях ещё до того, как официально стали парой.

На самом деле, я говорил людям, что мы были вместе три года, хотя на самом деле только полтора,

потому что мысленно был с ней с того момента, как мы встретились.

— Почему ты сейчас об этом говоришь? — спрашиваю я.

Она открывает стоящую на столе бутылку воды и делает глоток. Хочу спросить, когда она начала пить воду, но абсолютно уверен, что моя «не девушка» пытается закончить наши «не отношения», поэтому просто стою и молчу.

— Потому что так будет лучше для всех.

Не могу стереть с лица усмешку.

— Лучше для кого?

Оливия закрывает глаза и делает глубокий вдох.

— Для Эстеллы, — произносит она в ответ.

Такое ощущение, словно кто-то запустил руку в мое тело и сжал все органы.

Оливия кладет руку на колени и взбалтывает бутылку с водой.

— О чем, черт побери, ты говоришь? — я так

давно не слышал ее имени. Часто о ней думал, но сейчас голос Оливии, произносящий знакомые слоги, режет слух.

Её ноздри раздуваются, но она по-прежнему избегает моего взгляда.

— Оливия...

— Эстелла твоя.

Это бред. Я моргаю, не понимая, откуда это взялось, или зачем она это говорит.

Даже если бы кто-то сказал, что мне осталось жить 24 часа, все равно было бы не так больно, как от этого заявления. Я ничего не отвечаю. Просто тупо смотрю на ее ноздри, которые движутся, словно рыбы жабры.

Она крутится в своем кресле, пока её колени не упрутся в мои, после чего смотрит мне прямо в глаза.

— Калев... — её голос такой нежный, что я вздрагиваю. — Лия приходила ко мне. И сказала, что Эстелла твоя. Она сделает тест на отцовство, чтобы это доказать. Но только если мы не будем вместе.

Мои разум и сердце спорят о том, кому сейчас больнее. Я качаю головой. *Лия? Была здесь?*

— Она врет.

Оливия качает головой.

— Нет. Ты можешь через суд получить разрешение на тест. И она будет не вправе запрещать тебе видаться с Эстеллой, если ты её отец. Но, Калеб, подумай. Она станет использовать её, чтобы ранить тебя. Постоянно. И это повлияет на вашу маленькую девочку, а я знаю, каково это — быть оружием в руках родителей.

Я поднимаюсь и подхожу к окну. Но размышляю не о том, как Лия может использовать Эстеллу, чтобы ранить меня. Я думаю о том, что Эстелла моя. Как это может быть правдой? И почему я об этом не знаю?

— Она была беременна до Эстеллы. Мы расстались, но один раз переспали. В любом случае, она потеряла ребенка после того, как проглотила упаковку снотворного, и ей промывали желудок. Вот почему мы уехали в Рим. Она сказала, что хочет помириться, а я чувствовал вину за выкидыш и случай с её сестрой.

Рассказывая это, я смотрю на Оливию. Она так сильно сжимает губы, что те побелели.

— Кaleb, она не была беременна в больнице. Это была ложь. Она сама мне рассказала.

Мне всегда было интересно, что почувствовала Оливия, когда я признался ей, что симитировал амнезию. Правда непередаваемо болезненна. Сначала она несколько раз крутит тебя, буквально до тошноты, а затем сильно ударяет в живот. Ты не хочешь верить в это, но боль была бы не такой сильной, если бы где-то в глубине души ты не знал правду. Первые несколько минут я все отрицаю.

— У нее было кровотечение. Я видел, как у нее шла кровь.

Отрицание — очень дружелюбный товарищ. Обычно именно Оливия с ним в хороших отношениях. Но внезапно и меня приглашают на эту вечеринку.

Оливия выглядит такой расстроенной.

— О, Кaleb. Это не из-за выкидыша. Возможно, тогда у неё начались месячные, и она этим воспользовалась.

Проклятье. Черт. Оливия смотрит на меня так, словно я наивный, доверчивый дурак.

Я вспоминаю, как Лия выпроводила меня из палаты, прежде чем у меня появилась возможность пообщаться с доктором. Как я остановился в дверях и сказал ей, что останусь, лишь бы она сохранила ребенка. Она так старалась заставить меня выйти, прежде чем доктор расскажет правду.

Мне не нужно ничего говорить Оливии. Она и так видит, что я понимаю, где правда.

Чувствую, как становлюсь всё меньше и меньше. В то время, когда я то был с Лией, то нет, Оливия влюбилась в другого. Я мог бы просто уехать с Оливией в Рим и избавить нас обоих от всех этих странных и запутанных лет.

— Так как вы зачали Эстеллу?

— После Рима мы взяли еще месяц отдыха. Она так злилась на меня. Обвиняла в том, что я не подарок, и была права. Поэтому я снова переехал.

Я был на конференции в Денвере, а она путешествовала с друзьями. Мы наткнулись друг на друга в ресторане. Я вел себя дружелюбно, но

сохранял дистанцию. В ту ночь она появилась в моем отеле. Я был пьян и переспал с ней. Через несколько недель она позвонила мне и сказала, что беременна. У меня даже сомнений не возникло. Так что я просто вернулся к ней. Я хотел ребенка. Мне было одиноко. Я был глуп.

Я не рассказываю Оливии о том, как узнал, что она все это время встречалась с другим. И когда Лия пришла ко мне, я переспал с ней только потому, что пытался заполнить пустоту в груди, которую оставила Оливия.

— Так она сказала, что Эстелла не твоя? В ту ночь, когда ты заявил, что хочешь развестись?

— Да. Она сказала, что незадолго до той поездки переспала с кем-то другим. А ещё, что пришла ко мне в ту ночь, чтобы заставить меня поверить, будто залетела именно тогда.

— Это было ложью. Эстелла твоя.

Я замечаю слезу в уголке её глаза. Она не смахивает её, и слеза катится по лицу.

— Она продолжит причинять боль и тебе, и Эстелле, пока в твоей жизни буду я. У меня есть муж,

— мягко продолжает она. — Мне нужно помириться с ним. Мы долго играли в семью, Калев. Но всё это не по-настоящему. Ты несешь ответственность за свою дочь...

Все это — Оливия, Лия, Эстелла — разжигает во мне ярость. Я подхожу к её стулу, наклоняюсь, положив руки на подлокотники, и смотрю прямо ей в глаза. У меня только одно желание — найти дочь, но сначала нужно уладить все вопросы здесь. Буду разбираться с проблемами постепенно. Мы дышим общим воздухом, когда я произношу:

— Повторяю это в последний раз, так что слушай внимательно, — я ощущаю запах её кожи. — Все, что есть между нами, реально. Никто не сможет нас разлучить. Ни Ной, ни Кэмми, ни, тем более, эта чертова Лия. Ты моя. Поняла?

Она кивает.

Я целую её. Глубоко. А потом ухожу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Прошлое

— Что с тобой не так?

Она провела рукой по моей груди. Я поймал её, прежде чем она добралась до пояса штанов.

— Это из-за смены часовых поясов, — ответил я, вставая.

Оливия.

Она сочувственно скривила рот.

Пока Лия разговаривала с матерью по телефону, я десять минут лежал на гостиничной кровати. Теперь, когда разговор закончился, она раскрыла свои намерения. Я подошёл к окну, чтобы оказаться вне её досягаемости.

— Собираюсь принять душ, — сказал я. И прежде чем она успела предложить составить мне компанию, закрыл дверь в ванную. Мне нужно было подумать. Но как бы я смог объяснить побег среди ночи в другую страну к своей суицидальной, чересчур эмоциональной жене? Боже, если я убегу, то, возможно, никогда больше не вернусь. Я вошел в кабинку и встал под обжигающую воду, позволяя ей наполнить нос, глаза и рот. Мне хотелось в ней раствориться. Как после всего случившегося я должен был жить дальше? Лия постучала в дверь. Я услышал, как она что-то говорит, но её голос был приглушен. В тот момент я не мог смотреть на нее. Я не мог смотреть на себя. *Как я мог такое сотворить?* Оставить единственное, что имело смысл? Я практически заполучил её, а потом просто сдался. «Заполучил» — слишком сильно сказано, потому что заполучить Оливию полностью невозможно. Она парит вокруг, вызывая разногласия, а затем сбегает. Но я всегда хотел играть в игры. Хотел спорить.

«Тебе придется это сделать», — говорю я себе. Это была *ситуация-случившаяся-в-постели*. И я беру ответственность за свои действия. Консультации, бесконечные семейные консультации. Вина. Необходимость что-то исправлять. Сомнение в том, правильно ли я поступаю. Фальшивая амнезия была тем моментом, когда я изменил себе и стал делать то, что хотел, не думая о последствиях. Я был трусом. А ведь меня учили поступать только так, как приемлемо в обществе.

Я стоял под душем, пока вода не остыла, затем вытерся полотенцем и вышел из ванны. Моя жена — слава Богу — уснула, лежа на нерасстеленной кровати. Я почувствовал мгновенное облегчение. Сегодня ночью мне не придется с ней спать. Её рыжие волосы разметались вокруг неё словно огненный нимб. Я накрыл ее одеялом, взял бутылку вина и пошел на балкон. На улице все еще шел дождь, и я сел на один из стульев, закинув ноги на перила. Мне никогда не приходилось заставлять себя спать с Оливией. Мы просто идеально дополняли друг друга — наши мысли, настроения... даже наши руки.

Однажды в выпускной год она купила куст гардении и посадила его перед квартирой. И оберегала цветок, словно это была собака, выискивая в интернете способы заботы о нем и делая заметки в записной книжке. Она даже дала ему имя. Вроде бы, *Патриция*. Каждый день она садилась на корточки перед дверью и разглядывала Патрицию, чтобы увидеть, не распустился ли цветок. Я смотрел на ее лицо, когда она возвращалась внутрь, и на нем всегда было выражение этой обнадеживающей решимости. «*Еще нет*», — произносила она, как будто все надежды на жизнь были заключены в этом цветке. Вот что я так любил в ней — эту мрачную решимость выжить, даже если все в этом мире против тебя. Несмотря на все садоводческие усилия Оливии, Патриция начала медленно вянуть, листья сморщились и потемнели. Оливия посмотрела на неё, и на лбу появилась маленькая морщинка. В том году во Флориде была особенно холодная зима. Однажды утром, когда я приехал к ней на квартиру, Патриция была мертва. Я прыгнул в машину и помчался в цветочный магазин, где видел точно такие же растения. И, прежде чем моя любимая открыла глаза, заменил её мертвое растение на здоровое, пересадив его на газон у дома. Я выбросил старое растение в мусорку, вымыл руки в бассейне и только потом

постучался к ней. Она открыла дверь, и её глаза округлились, когда она увидела здоровые зеленые листья. Не знаю, может, она и догадалась о подмене, но никогда ничего не говорила. Я стал заботиться о цветке без её ведома, подкладывая в горшок удобрения перед тем, как постучаться в дверь. Моя мать постоянно клала использованные чайные пакетики в почву вокруг кустов с розами. Пару раз я тоже так делал. Прямо перед тем, как мы расстались, на этом чертовом растении распустился цветок. Никогда не видел её такой взволнованной. На её лице было такое же выражение, как в тот день, когда я промахнулся ради неё.

Если бы она вернулась и встала на это место под моим номером, я, вероятно, выпрыгнул бы к ней прямо с балкона. *«Ещё не все потеряно, — твердил я себе. — Ты можешь узнать, где она остановилась. Иди к ней».*

Я любил Оливию. Я любил её каждой своей клеточкой, но был женат. И у меня были обязательства перед Лией, даже если это и глупо. Я был с ней. В болезни и здравии. В какой-то момент я думал, что больше не выдержу, но это было давно. До того, как она забеременела от меня и проглотила упаковку снотворного.

Верно?

Верно.

Я потряс бутылкой. Наполовину пуста.

Когда женщина носит под сердцем твоего ребенка, на всё начинаешь смотреть по-другому. Невозможное становится тем, над чем стоит побольше попотеть. Всё уродливое приобретает прекрасное сияние. Женщина, которую не мог простить, становится не такой уж и плохой. Похоже на состояние, когда ты пьян. Я допил бутылку и поставил её на пол. Она покатилась и со звоном упала с балкона. Я пребывал в коме. И должен был пробудиться.

Я закрыл глаза и увидел её лицо. Потом открыл глаза и снова увидел её лицо. Я встал, пытаюсь сфокусироваться на дожде, огнях города, чертовой испанской лестнице, но видел её лицо. Пора это прекращать, если я собираюсь быть хорошим мужем для Лии. Она заслужила это.

Верно?

Верно.

Через четыре дня мы улетели. Едва оправились от предыдущей смены часовых поясов, как пришла пора возвращаться назад. И я не мог сосредоточиться на путешествии, когда где-то в городе была моя бывшая. Я искал Оливию в аэропорту, в ресторанах, в такси, которые обрызгивали меня водой, когда проезжали мимо. Она была везде и нигде. Каковы шансы, что она полетела бы с нами одним рейсом? Если так, то я бы...

На нашем рейсе её не было. Но я думал о ней все девять часов, пока мы пролетали над Атлантикой. Мои любимые воспоминания — дерево, Jaxson's, апельсиновая роща, битва пирогами. Затем я вспомнил о плохом — постоянной мысли о том, что она бросит меня, о том, как она вопиющим образом отказывалась признавать, что любит меня. Все было так по-детски и трагично. Я посмотрел на свою жену. Она читала журналы и пила дешевое вино. Сделала глоток и, проглотив, сморщилась.

— Зачем тогда заказывала, если не нравится?

— Полагаю, это лучше, чем ничего, — ответила она, повернувшись к окну. Я открыл книгу, которую взял с собой, и устался на чернила. На девять великолепных часов Лия оставила меня в покое. Никогда еще не был так благодарен дешевому вину. Когда мы приземлились в Майами, она пошла в туалет, чтобы обновить макияж, пока я стоял в очереди в ««Старбакс»». К тому времени, когда мы добрались до выдачи багажа, я был в самом худшем настроении за всю свою жизнь.

— Что с тобой случилось? — спросила она. — Ты был рассеян всё путешествие. Это очень раздражало.

Я посмотрел на неё из-з а стекл очков и схватил за ручку одну из её сумок. Какая же она тяжелая. Кто путешествует с двумя гигантскими чемоданами, когда уезжает всего на пять дней?

— Предполагается, что мы вместе будем над этим работать. Но в данный момент твои мысли где-то в другом месте.

Она была права.

— Поехали домой, — сказал я, целуя её в макушку. — Хочу проспать двенадцать часов и

наестся в кровати.

Она встала на цыпочки и поцеловала меня в губы. Потребовалось усилие, чтобы ответить на поцелуй, не вызвав у неё подозрений. Когда она прижалась к моим губам, я понял, что обманывал себя так же хорошо, как и врал ей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Настоящее

Гравий летит из-под колес, когда я выезжаю с парковки. Как она могла? Я провожу рукой по волосам. Почему никто из них не сказал мне? Они злые, завистливые женщины, а ты наивно полагал, что они прибегут к тебе со всей информацией. Все о чем я могу думать, пока несусь по 95-му шоссе к Лие, так это о маленькой девочке, которая всё ещё носит мою фамилию. К которой, по её словам, я не имею никакого отношения. Было ли это все ложью? Если Лия солгала про отцовство Эстеллы, я

собственноручно её прибить.

У Эстеллы прекрасные рыжие кудряшки и голубые глаза, но она унаследовала мой нос. Я был так в этом уверен, пока Лия не заявила, что она от кого-то другого. Тогда её нос изменился. И я решил, что видел сходство только потому, что отчаянно хотел, чтобы она была моей.

Во рту пересыхает, когда я подъезжаю к дому. Миллион лет назад это *была* моя подъездная дорожка. *Моя* жена жила в этом доме. Я всё это разрушил из-за любви к призраку, замужнему призраку.

Боже. Сейчас я вспоминаю Оливию, и меня накрывает покой. Может, она и не моя, но я принадлежу ей. С этим даже бороться бесполезно. Я просто снова и снова с треском проваливаюсь и возвращаюсь к ней. Если я не смогу быть с Оливией Каспен, тогда останусь один. Она моя болезнь. Спустя десять лет, я наконец-то осознал, что никакой другой женщине не под силу меня исцелить.

Я открываю дверь машины и выхожу. Внедорожник Лии припаркован на обычном месте. Прохожу мимо него и поднимаюсь по ступенькам к входной двери. Открыто. Захожу в фойе и закрываю

за собой дверь. Оглядываюсь и замечаю, что вся гостиная завалена игрушками: пупсы фирмы «Cabbage Patch» лежат рядом с раздетыми куклами Барби. Перешагнув через трехколесный велосипед, я иду на кухню. И тут слышу свое имя.

— Кaleb?

Лия стоит в дверном проеме с полотенцем в руках. Несколько секунд я молчу. Никогда не видел, чтобы Лия держала в руках что-то, кроме бокала с мартини. Она вытирает руки полотенцем, кладет его на шкаф и направляется ко мне.

— Всё в порядке? Что ты здесь делаешь?

Грудная клетка разрывается от всех слов, которые хотят вырваться наружу. Я так сильно стискиваю зубы, что удивляюсь, как они не крошатся. Лия замечает, что я делаю, и поднимает брови.

— О, — произносит она и манит меня на кухню. Я иду за ней и вижу, как она достает из шкафа бутылку текилы. Потом наливает два шота, выпивает один из них и наливает ещё.

— Лучше ссориться под текилой, — объясняет она, протягивая мне стакан.

Не хочу пить. Если добавить алкоголь к тому пламени, которое и так рвется наружу, получится опасная смесь. Я смотрю на прозрачную жидкость и подношу её к губам. Если Лия хочет огня, то она его получит.

— Где Эстелла?

— Спит.

Я ставлю стакан на стол.

Хорошо.

Я подхожу к бывшей жене. Она откинулась в стуле, её ноздри раздуваются.

— Скажи мне, что ты сделала.

— Я делала множество вещей, — пожимает плечами она, пытаясь выглядеть расслабленной, — давай поконкретнее.

— Оливия.

Ее имя проносится между нами, вскрывая старые раны и разбрызгивая кровь по комнате. Лия в ярости.

— Не произноси это имя в моем доме.

— Это мой дом, — спокойно отвечаю я. Лия бледнеет. Проводит языком по зубам и медленно моргает.

— Ты знаешь Тернера?

— Да.

— И ты попросила его сблизиться с Оливией... чтобы держать её подальше от меня?

— Да.

Я киваю. Сердце ноет. Наклоняюсь над столом, чтобы подавить нарастающую ярость, прежде чем та выплеснется наружу. Я проталкиваю её вниз, сглатывая презрение, и смотрю ей в глаза. У нас с Оливией никогда не было шанса. Все это время, когда мы уничтожали друг друга, кто-то другой тоже в этом участвовал.

— Лия, — спрашиваю я, закрывая глаза. — В больнице, после того, как ты приняла эти таблетки... — мой голос надывается. Я провожу рукой по лицу. Я так устал. — Ты была беременна?

Она задирает подбородок, и я уже знаю ответ.

О Боже. Она солгала. Если она солгала про ребенка, о чем еще она врала? Я вспоминаю кровь. Кровь по всей простыне. Она сказала, что потеряла ребенка, и я ей поверил. Вероятнее всего, это были просто месячные. Как скоро после этого была зачата Эстелла?

Я хожу по кухне, скрестив руки за спиной. И снова называю ее имя, но теперь это похоже на мольбу.

— Лия, она моя? О, черт, — безвольно опускаю руки. — Она моя?

Я наблюдаю за ней, пока она обдумывает свой ответ. В ней борются желание сказать правду и солгать. Наконец, она пожимает плечами.

— Ага.

Весь мир погружается в тишину. Сердце разбивается. Снова собирается. И разбивается.

Печаль разрывает меня пополам. Два года, я не видел её два года. Моя дочь. *Моя дочь.*

Я выпиваю текилу и даю выход злости, швыряя

стакан об пол. Он разбивается, и Лия подпрыгивает. Мне хочется встряхнуть её, кинуть, как этот стакан, и смотреть, как она разлетается на множество осколков, за все, что она сделала. Я направляюсь к лестнице.

— Кaleb! — она идет за мной и хватается за руку. Я вырываюсь и поднимаюсь выше, перешагивая сразу через две ступеньки.

Она зовет меня, но я едва её слышу. Поднимаюсь и поворачиваю налево. Она позади меня, умоляет остановиться.

— Кaleb, она спит. Ты потревожишь её. Не надо...

Я распахиваю дверь и вхожу в теплый розовый свет. В углу её кровать с пологом на четырех столбиках. Медленно вхожу, и ковер приглушает мои шаги. Я смотрю, как её волосы разметались по подушке, поразительно рыжие и кудрявые. Делаю ещё один шаг и вижу её лицо: надутые губки, пухлые щечки и мой нос. Присаживаюсь на колени перед кроватью, чтобы смотреть на неё, и второй раз в своей жизни плачу. Плачу тихо, тело содрогается от рыданий.

Мольбы Лии утихают. Я не знаю, где она, меня не волнует. Стелла распахивает глаза. Для ребенка, разбуженного посреди ночи незнакомцем, она выглядит на удивление спокойной. Она тихо лежит, ее голубые глаза изучают мое лицо взглядом очень взрослого ребенка.

— Почему ты пачешь?

Звук ее голоса, скрипучий, как у матери, потрясает меня. И слезы текут ещё сильнее.

— Папочка, почему ты пачешь?

Чувствую, словно кто-то опрокинул на меня ведро с ледяной водой. Я наклоняюсь назад, внезапно протрезвев. Рассматриваю ее растрепанные волосы, ее полные щеки и таю перед моей дочерью.

— Откуда ты знаешь, что я твой папочка? — нежно спрашиваю я.

Она хмурится, надувает губы, и показывает пальчиком на тумбочку. Я поворачиваюсь и вижу фотографию, на которой держу её, совсем маленькую, на руках.

Лия рассказывала ей обо мне? Не понимаю. Не

знаю, благодарить её за это или отругать. Если она хотела, чтобы я думал, будто эта малышка не моя, тогда почему Эстелле рассказывала совсем другое?

— Стелла, — говорю я осторожно, — можно я тебя обниму? — мне хочется прижать её к себе и рыдать, уткнувшись в её прекрасные рыжие волосы, но не хочу спугнуть *мою* девочку.

Она улыбается. А отвечая, поднимает плечики и покачивает головой во все стороны.

— Конечно, — она наклоняется вперед, вытянув руки.

Прижимаю её к груди, целую в макушку. Я едва могу дышать. Мне хочется поднять её, отнести в машину и увезти подальше от женщины, которая прятала её от меня. Но я не могу быть как Лия. Я должен поступать так, как лучше для Стеллы. Мне хочется прижимать её к себе всю ночь. Необходимо собрать в кулак всю свою волю, чтобы разомкнуть объятия.

— Стелла, — начинаю я, отстраняясь от нее. — Тебе придется лечь спать, но угадай, что?

Она делает милое, детское личико.

— Что?

— Завтра я приеду, чтобы провести время с тобой.

Она хлопает в ладоши, и во мне снова просыпается желание забрать её и увезти с собой. Но я сдерживаю свой энтузиазм.

— Мы поедem есть мороженое, и покупать игрушки, и кормить уток, и пинать песок на пляже.

Она прикрывает рот ладошкой.

— Все в один день?

Я киваю.

Потом помогаю ей снова лечь в кроватку, накрываю одеялом, целую в обе щеки и в лобик. И для ровного счета целую её в подбородок. Она хихикает, а я приподнимаю одеяло и целую пальчики на ногах. Она визжит, и мне приходится прижать кончиками пальцев уголки глаз, чтобы остановить слезы.

— Спокойной ночи, милая малышка.

Я аккуратно закрываю дверь. Но не успеваю

пройти и пяти шагов, как замечаю Лию, сидящую, прижавшись к стене. Она не смотрит на меня.

— Я приеду рано утром, чтобы забрать её, — говорю ей, пока иду к лестнице. Мне хочется скорее выбраться из дома, прежде чем я задушу её.

— У неё занятия, — возражает Лия, поднимаясь на ноги. Я возвращаюсь назад, и мое лицо находится в дюйме от неё. Я тяжело дышу, грудь вздымается. Она сжимает челюсть. В этот момент я так сильно ее ненавижу, что ничего не вижу перед собой. Мои слова грубы и полны боли.

— У неё есть отец.

И тогда я слышу звук сирен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Прошлое

— Эй, красавчик, что ты здесь делаешь?

Я снял солнечные очки и улыбнулся.

— Кэмми...

Она ухмыльнулась и встала на цыпочки, чтобы обнять меня. Я скользнул взглядом мимо неё, изучая толпу у входа в торговый центр.

— Она...?

Кэмми покачала головой.

— Не здесь.

Я расслабился. У меня не было уверенности в том, что я бы спокойно отреагировал на встречу с ней. Не видеть и, по возможности, не думать о ней — именно то, что мне было необходимо на тот момент.

— Так что ты здесь делаешь? Разве ты не должен сидеть дома со своей беременной женой-ведьмой?

Мы с ней пошли в ногу, и я широко улыбнулся.

— Вообще-то я пришел сюда за сухим крендельком. Ей очень его захотелось.

— Боже, это ужас какой-то — один из самых крутых парней в колледже стал мальчиком на побегушках у такой сучки.

Я рассмеялся. Кэмми всегда умела хорошо пошутить. Я придержал для неё дверь, и струя воздуха из кондиционера ударила мне в лицо.

— А что ты здесь делаешь?

— О, ты же меня знаешь, — пропела она, остановившись у вешалки с юбками. — Люблю тратить деньги.

Я кивнул и засунул руки в карманы, ощущая себя неловко.

— Вообще-то, — продолжила она, поворачиваясь ко мне, — я ищу платье на свадьбу. Поможешь мне?

Я пожал плечами.

— С каких пор тебе нужен помощник, чтобы что-то купить?

— Ой, точно, — она сжала губы и покачала головой. — Тебе нужно возвращаться к своей беременной жене. Не позволяй мне задерживать

тебя, — она отмахнулась от меня и вытащила облегающее белое платье с вешалки.

Я почесал затылок.

— В белом ты выглядишь как почтенная женщина.

Она прищурилась и, не отводя от меня взгляда, повесила платье назад.

— Тебя кто-то спрашивал?

Она указала на голубое шелковое платье и, когда я кивнул, кинула его мне.

— Ну, так вы уже в курсе, кто у вас будет... мальчик... девочка... зародыш Чаки?

— Мы не узнавали.

Она протянула мне ещё одно платье. Но как только отвернулась, я повесил его обратно.

— К твоему сведению, я владею агентством по подбору нянь. Так что, когда маленький зародыш появится на свет, без проблем помогу найти ему новую мать.

Она приподняла вешалку с платьем от Гуччи, и я кивнул.

— С ней всё будет в порядке. Знаешь, в таких вопросах я очень старомоден.

Кэмми фыркнула.

— Ты, возможно, и да, но я сильно сомневаюсь, что твоя любимая женушка будет хотя бы кормить грудью.

Я стиснул зубы, но она сразу это заметила.

— Больная тема? Не волнуйся, К-Диззл (*Прим. Шуточное прозвище, образованное от инициалов главного героя*), я такое уже видела. Скажи ей, что купишь новую грудь, когда все закончится. Это приведет её в чувства.

Я кивнул. Так-то неплохая идея.

И пошел за ней в примерочную.

— Ну так, — начал я, прислоняясь к стене. — Как...

— Она в порядке.

Я кивнул, опустив глаза в пол.

— Она...?

Кэмми надела голубое платье и покрутилась передо мной.

— Даже не примеряй другие, — сказал я.

Она послала воздушный поцелуй в зеркало и кивнула.

— Ты прав.

Дверца закрылась, а спустя минуту она вышла, уже переодетая, с платьем в руке.

— Ну, это было легко.

Я пошел с ней на кассу и смотрел, как она расплачивается кредитной карточкой.

— Осталось купить подарок и туфли, и я готова.

— У кого свадьба?

Она перевела взгляд на меня, а на её губах появилась зловещая ухмылка.

— Разве я не сказала тебе? — невинно поинтересовалась она. — Платье для свадьбы Оливии.

От шока по мне пробежала дрожь. Внезапно все цвета смешались воедино, причиняя боль глазам. Я почувствовал тошноту, и с каждой секундой грудь сжималась все сильнее и сильнее. Губы Кэмми шевелились — она что-то говорила. Я потряс головой, чтобы прояснить сознание.

— Что?

Она ухмыльнулась и перебросила свои светлые волосы через плечо. Затем сочувственно сжала мою руку.

— Больно, не так ли, ублюдок?

— Когда? — произнес я на выдохе.

— Не-а, этого я тебе не скажу.

Я облизал губы.

— Кэмми... скажи, что это не Тернер.

Она улыбнулась.

— Не-а.

Я почувствовал, как давление в груди слегка ослабло. Слегка. Я ненавидел Тернера. Хотя даже не был знаком с парнем.

— Ной Стэйн, — произнесла Кэмми, ухмыляясь. — Забавная история, — продолжала она, округлив глаза. — Она встретила его во время маленькой спонтанной поездки в Рим. Помнишь? Когда она пришла к тебе, открыв свою душу, а ты бросил её.

— Все было не так.

Она приподняла уголок рта и покачала головой, словно разочаровавшись во мне.

— У тебя был шанс, большой мальчик. Судьба ненавидит вас, ребята.

— Лия потеряла ребенка, а её сестра пыталась покончить с собой. Я не мог оставить её и пытался хоть раз поступить правильно.

Она резко обернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Лия была... — её голос затих, а взгляд

потускнел. Я вскинул голову. — Лия потеряла ребенка? — повторила она. И увидев что-то в её глазах, я подошел поближе.

— Почему ты замолчала?

Она сжала губы и покачала головой.

— Когда ты полетел с Лией в Рим, вы пытались зачать ребенка?

Кэмми обладала даром задавать неудобные вопросы, но этот был слишком личным даже для нее.

— Нет. Мы просто взяли перерыв. Сбежали от всего. Пытались работать над...

— Вашим браком, — закончила она.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

Внезапно она подняла взгляд от пола, который рассматривала уже некоторое время.

— Просто интересуюсь. Ладно, мне уже пора.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку, но я ощущал её напряжение. Кэмми была отвратительной злючкой. Так что если уж она

почувствовала себя неловко, значит, что-то точно пошло не так.

— Кэмми...

— Не надо, — оборвала она меня. — Она счастлива. Собирается замуж. Оставь её.

И начала уходить, но я схватил её за запястье.

— Однажды ты мне это уже говорила, помнишь?

Её лицо побледнело, и она высвободила руку.

— Просто скажи мне, когда? — умолял я. — Кэмми, пожалуйста...

Она сглотнула.

— В субботу.

Я закрыл глаза и опустил голову.

— Пока, Кэм.

— Пока, Калев.

Я так и не купил Лие кренделек. Вместо этого вернулся в машину и поехал на пляж, а там сидел на песке и смотрел на воду. Лия звонила мне пять раз, но я перенаправил звонки на голосовую почту. Суббота наступит через два дня. Скорей всего, у неё много забот. Она всегда волнуется, когда грядут большие перемены в жизни. Я потер грудь. Как же тяжело на душе.

Я долгое время наблюдал за парочками, гуляющими за руку вдоль воды. Уже слишком поздно, чтобы плавать, но несколько детей играли в прибое, обрызгивая друг друга водой. Через несколько недель у меня тоже должен был родиться ребенок. Мысль об этом пугала и восхищала одновременно — как перед первой поездкой на американских горках. За исключением того, что эти горки продлятся 18 лет, а я не был уверен, что моя напарница в этом аттракционе действительно хотела стать матерью. Лию обычно больше вдохновляла мысль о событии, чем оно само.

Однажды, когда мы только поженились, она

пришла домой с работы, сжимая в руках маленького щенка колли.

— Я увидела его в окне зоомагазина и не смогла устоять, — объяснила она. — Мы можем брать его на совместные прогулки и купить ему один из этих именных ошейников.

Несмотря на свои сомнения по поводу того, что собака задержится у нас надолго, я улыбнулся и помог ей выбрать имя — Тэдди. А вернувшись с работы на следующий день, обнаружил, что дом заполнен собачьими аксессуарами — пищащими гамбургерами, набитыми игрушками и крошечными светящимися теннисными мячиками. *Разве собаки не дальтоники?* Помню, как поднял один мячик и долго изучал его. У Тэдди была мягкая кровать, воротник, украшенный шипами из горного хрусталя, и поводок-рулетка. У него даже были именные миски для еды и воды. Я изучал все это с содроганием и смотрел, как Лия отмеряет половину чашки собачьего корма. Два дня она покупала для него всякую всячину, но я ни разу не видел, чтобы она дотронулась до него. На четвертый день Тэдди исчез. Был отдан соседу вместе со всеми светящимися мячиками.

— Слишком много беспорядка, — сказала Лия.

— А я сама не смогла его выдрессировать.

Я даже не стал ей говорить, что для успешной дрессировки необходимо больше, чем три дня. Вот так Тэдди исчез ещё до того, как мы успели выйти с ним на прогулку. Боже, пожалуйста, пусть ребенок не станет для Лии очередным щенком.

Я поднялся, отряхивая песок с джинсов. Пора ехать домой, к моей жене. Это жизнь, которую я выбрал, или кто-то выбрал её для меня. Я уже даже не знаю, где начинаются и заканчивается мои собственные решения.

Суббота. Я сказал Лие, что у меня есть срочные дела. И выехал пораньше, сделав остановку у винного магазина, чтобы купить бутылку виски, которая понадобится мне позже. Бросив бутылку в багажник, я двадцать минут ехал по направлению к дому матери. Мои родители жили в Форт-Лодердейл. Они купили дом еще в девяностых у бывшего игрока в гольф, чем моя мать постоянно хвасталась своим

друзьям. Когда домом владел Роберт Норрокс...

Она открыла дверь прежде, чем я успел постучать.

— Что случилось? Что-то с ребенком?

Я состроил гримасу и покачал головой. Она изобразила облегчение. Интересно, кто научил её театрально демонстрировать каждую эмоцию, которую она испытывает. Мои бабушка и дедушка были довольно серьезными людьми. Когда я прошел мимо, её рука коснулась шеи, где пальцы рассеянно искали медальон, который она носила. Это была нервная привычка, которая всегда казалась мне привлекательной. Но не сегодня.

Я прошел в гостиную и сел, ожидая её.

— Что случилось, Калев? Ты пугаешь меня.

— Мне нужно кое о чем с тобой поговорить, — снова попытался я. — Мне нужно кое о чем поговорить с моей матерью. Ты можешь это сделать и не быть...

— Стервозной? — предложила она.

Я кивнул.

— Мне стоит бояться?

Я встал и подошел к окну, глядя на её идеальные розы. У нее есть все оттенки розового и красного. Хаос из шипов и цвета. Не люблю розы. Они напоминают мне о женщинах в моей жизни: прекрасные и яркие, но прикосновение к ним ранит до крови.

— Сегодня Оливия выходит замуж. Мне нужно, чтобы ты отговорила меня от идеи пойти в церковь и остановить её.

Единственным признаком того, что она услышала меня, было едва заметное расширение белков вокруг её зрачков.

Она открыла рот и затем резко закрыла его.

— Я принимаю это, как твое благословение, — и направился прямо к двери. Но моя мать вскочила и преградила мне дорогу. У неё получалось довольно тихо передвигаться на каблуках.

— Калеб, милый... ничего хорошего из этого не выйдет. Ты и Оливия...

— Не произноси этого.

— Между вами все кончено, — продолжила она. — Это мой нестервозный вариант.

Я поморщился.

— Для меня ничего не закончено.

— Но, очевидно, что для неё — да. Она выходит замуж.

Она взяла моё лицо в свои ладони.

— Мне очень жаль, что тебе больно.

Я ничего не ответил. Она вздохнула и усадила меня на диван рядом с собой.

— Я собираюсь на время забыть о своей глубокой неприязни к этой девушке и сказать кое-что, что, возможно, окажется для тебя полезным.

Я слушал. Если она согласилась забыть о своей неприязни, должно быть, меня ждешь мозговыносящий совет.

— Три вещи, — начала она, поглаживая мою руку. — Во-первых, хорошо, что ты её любишь. Не

прекращай. Если ты убьешь свои чувства к ней, то убьешь и всё остальное. А в этом нет ничего хорошего. Во-вторых, не жди её. У тебя есть своя жизнь, и скоро родится ребенок, — она грустно улыбнулась мне, пока я ожидал грандиозного финала. — И, наконец... дождись её.

Она рассмеялась, увидев растерянное выражение на моем лице.

— Жизнь не приспособливается под нас — она нас разрушает. Любовь зла, но в этом есть и хорошее. Она держит нас в тонусе, дает почувствовать себя живыми. Если она нужна тебе, тогда жди. Но прямо сейчас она выходит замуж. Это её день, и не смей его портить.

Любовь зла.

Я любил мою мать, особенно, когда она не была стервой.

Я сбежал по ступеням к машине. Она смотрела на меня, теребя свой кулон. Возможно, она права. Я хотел, чтобы Оливия была счастлива. Чтобы у нее было то, чего она лишилась, будучи ребенком. Я не мог дать ей этого, потому что дарил это кое-кому другому.

Некоторое время я бесцельно катался по городу, пока не свернул на дорогу, ведущую к торговому центру. Флорида вся усеяна моллами и магазинами. В каждом есть кафе из сети фастфуда. Больше всего людей обычно собиралось в «МакДональдсе» или «Бургер Кинге». Я остановился у маникюрного салона. Там не было никого, кроме сотрудников. И они были разочарованы, когда внутрь вошел я, а не какая-нибудь женщина. Прислонившись к двери, я достал телефон. Снаружи было прохладно, недостаточно, чтобы надеть пиджак, но прохладно для Флориды. Мои пальцы зависли над клавиатурой.

Я люблю тебя

Удалить

Если ты бросишь его, я уйду от неё.

Удалить

Мы можем поговорить?

Удалить

Питер Пэн

Удалить

Я убрал телефон в карман. Ударил по дереву. И поехал домой с окровавленными костяшками. Любовь была чертовски зла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Настоящее

На следующий день после того, как я ворвался в дом Лии, она получила судебный запрет. Если я приближусь к дочери, меня арестуют. В ту ночь меня

уже почти заключили под стражу. Копы надели на меня наручники, но появился мой брат. Он несколько минут разговаривал с Лией, а потом вышел и снял наручники.

— Она не станет выдвигать обвинения, братишка, но заявление все равно напишет, и завтра попытается получить судебный запрет.

— Это была твоя идея?

Он ухмыльнулся. И больше мы не сказали друг другу ни слова. Я просто сел в свою машину и уехал. А Лия написала заявление. Она пожаловалась, что я выбил дверь, угрожал её жизни, разбудил Эстеллу посреди ночи и, к тому же, был пьян. При этом она продолжала утверждать, что я не отец Эстеллы. Интересно, она солгала Оливии, чтобы помучить меня? Не знаю, что творится в голове у этой женщины. Или что взбрело в голову мне много лет назад. В любом случае, Лия разбудила чудовище. Оливия посоветовала мне адвоката, который специализируется на запутанных семейных делах. Она лучшая в своем деле. Ее зовут Мойра Линда. *Арийом* — мне нравится. После того, как Мойра в течение десяти минут слушает мой рассказ, она поднимает руку, чтобы меня остановить. У нее есть татуировка на руке, между большим и указательным

пальцами. Выглядит как четырехлистный клевер.

— Должно быть, вы разыгрываете меня, — говорит она. — Женщина узнает, что вы хотите развода и заявляет, что ребенок, которого вы воспитываете шесть месяцев, не ваш. И вы верите ей? Просто так?

— У меня не было причин сомневаться. Она не хотела разводиться. Тогда ей было бы выгоднее позволить мне верить, будто Эстелла моя.

— О, Кaleb, — она прикладывает руку ко лбу. — Разве вы не видите, что произошло? Вы пришли и сбросили на неё пару бомб, и на каком-то этапе разговора она решила, что вы ей не нужны, и она просто хочет мести. Именно это и произошло.

Я уставился на движение за окном, понимая, что это правда. Но почему я раньше этого не заметил? Если бы кто-то другой рассказал мне эту историю, я бы рассмеялся над его глупостью. Почему людям так сложно объективно оценить то дерьмо, которое происходит в их жизни?

— Таким образом, она ударила вас по больному месту, Кaleb. Нет никаких доказательств произошедшего той ночью. Но есть свидетельства

того, что последние три года вы не видели ребенка, не платили алименты и не боролись за опеку. Лия обвинит вас в этом. И сейчас, прекрасно это понимая, она вернулась, чтобы рассказать, что Эстелла ваша, но вся власть у неё.

Боже.

— Что я должен делать?

— По предписанию суда вы сделаете тест на отцовство. Это займет некоторое время. А затем мы будем ходатайствовать о посещениях. Сначала они будут проходить под наблюдением, но чем дольше вы будете соблюдать правила и хорошо относиться к Эстелле, тем быстрее мы сможем начать добиваться совместной опеки.

— Я хочу полную опеку.

— Ага, конечно, а я хочу быть моделью купальников. Но это не изменит того, что я пухленькая и вчера съела чизбургер на ужин.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Делайте то, что считаете нужным. Что бы это ни было. Но есть ли хоть какой-то способ увидеть Эстеллу?

Это глупый вопрос, но я должен был задать его. Нет ни единого шанса, что Лия позволит приблизиться к дочери. У меня нет доказательств, но я снова считаю её своей. А было ли когда-нибудь по-другому?

Мойра смеется.

— Нет. Просто наберитесь терпения и позвольте мне делать мою работу. Скоро мы вернем вас в её жизнь, но прежде придется немного побороться.

Я киваю.

Выхожу из её кабинета и иду прямо к Оливии. Когда я захожу туда, она, одетая в шорты и майку, с раздраженным видом моет полы. Прислонившись к стене, рассказываю ей о разговоре с Мойрой. Она усердно натирает полы, а я знаю, что так она пытается отвлечься. На столе стоит миска с чипсами, и она постоянно подходит к ней, забрасывая снэки в рот. Что-то случилось, но даже если я спрошу, она не расскажет.

— Делай то, что она говорит, — вот и весь ответ Оливии. Несколько минут мы молчим. В комнате слышен только хруст.

— Она не выглядела раскаявшейся, — наконец, произносит Оливия. — Это самое странное. Она просто появилась в моем кабинете, чтобы все рассказать, прекрасно зная, что я передам её слова тебе. Мне это кажется таким зловещим.

— Она что-то задумала, — соглашаюсь я.

— Может, у неё нет денег, и она решила, что нуждается в алиментах.

Я качаю головой.

— Её отец воздвиг империю. Эта компания — лишь малая часть того, на что распространяются его интересы. Лия не нуждается в деньгах.

— Тогда Мойра права — она хочет отомстить. Что ты собираешься делать?

Я пожимаю плечами.

— Бороться за Эстеллу. Даже если она не моя, я хочу бороться за неё.

Она перестает мыть полы. Пряжка волос выбилась из неряшливого пучка на её голове, и она заправляет её за ухо.

— Не заставляй меня любить тебя ещё сильнее,
— произносит она. — Мои часы тикают, а ты тут говоришь о ребенке.

Я стискиваю зубы, чтобы не улыбнуться.

— Давай заведем своего, — говорю я, делая шаг в её сторону.

Её глаза расширяются. Она прячется за шваброй.

— Не надо, — предупреждает она. Потом тянется к миске с чипсами, не отрывая от меня взгляда, но обнаруживает, что та пуста.

— Как думаешь, у нас был бы мальчик или девочка?

— Кaleb...

Я делаю ещё два шага, прежде чем она опускает швабру в ведро и брызгает водой мне прямо в живот.

Я с открытым ртом смотрю на мокрые вещи. Она знает, что произойдет дальше, поэтому бросает швабру и бежит в гостиную. Наблюдаю, как она хватается за мебель, скользя по мокрому полу. Я бегу за ней, но она так помешана на чистоте, что

практически превратила пол в ледовый каток. Восхитительно. Я падаю на задницу.

Так и сижу там, а она выходит из кухни, неся две бутылки с колой.

— Предлагаю мир, — она протягивает мне одну.

Я беру бутылку и хватаю её за руку, притягивая к себе на пол.

Мы садимся спина к спине, прислонившись друг к другу и вытянув ноги. А потом болтаем о всяких пустяках. И нам так хорошо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Прошлое

Моя дочь появилась на свет третьего марта в

15:33. Она родилась с поразительно рыжими волосами, которые стояли торчком, как у игрушечных троллей из 90-х. Я провел пальцами по её волосикам, улыбаясь как дурак. Она была прекрасна. Лия убедила меня, что у нас родится мальчик. Она погладила меня по лицу и смотрела так, словно я был для неё богом, и промурлыкала:

— Твой отец зачал двоих сыновей, а твой дед — троих сыновей. Мужчины в твоей семье давали жизнь мальчикам.

Я тайно хотел дочь. Она открыто говорила, что хочет сына. Было что-то фрейдистское в наших предпочтениях, но свои я не выражал, а жена «на всякий случай» обставила детскую в зеленых и желтых тонах. Несмотря на это, среди детских вещей я заметил прорезыватель для зубов в форме грузовичка и комбинезончик в виде бейсбольной формы. Поскольку в колледже я играл в баскетбол, выбор бейсбольной формы мог быть обусловлен только тем, что её отец не пропускал ни одной игры «Янкиз» по телевизору. Она обманывала меня, прикрывая свою задницу. Поэтому я тоже решил играть не по правилам. Я покупал вещи для девочки и втайне от неё прятал их в своем шкафу.

В тот день, когда она поехала в больницу, мы

планировали прогуляться по пляжу. Роды должны были начаться только через несколько недель, и я читал, что женщины, беременные в первый раз, часто переживают. Лия садилась в машину, когда из её горла вырвался жуткий звук. Я смотрел, как её загорелые руки сжимают живот, а белое платье сминается между её пальцами.

— Я думала, это всего лишь схватки Брэкстона-Хикса, но они происходят всё чаще. Нам придется поехать в больницу и отложить прогулку на другой день, — выдохнула она, закрыв глаза.

Потом прислонилась к приборной панели, завела машину и направила всё три кондиционера себе в лицо. С минуту я наблюдал за ней, неспособный понять, что происходит. Затем выбежал из машины и схватил в спальне сумку, собранную для больницы.

Я был шокирован, когда доктор громко объявил: «Девочка!», прежде чем положил её на грудь матери. Но не настолько, чтобы сдержать глупую ухмылку на лице. Я назвал её в честь Эстеллы из «Больших надежд» (Прим.: «*Большие надежды*» ([англ.](#)

Great Expectations) — роман Чарльза Диккенса, который был впервые издан в 1860 году.). В ту ночь, поехав домой, чтобы принять душ, я достал коробку с

верхней полки шкафа. Месяцем раньше она появилась в почтовом ящике, без записки или обратного адреса. Я был сбит с толку, пока не открыл её.

Я разрезал оберточную ленту ножницами и достал из коробки одеяльце лавандового цвета. Оно было таким мягким на ощупь как вата.

— Оливия? — мягко произнес я. Но зачем ей отправлять подарок для моего ребенка? Я положил его обратно в коробку, а потом начал размышлять.

Я уставился на него с ухмылкой на лице. Она знала, что Лия отчаянно хотела мальчика, и отправила подарок для девочки, чтобы позлить её? Или она запомнила, как сильно я хотел дочь? Невозможно понять настоящие мотивы поступков Оливии, пока не спросишь. Но тогда она просто соврет.

Я взял одеяльце с собой в больницу. Увидев его, Лия закатила глаза. Её реакция была бы сильнее, если бы она знала, от кого оно. Я завернул свою дочь в одеяльце Оливии и почувствовал эйфорию. *Я отец. Маленькой девочки.* Лия выглядела менее взволнованной. Я списал это на разочарование от того, что родился не мальчик. Или, может, у неё началась депрессия. Или она просто ревновала. Было

бы ложью сказать, что мысль о том, что жена ревнует меня к дочери, не закрадывалась мне в голову.

Я чуть сильнее прижал Эстеллу к себе. И уже думал о том, как буду защищать её от всего ужасного, что происходит в мире. Хотя никогда не думал, что буду размышлять о том, как защитить её от собственной матери. *«Но так уж сложилось»*, — с грустью подумал я. Большую часть её детства родители Лии были эмоциональными черными дырами. Ей стало лучше. Я помог ей. Любовь исцеляет.

Когда мы ехали домой из больницы, её настроение заметно улучшилось. Она смеялась и флиртовала со мной. Но когда мы вошли в дом, и я передал ей дочь для кормления, её спина так напряглась, словно она получила удар между лопаток. В тот момент мое сердце сжалось так сильно, что пришлось отвернуться, чтобы она не видела выражения моего лица. Совсем не на это я надеялся. Оливия бы так не поступила. За всей её искусственно созданной жесткостью пряталась доброта и умение воспитывать. В случае с Лией мне всегда казалось, что доброта в ней... пряталась за тем, что сделали с ней родители. Может, я просто думал, что она способна на большее? Но, как уже было сказано, если у тебя есть вера размером с горчичное зерно, она может сдвинуть горы... или смягчить жестокость...

или исцелить кого-то любовью. *Боже. Что я натворил?*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Настоящее

Позже ночью я выбираюсь на пробежку. Но заходя в вестибюль своего дома, замедляю шаг. Сначала я его не узнаю. Он выглядит не так хорошо, как в последнюю нашу встречу. Что происходит с мужчинами, когда они отказываются бороться, и их сердце разбито? *Черт. Как это происходит? Я провожу рукой по шее, прежде чем подойти к нему.*

— Ной.

Когда он оборачивается, то выглядит немного удивленным. Он бросает взгляд на лифт, потом на меня.

Боже, парень выглядит потрепанным. Пару раз в жизни у меня тоже был такой видок. Мне практически его жалко.

— Мы можем поговорить? — спрашивает он.

Я оглядываюсь и киваю.

— На углу есть бар. Если, конечно, ты не хочешь посидеть у меня дома.

Он качает головой.

— Бар подойдет.

— Дай мне десять минут. Встретимся там.

Он кивает и уходит, не говоря ни слова. А я поднимаюсь к себе и звоню Оливии.

— Ной в городе, — говорю я, как только она берет трубку. — Ты знала?

Следует долгая пауза, прежде чем она произносит:

— Ага.

— Он приходил к тебе?

Чувствую, как в плечах нарастает напряжение и переходит на руки. И сильнее сжимаю телефон, пока жду ответа.

— Да, — снова говорит она.

— Это все? Все, что ты скажешь?

Я слышу, как она передвигает вещи рядом с собой. Интересно, она сегодня в суде.

— Он приходил встретиться с тобой? — шепчет она. Я слышу стук её каблуков.

Черт. Она в суде, а я вываливаю все это на неё.

— Все хорошо. Я позвоню тебе позже, хорошо?

— Калёб... — начинает она.

Я перебиваю её.

— Сосредоточься на том, чем сейчас занимаешься. Мы поговорим вечером.

— Хорошо.

Я первым кладу трубку и опускаю голову. Иду по заполненному тротуару, едва различая что-то перед

собой. Мой разум ухватился за её голос, или, может, её голос уцепился за мой разум. Я все ещё слышу его. И знаю — что-то случилось. Я не уверен, что смогу справиться со всем этим. Эстелла стоит на первом месте, но не думаю, что смогу сделать это без Оливии. Она нужна мне.

Ной сидит за маленьким столиком в задней части бара. Это первоклассное заведение, как и все в этом районе, и за его услуги приходится дорого платить. В этот час в баре кроме него лишь два посетителя: старик и молодой парень. Я прохожу мимо них. Мои глаза приспособляются к тусклому освещению. Когда я отодвигаю стул и сажусь, бармен направляется ко мне. Но я отмахиваюсь от него, прежде чем он успевает к нам подойти. Ной пьет нечто похожее на скотч, но моим единственным интересом остается полный контроль над разумом.

Я жду, когда он начнет говорить. Мне, на самом деле, нечего ему сказать.

— Я говорил тебе держаться от неё подальше, — произносит он.

Я облизываю губы, наблюдая за этим бедным сукиным сыном. Он напуган. Это видно во всем.

— Это было до того, как ты оставил свою жену в одиночку разбираться с преследователем.

Он разминает шею, прежде чем поднять взгляд.

— Сейчас я здесь.

Мне хочется рассмеяться. Сейчас он здесь. Словно это нормально — быть женатым и появляться, когда самому захочется.

— Но не для неё. Этого ты об Оливии не знаешь. Ей не нужно, чтобы кто-то о ней заботился. Она сильная. Но если ты этого не делаешь, она двигается дальше. Она двинулась дальше. Ты облажался.

Глаза Ноя вспыхивают.

— Не говори со мной о моей жене.

— Почему нет? Потому что знаю её лучше? Потому что, когда ты уехал в свою чертову поездку, а ей нужна была помощь, она позвонила мне?

Мы одновременно встаем. Бармен видит переполох и ударяет кулаком о стойку. Бутылки вокруг него гремят.

— Эй! Сядьте или выметайтесь отсюда, — говорит он. Этот парень просто огромный, поэтому мы садимся.

Мы успокаиваемся, или думаем, что успокаиваемся, или что там мужчины делают, когда готовы выбить всё дерьмо друг из друга. Я уже собираюсь уходить, когда Ной наконец -то произносит.

— Однажды я был влюблен в девушку так же, как и ты в Оливию, — признается он.

— Запомни, где остановился, — перебиваю я его. — Если ты был влюблен так же, как и я, тогда ты бы не был с Оливией. Ты был бы с этой девушкой.

Ной улыбается, но улыбка не касается глаз.

— Она умерла.

Чувствую себя мудаком.

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Подумай о том, что ты делаешь, Кaleb. Она больше не твоя. У нас обязательства друг перед другом, и, как ты сказал, я облажался. Мы должны работать над тем, что у нас есть, но без тебя, появляющегося каждые пять минут и вызывающего у нее ностальгию.

Ностальгию? Если бы он только знал. Нас с Оливией нельзя описать как ностальгию. В тот день, встретив её под деревом, я словно вдохнул её споры в свои легкие. Мы продолжаем возвращаться друг к другу. Расстояние между нашими телами с каждым годом увеличивается. Но эти споры дали корни и проросли. И плевать на расстояния и обстоятельства, Оливия — это что-то, растущее во мне.

Его высказывание о ностальгии сильно меня разозлило, я решаю играть низко.

— Итак, вы собираетесь завести ребенка...

Шок, отразившийся в его глазах, говорит о том, что я задел его за живое.

Я сжимаю телефон между пальцами, пока смотрю на него в ожидании ответа.

— Это не твое дело.

— Она мое дело. Нравится тебе это или нет. И я хочу ребенка от неё.

Не знаю, почему он не ударил меня. Я бы себя ударил. Ной — классный парень. Он проводит рукой по щетине, в которой много седых волосков, и допивает виски. На его лице нет никаких эмоций, поэтому не могу сказать, о чём он думает.

— У моей сестры был кистозный фиброз, — говорит он. — Я ходил с ней в группы поддержки. Там я встретил Мелису. У нее тоже была эта болезнь. Я влюбился в неё, а потом наблюдал, как она угасает. Она не дожила до 24 лет. Сестра ушла через 2 года. На моих глазах умерли две женщины, которых я любил. Не хочу приводить в мир ребенка, которому, возможно, передастся этот ген. Это не справедливо.

Я заказываю виски.

Пытаюсь избавиться от головной боли. Всё становится гораздо сложнее, чем минуту назад, и последнее, чего бы я хотел, — сочувствовать этому парню.

— Чего хочет Оливия? — не знаю, почему спрашиваю это у него, но могу думать лишь о том, как звучал её голос по телефону. Что она собирается мне сказать?

— Она хочет спасти то, что у нас есть, — отвечает он. — Прошлой ночью мы встретились, чтобы это обсудить.

За годы, проведенные с Оливией, я испытал так много видов боли. Худшая была тогда, когда я зашёл в номер отеля и увидел упаковку от презерватива. Это была ревность, разрывающая на части. Я подвел её. Пытался защитить, а она хотела саморазрушения, и я не мог её остановить, хотя любил её очень сильно. Сравниться с такой болью могла лишь та, когда я пришел в её квартиру и обнаружил, что она снова меня бросила.

То, что я ощущаю сейчас, возможно, гораздо

хуже. Она уходит от меня, и у неё есть на это полное право. Нет ничего, чем я мог бы морально оправдать её побег ко мне от своего брака. Ной прав, но это не означает, что я собираюсь это принять.

За последние несколько месяцев мы узнали друг друга как взрослые, занимались любовью как взрослые, смотрели друг на друга как взрослые. И Оливия может отрицать это, пока её высокомерное лицо не посинеет, но мы взаимодействовали как взрослые. Как она может снова уйти от меня? Мы любили. Мы любим.

— Я должен поговорить с ней.

Я встаю, и он даже не пытается остановить меня. Они планировали это вместе? Что Ной придет и расскажет о её выборе? А я должен смириться? Очевидно, она забыла, что я готов на всё, лишь бы быть с ней. Бросаю «двадцатку» на стойку и ухожу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

За неделю до того, как мой ребенок вошел в этот мир, я получил звонок из офиса Оливии. Но не от неё. От её секретаря. Слава Богу, это была новая секретарша. Когда Оливия только пришла в фирму Берни, с ней работала другая, которая была больной на голову. Новенькую звали Нэнси, и она профессиональным тоном сообщила мне, что мисс Каспен попросила её сделать этот звонок. Три недели назад женщина по имени Анфиса Лисова связалась с Оливией, утверждая, что видела новость на CNN на русском языке. Она сказала, что является матерью девушки на фото рядом с Оливией, Джоанны Смит. Я чуть не выронил телефон.

Она хотела связать с девушкой, которая является её дочерью. Я упал в кресло и слушал рассказ Нэнси. Никто не знал, что Лию удочерили. Мы скрывали это от прессы и были осторожны, стараясь не допустить распространения информации. Это могло поставить под угрозу показания Лии, по крайней мере, так сказали юристы. Но мне казалось, это скорее поставило бы под угрозу психическое здоровье Лии. А больше ничего бы не изменилось. Кортни была овощем. Ее мать была алкоголичкой. Лия

балансировала на грани здравого смысла. И она носила моего ребенка. Кем бы ни была эта женщина, я не мог подпустить её к своей жене.

— Она говорит, что отказалась от ребенка в шестнадцать, когда начала заниматься проституцией в Киеве.

Черт, черт, черт.

— Она летит в Америку, чтобы встретиться с Джоанной, — продолжила Нэнси. — Мисс Каспен пыталась её остановить, но та была настойчива. Она хотела, чтобы я позвонила и предупредила вас.

Черт. Почему она раньше об этом не рассказала?

— Всё в порядке. Подскажите, как я могу с ней связаться?

Нэнси назвала мне отель и номер рейса и прежде, чем положить трубку, пожелала мне удачи.

Сначала Анфиса должна была прилететь в Нью-Йорк, а на следующий день сесть на самолет до Майами. Не было сомнений в том, кто она такая. Кто ещё мог знать, что родная мать Лии в шестнадцать лет была киевской проституткой? Её родители уж

точно никому об этом не говорили. Когда я попытался отправить письмо на электронный адрес Анфисы, который мне дала Нэнси, оказалось, что такого адреса не существует. Телефон также был недоступен. Я погуглил имя Анфисы, и поисковик выдал мне изображение прекрасной женщины с короткими рыжими волосами. В России она написала и издала три книги. Я ввел названия в переводчик, и узнал, что они означают: «*Моя жизнь проститутки*», «*Младенец, пропитанный кровью*», «*В поисках Матери-России*». За четыре года она не опубликовала ни одной книги. Я сразу же забронировал билет до Нью-Йорка. Моим планом было встретиться с этой женщиной, отправить её домой и вернуться назад к моменту рождения ребенка. У меня не было ни малейшего понятия, что она планировала получить от этой встречи, но тот факт, что семья Лии богата, не выходил у меня из головы. Ей нужна б ы л а новая история. Воссоединение с дочкой либо обогатило бы её, позволив взять творческий отпуск, либо же дало бы ей историю, которую она искала. Но Лия ни за что не захочет с ней встретиться, мать она ей или нет. И мне нужно, чтобы она сосредоточилась на собственном ребенке, а не на душевных переживаниях из-за матери. Я собирался позаботиться об этом. Предложить ей денег, если

придется. Но потом родилась Эстелла.

Я сказал Лие, что отправляюсь в деловую поездку. Она расстроилась, но я уговорил её мать приехать на несколько дней, пока меня не будет. Мне не хотелось покидать Эстеллу, но какие ещё были варианты? Если я не остановлю эту женщину до посадки на самолет до Майами, то через несколько дней она постучится к нам в дверь.

Я собрал небольшую сумку, поцеловал на прощание жену и дочку и улетел в Нью-Йорк на встречу с Анфисой Лисовой — биологической матерью Лии. Я едва мог усидеть в самолете. В наш медовый месяц, через несколько дней после того, как Лия призналась, что её удочерили, я спросил, хотела ли она встретиться с родной матерью. Прежде чем последнее слово слетело с моих уст, она уже качала головой.

— Ни за что. Мне это не интересно.

— Почему нет? Разве тебе не любопытно?

— Она была проституткой. Мой отец — отвратительная свинья. Что в этом интересного? Посмотреть, похожа ли я на неё? Не хочу выглядеть как проститутка.

Все ясно...

Больше мы это не обсуждали. А теперь я здесь, чтобы со всем разобраться. Возможно, я слишком много выпил в самолете. Приземлившись, заселился в отель и поехал к ней. Она остановилась в Хилтоне, рядом с аэропортом. Нэнси не знала, в каком она номере. Я попросил администратора позвонить ей и сказать, что приехал её зять. Затем устроился в кресле холле рядом с камином и стал ждать. Она спустилась через десять минут. Я узнал её по фото, которое видел в сети. В жизни она выглядела старше: больше морщин у глаз и вокруг рта. Волосы крашенные, но не в рыжий цвет, а стрижка такая же короткая. Я всматривался в её лицо, ища сходие с Лией черты. Возможно, это игра воображения, но когда она заговорила, я заметил знакомую интонацию. Я встал, чтобы поприветствовать её, а она смотрела на меня совершенно спокойно. Мое внезапное появление не выбило её из колеи.

— Вы муж Джоанны? Так?

— Да, — ответил я, ожидая, когда она присядет.

— Калев.

— Калев, — повторила она. — Я видела вас по телевизору. Во время суда. Откуда вы узнали, что я

здесь? — у неё был сильный акцент, но её английский очень даже неплох. Она сидела прямо, не касаясь спинки кресла. И выглядела скорее как русский воин, чем как обычная русская проститутка.

— Зачем вы здесь? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Нам стоит отвечать на вопросы друг друга, если мы хотим к чему-то прийти.

— Мне позвонили из офиса её адвоката, — сказал я, откидываясь в кресле.

— А, да. Мисс Оливия Каспен.

Боже. Её имя звучало красиво даже с русским акцентом.

Я никак не отреагировал на её слова.

— Может, нам стоит пойти в бар? Закажем выпить, — предложила она.

Я кивнул, сжав губы, и последовал за ней в бар отеля, где она села за столик рядом с выходом. После того, как бармен принес её водку и мой виски, она ответила на мой вопрос.

— Я приехала встретиться с дочерью.

— Она не хочет вас видеть, — произнес я.

Она сузила глаза, что снова напомнило мне Лию.

— Почему нет?

— Вы отказались от неё много лет назад. У неё есть семья.

Анфиса усмехнулась.

— Эти люди? Они не понравились мне ещё тогда, когда я отдавала её им. Уверена, мужчина даже не любит детей.

— Сложно хорошо думать о вас, когда вы отдали ребенка людям, которые даже вам не понравились.

— Мне было шестнадцать, и я спала с мужчинами, чтобы выжить. У меня не было выбора.

— Можно было отдать её более приятным людям.

Она отвернулась.

— Они предложили мне больше денег.

Я стукнул стаканом о стол сильнее, чем собирался.

— Она не хочет вас видеть, — строго сказал я.

Мое заявление немного её шокировало. Она опустила плечи, и её взгляд начал метаться по бару. Интересно, её гордая прямая спина была лишь для вида?

— Мне нужны деньги. Чтобы написать ещё одну книгу. И я хочу писать её здесь.

Так и думал. Я достал чековую книжку.

— Вы никогда не поедете во Флориду. И никогда не попытаетесь связаться с ней.

Она допила остатки водки как истинная русская.

— Мне нужно сто тысяч долларов.

— Как долго будете писать книгу? — я нацарапал её имя на чеке и взглянул на неё. Она же голодными глазами изучала листок в моих руках.

— Год, — заявила она, не глядя на меня. А я занес ручку над линией с суммой.

— Разделю сумму на 12 частей. Буду класть деньги на счет каждый месяц. Если свяжетесь с ней или уедете из Нью-Йорка, больше ничего не получите.

Она смерила меня взглядом, в котором было что-то, чего я не смог понять. Возможно, это было презрение. Ненависть из-за того, что в этой ситуации она будет зависима от меня. Досада от того, что шантаж сработал не так, как она рассчитывала.

— Что, если я откажусь?

Её вызывающее поведение было так похоже на поведение Лии.

— Она не даст вам денег. Просто хлопнет дверью перед вашим носом. Тогда вы не получите ничего.

— Ну что ж, зятек. Подписывай чек, и покончим с этим.

Вот так проблема была решена.

Я поменял билет и вернулся домой раньше. Больше от Анфисы ничего не было слышно. Я отправлял ей деньги даже после того, как мы с Лией развелись. Не хотел, чтобы её присутствие навредило Эстелле, даже если она не была моей. Через год она вернулась в Россию. Однажды я забил её имя в поисковик и узнал, что книга стала бестселлером. В конце концов, Лия, возможно, и услышит что-то о ней, но с меня хватит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Настоящее

Я направляюсь прямо в её квартиру. Если она ещё не дома, я буду ждать её возвращения.

Но она там. А когда открывает дверь, всё выглядит так, словно она ждала меня. Её глаза и губы

опухли. Когда Оливия плачет, её губы становятся больше и краснеют. Это самое красивое, хрупкое и женственное в ней.

Она отходит в сторону, впуская меня, и я прохожу мимо неё в гостиную. Она тихо закрывает дверь и следует за мной.

Потом обнимает себя руками и смотрит на океан.

— Когда ты уехала в Техас, после того, как мы... — делаю паузу, чтобы дать ей возможность понять, о чем я говорю. — Я приехал за тобой. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы преодолеть уязвленную гордость и найти тебя. Кэмми не хотела говорить, где ты, поэтому я просто оказался у неё на пороге.

Я рассказываю ей о том, как прятался за домом, когда увидел подъезжающую машину, и как услышал их с Кэмми разговор. О том, как постучал в дверь, когда она пошла наверх, чтобы принять в душ. Я рассказываю ей обо всем, но не уверен, слышит ли она меня, потому что её лицо застыло, а глаза не моргают. Даже её грудь не поднимается в такт дыханию.

— Я уже хотел подняться наверх, Герцогиня, когда Кэмми остановила меня. Она сказала, что ты забеременела после той нашей ночи. И рассказала мне про аборт.

Наконец статуя ожила. Свирепые глаза уставились на меня. Синий огонь — самый обжигающий.

— Аборт? — слово срывается с её губ. — Она сказала тебе, что я сделала аборт?

Сейчас... вот сейчас её грудь вздымается и опускается.

— Она это подразумевала. Почему ты не сказала мне?

Она открывает рот и проводит языком по нижней губе. Сам не знаю, почему сейчас разговариваю с ней об этом. Может, хочу напомнить ей о том, какая длинная у нас история, чтобы подтолкнуть её к тому, чтобы она выбрала меня.

— Кaleb, я не делала аборт. У меня был выкидыш. Чертов выкидыш!

Она пытается взять себя в руки, пока я

осмысливаю её слова.

— Почему Кэмми мне не сказала?

— Я не знаю! Чтобы держать тебя подальше от меня. Она была права! Мы плохо влияем друг на друга!

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что мне было больно! Я пыталась сделать вид, будто этого не было.

Не знаю, что мне вообще делать. Словно весь мир сговорился, чтобы нас разлучить. Даже чертова Кэмми, у которой все эти годы было место в первом ряду на спектакле о наших отношениях. Как она могла? Оливия старается не заплакать. Её губы шевелятся, пока она пытается выдавить хоть слово.

— Герцогиня, посмотри на меня.

Она не может.

— Что ты собиралась сказать мне?

— Знаешь... — мягко произносит она.

— Не делай этого, — умоляю я. — Это наш

последний шанс. Мы с тобой созданы друг для друга.

— Я выбираю его, Калев.

Её слова разжигают во мне злость. Я едва могу смотреть на неё и тяжело дышу. Её слова эхом звучат в моей голове, прожигая слезные каналы и оседая где-то в груди, вызывая такую сильную боль, что я едва могу ясно мыслить.

Несмотря на свой шок, поднимаю голову, чтобы взглянуть на неё. Она бледная, её глаза широко распахнуты.

Я киваю... медленно. И следующие десять секунд продолжаю кивать. Обдумываю оставшуюся жизнь без неё. Наблюдаю за её подавленным состоянием. И задаюсь вопросом, сделал ли я всё, от меня зависящее... и л и нужно было приложить больше усилий.

Но осталось кое-что, что мне необходимо сказать. То, что я уже говорил, и в чём так сильно ошибался.

— Оливия, однажды я сказал тебе, что когда-нибудь снова полюблю, и это всегда будет причинять тебе боль. Помнишь?

Она кивает. Для нас обоих это болезненное воспоминание.

— Это была ложь. Я знал это, даже когда так сказал. Я никогда не любил никого, кроме тебя. И никогда не люблю.

Я выхожу.

Ухожу как можно дальше.

Больше никакой борьбы, ни за неё, ни с ней, ни с собой.

Я раздавлен.

Сколько раз нужно разбить сердце, чтобы оно больше не могло исцелиться? Сколько раз я хотел быть неживым? Как один человек может полностью разрушить мою жизнь? Меня швыряет от состояния

онемения к невыносимой боли, и всё это... за час? Час ощущается как день, день как неделя. Я хочу жить, а потом мечтаю о смерти. Сначала хочу плакать, а потом кричать.

Я хочу, хочу, хочу...

Оливию.

Нет. Хочу, чтобы она страдала. Хочу, чтобы была счастлива. Хочу перестать думать и запереться в комнате. Желательно на год.

Я бегу. Бегу так быстро, что даже если бы началось восстание зомби, они ни за что бы меня не поймали. Когда я бегу, то ничего не чувствую, кроме жжения в легких. Мне нравится это ощущение, оно дает понять, что после целого дня онемения я все ещё могу что-то чувствовать. А в дни, полные боли, я напиваюсь.

Но от этого нет лекарства.

Проходит месяц

Второй

Третий

Четвертый

Эстелла не моя. Приходят результаты теста на отцовство. Мойра вызывает меня в свой офис, чтобы сообщить эти новости. Пять минут я тупо смотрю на неё, пока она оглашает результаты: нет никакой возможности, никакого шанса, что я её биологический отец. Я встаю и ухожу, не говоря ни слова. И еду, не зная куда. В итоге оказываюсь в своем доме в Напле, в нашем доме. Я не был здесь со временем той истории с Добсоном. Выключаю весь свет и делаю несколько звонков. Сначала в Лондон, потом моей матери, а затем риэлтору. И засыпаю на диване. Проснувшись на следующее утро, закрываю дом, оставив дополнительную связку ключей в почтовом ящике, и еду в свою квартиру. Собираю вещи. Бронирую билет. Улетаю. А сидя в самолете, смеюсь над собой. Я стал Оливией. Я убегаю, и меня больше ничего не волнует. Провожу пальцем по ободку пластикового стаканчика. Нет. Я начну все заново. Мне это необходимо. Если я смогу это сделать, то никогда сюда не вернусь. Продам наш дом. После всех этих лет. Дом, где мы должны были завести детей и вместе состариться. Его быстро

купят. Все эти годы я получал предложения, а риэлторы постоянно оставляли свои визитки, на случай, если решусь на продажу. Во время развода я отдал Лие все, что мог, лишь бы она не заполучила этот дом. Она не особо боролась за него, и теперь я понимаю, почему. Она приберегла для меня кое-что посерьезнее. Она хотела вернуть мне дочь, а потом снова ее отнять. Я закрываю глаза. Просто хочу уснуть навсегда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Оливия

Прошное

На вечеринках в честь дня рождения я всегда чувствую себя неловко. Кто вообще их придумал? Шарики, подарки, которые тебе не нужны... торт,

покрытый глазурью. Я девушка, предпочитающая мороженое. Вишневое с шоколадной крошкой. Кэмми купила мне банку такого и отдала сразу же, как только я задула свечи.

— Я знаю, что тебе нравится, — сказала она, подмигивая.

Благодарю Бога за лучших друзей, которые понимают, что тебе нужно на самом деле.

Я сидела у Кэмми на кухне, устроившись на барном стуле, и наслаждалась мороженым, пока остальные ели мой торт. Повсюду были люди, но я чувствовала себя очень одиноко. И каждый раз, когда мне было одиноко, я винила в этом его. Я поставила мороженое на стол и выглянула из кухни. Ди-джей поставил грустную песню. Какого черта на вечеринке в честь моего дня рождения играет что-то печальное? Я плюхнулась в шезлонг и, слушая музыку, наблюдала за покачиванием воздушных шаров. Шарики были худшей частью вечеринок. Они непредсказуемые: сначала приносят столько радостных эмоций, а в следующую секунду взрываются тебе в лицо. Я люблю и ненавижу непредсказуемость. Тот, кого нельзя называть, был непредсказуемым. Непредсказуемым, как босс.

Когда я послушно начала разворачивать подарки , мой муж стоял слева, лучшая подруга хихикала рядом с миленьким ди-джеем. И никак не ожидала увидеть посылку, упакованную в синюю бумагу.

Я уже открыла двадцать подарков. Слава Богу, что в основном это были подарочные сертификаты! Я их обожала. Не говорите глупостей, будто это не личные подарки. Нет ничего более личного, чем купить себе то, что нравится. Я только отложила последний сертификат на стоявший рядом стул, когда Кэмми оторвалась от флирта с ди-джеем и протянула мне последний подарок. Без открытки. Простая коробка, обернутая блестящей синей бумагой. Сказать по правде, до меня не сразу дошло. Если очень постараться, то можно натренировать свой мозг игнорировать некоторые вещи. И этот оттенок синего был как раз одной из них. Я разорвала ленту ногтем, потом сорвала обертку, скомкала её и бросила на пол. Люди начали отдаляться и болтать, заскучав от представления с разворачиванием подарков, поэтому, когда я открыла крышку коробки и перестала дышать, никто не заметил.

— Вот черт. Чертчертчертчерт.

Никто не услышал меня. Я увидела вспышку.

Кэмми сделала ещё один кадр и подошла ко мне, чтобы узнать, почему у меня такое выражение лица, будто я съела лимон.

— Вот черт, — произнесла она, заглянув в коробку. — Это?

Я закрыла крышку и передала коробку ей.

— Не дай ему это увидеть, — умоляла я, глядя на Ноя. Он стоял, отвернувшись, с пивом в руке и разговаривал с кем-то, скорее всего, с Берни. Кэмми кивнула. Я встала и бросилась к дому. Обошла толпу людей, которые все ещё ели мой торт. Повернула направо и, поднявшись наверх, зашла в ванную Кэмми. Там сняла туфли, закрыла дверь и наклонилась над раковиной, тяжело дыша. Через несколько минут появилась Кэмми.

— Я сказала Ное, что тебе стало плохо. Он ждет в машине. Ты сможешь поехать, или мне спуститься и сказать, чтобы он возвращался домой, а ты останешься у меня?

— Я хочу домой, — ответила ей. — Просто дай мне минутку.

Кэмми опустилась на пол, прислонившись

спиной к двери. Я села на край её ванны и начала чертить линии на полу большим пальцем ноги.

— Это было неуместно, — заявила она. — Вы вообще нормальные, если посылаете друг другу анонимные посылки?

— Это другое, — запротестовала я. — Я отправила чертово детское одеяльце, а не... это.

Я посмотрела на коробку, которая стояла рядом с Кэмми.

— Что он пытается сделать?

— Хм, он отправил тебе предельно ясное сообщение.

Я поправила воротник платья. *Почему тут так чертовски жарко?*

Кэмми толкнула коробку ко мне.

— Посмотри снова.

— Зачем?

— Потому что ты не видела, что лежит под бумагами о разводе.

На слове *развод* я вздрогнула. Наклонившись вниз, подняла коробку и достала оттуда пачку бумаг. Развод был тяжелым. Пока всё неофициально, но он заполнил бумаги. Зачем он мне это рассказывает? Словно это что-то изменит. Я кладу бумаги на раковину и смотрю, что лежит под ними.

— Господи боже.

Кэмми сжала губы и подняла брови, кивая.

Диск Pink Floyd из музыкального магазина, с трещиной посередине, «поцелуйный» пенни, позеленевший и сплюснутый, и спущенный баскетбольный мяч. Я провела пальцем по его неровной поверхности, затем положила всё на пол и встала. Кэмми сразу отодвинулась в сторону, а я открыла дверь и выбежала из ванной. Мне нужно поехать домой и заснуть навсегда.

— А что с твоим подарком? — раздался голос Кэмми позади меня.

— Мне он не нужен, — ответила ей. Но что-то съедало меня изнутри, поэтому я остановилась у двери. Вернувшись назад, вошла в ванную комнату и опустилась на колени перед ней.

— Если он думает, что это нормально, он ошибается, — прошептала я. Она кивнула, её глаза были широко распахнуты. — Он не имеет права так поступать со мной, — повторила я.

Она покачала головой в знак согласия.

— К черту его, — сказала я. И она подняла вверх большой палец.

Пока мы смотрели друг на друга, я нащупала на полу пенни.

— Ты этого не видела, — предупредила я, запихивая его в лифчик. — Потому что он меня больше не волнует.

— Не видела что? — покорно повторила она.

— Хорошая девочка, — я наклонилась и поцеловала её в лоб. — Спасибо за мою вечеринку.

А потом я пошла к машине, к моему мужу, к прежней жизни.

Через час я лежала в кровати, повернувшись к океану, даже несмотря на то, что сейчас было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Я могла слышать, как волны разбивались о берег. Сегодня океан был беспокойным. Не мог найти себе места. Ной смотрел телевизор в гостиной: через стену я слышала звуки CNN. Этот канал был для меня чем-то вроде колыбельной. Мы никогда не ложились спать в одно время, и каждую ночь я засыпала, слушая выпуск новостей. Сегодня ночью я была рада своему одиночеству. Если бы Ной присмотрелся повнимательнее — а он часто это делал — то заметил бы, что я притворяюсь больной. Он бы спросил, что случилось, а я не смогла бы ему солгать. Я так больше не поступала, потому и так предавала его, поддавшись своим неуправляемым чувствам. Пенни был зажат в кулаке и прожигал во мне дыру, но я не могла его выпустить. Сначала ко мне заявила Лия, бросив эти документы мне в лицо. Бумаги, о которых до этого момента я не знала. Сейчас он. Почему они просто не могут оставить меня в покое? Десяти лет достаточно, чтобы забыть старые отношения. За мои глупые решения я расплачивалась целую декаду. А встретив Ноя, наконец-то почувствовала готовность отправить мою разбитую любовь на покой. Но невозможно

отставить в прошлом то, что возвращается к тебе снова и снова.

Я встала и направилась к раздвижной стеклянной двери, ведущей на балкон. И оказавшись снаружи, подошла к перилам.

Я могла это сделать. Должна. Так ведь? Приручить призраков. Настоять на своем. Это была моя жизнь, черт побери! Пенни не был моей жизнью. И ему пора уйти. Я подняла руку, сжатую в кулак, и почувствовала, как ветер её обдувает. Всё, что мне нужно было сделать, — просто разжать кулак. Вот и всё. Так легко и так сложно. Но я не та девушка, которая бежит от трудностей. Поэтому закрыла глаза и разжала кулак.

На секунду мое сердце сжалось. Я слышала свой голос, но ветер быстро унес его. Вот. Все закончилось.

Я отступила назад от перил, внезапно ощутив холод. И спиной пошла в спальню, один шаг, два шага... но потом бросилась вперед, перегнулась через перила, вглядываясь в пространство между мной и землей.

Боже мой. Неужели я действительно это

сделала?

Да, и теперь моё сердце разрывалось из-за этого чертового пенни. *«Ты идиотка»*, — сказала я себе. — *«До сегодняшнего дня ты даже не знала, что у него все ещё хранилась эта монетка»*. Но, на самом деле, это не так. Я видела её внутри его Троянского коня, когда вломилась к нему домой. Он хранил его все эти годы. Но у него родился ребенок, а дети заставляют людей отказаться от прошлого и начать новую жизнь. Я вернулась в спальню и закрыла дверь. Я вернулась в спальню, закрыла дверь и забралась в постель, забралась в свою жизнь, и плакала, плакала, плакала. Словно маленький ребенок.

На следующее утро я решила выпить кофе снаружи. На душе было беспокойно, и я сказала себе, что на свежем воздухе станет легче. Но, на самом деле, мне хотелось постоять на том месте, где я выбросила монетку. Боже, я когда-нибудь перестану быть такой сентиментальной? Я была на полпути к балкону с кофе, зажатым в руках, когда моя нога наступила на что-то холодное. Отступив назад, посмотрела вниз и увидела свой пенни.

Ах!

Ветер. Должно быть, он задул его назад, когда я

его выпустила из руки. Я не поднимала его, пока не допила кофе. Просто стояла и смотрела. А когда, наконец, наклонилась, чтобы поднять его, то была уверена. От прошлого нельзя убежать. Невозможно игнорировать его, или похоронить, или выбросить с балкона. Нужно просто научиться жить с ним. Оно должно мирно сосуществовать с вашим настоящим. Если ты поймешь, как это сделать, то всё будет нормально. Я подняла пенни и подошла к книжной полке, чтобы достать книгу «Большие надежды». Прикрепила монетку к титульной странице и поставила книгу обратно. Вот так. Здесь она и должна быть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Настоящее

Я целую её и запускаю руку к ней под юбку. Она стонет в мой рот, и её ноги напрягаются в ожидании,

когда же мои пальцы залезут к ней в трусики. Моя рука задерживается на том месте, где ткань соприкасается с кожей. Мне нравится охота. Я не занимаюсь сексом с легкодоступными женщинами. Она произносит моё имя, и я оттягиваю материал. В моих планах — заняться с ней сексом. Она красивая. Смешная. Умная.

— Прости, — говорю я. — Не могу это сделать.

Отхожу от неё и опускаю голову вниз. *Боже.*

— Что это? — она придвигается ближе и кладет руки мне на плечи. Она милая. Но от этого ещё хуже.

— Я влюблен в другую, — признаюсь ей. — Она не моя, но мне до сих пор кажется, словно я ей изменяю.

Она начинает хихикать. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на неё.

— Прости, — извиняется она, прикрывая рот. — Это жалко и немного романтично, да?

Я улыбаюсь.

— Эта девушка, она в Америке?

— Мы можем не говорить о ней?

Она потирает мне спину и одергивает своё платье.

— Все нормально. Ты не совсем в моем вкусе. Я просто всегда хотела охмурить американца. Как в фильмах.

Она встает и идет к моему холодильнику.

— Милая квартира. Нужно купить ещё мебели, — она берет две бутылки пива и несет одну мне. Я виновато оглядываю комнату. Живу тут уже два месяца, а из мебели только диван, оставшийся от прежнего владельца, и кровать, которую я купил, как только въехал. Определенно, нужно пройтись по магазинам.

— Мы можем быть друзьями, — продолжает она, присаживаясь рядом со мной. — А теперь назови мне её имя, чтобы я смогла выследить на Фэйсбуке девушку, которая, мягко говоря, меня обломала.

Я провожу рукой по лицу.

— У неё нет страницы. И я не хочу произносить её имя.

— Каледб... — жалобно произносит она.

— Сара.

— Ладно, — соглашается она и встает. — Тогда увидимся в зале. Позвони, если захочешь выпить. Никакого секса.

Я киваю и провожаю её до двери. Она милая. Даже слишком, раз с юмором отнеслась ко всей этой ситуации.

Когда она уходит, я достаю ноутбук. И заказываю кухонный стол, кровать и гарнитур в гостиную. Затем просматриваю почту. Почти все письма связаны с работой. Моя мать пишет мне каждый день, но я не отвечаю. А вот когда вижу письмо от отца, открываю его. Должно быть, мать рассказала ему, что я вернулся в Лондон. Нажимаю на его имя.

Каледб,

Слышал, что ты вернулся в город. Давай поужинаем вместе. Позвони мне.

Вот и всё, что он написал сыну, которого не видел пять лет. Эх. А почему бы и нет? Я достаю телефон и записываю его номер. Возможно, на этот раз наше воссоединение удастся. Может, он меня удивит и больше не будет таким мудаком, как когда я ужинал с ним в прошлый раз, а он провел два часа, не вылезая из телефона.

Он сразу отвечает и соглашается встретиться со мной завтра вечером в местном пабе. Я иду к кровати и ложусь, не раздеваясь.

За пять лет мой отец не изменился. Если только поседел. И эта седина отлично подходила к его загару, который был результатом похода в солярий, потому что на солнце он краснеет.

— Выглядишь как я! — заявляет он, заключая меня в мужские объятия.

Я хлопаю его по спине и, улыбаясь, сажусь. Боже, я ненавижу этого ублюдка, но очень рад его видеть.

Он ведет себя так, словно последние пять лет мы видели друг друга каждый день. Но всё это показное.

Мой отец — продавец. С ним и террорист, сидя на электрическом стуле, почувствует себя как дома. Я ему это позволяю и много пью.

Наконец, мы подходим к тому, почему я здесь.

— Дело практически по твоей части. Проблема в женщине, которую я так желал, но она не стала моей, и в ребенке, которого я так хотел назвать моим и не смог.

Он морщится.

— Не по моей части, сынок. Я заполучил женщину, которую хотел.

Я смеюсь.

— Должно быть, она очень сильно на тебя повлияла, раз ты сбежал из своей любимой Америки.

Я никак на это не реагирую.

Внезапно он выдает:

— Я хотел увидеть мою внучку. Когда ещё думал, что она моя.

Ищу на его лице отсутствие искренности, но

ничего не нахожу. Он не целует мне задницу и не говорит что-то, лишь бы казаться вежливым. Он стареет и чувствует приближение смерти. Ему действительно хотелось встретиться с Эстеллой.

— Слышал, что твоя бывшая жена ещё хуже, чем моя первая бывшая жена, — он ухмыляется. — Как ты на это подписался?

— Наверно, я такой же дурак, как и ты.

Он ухмыляется.

— Приходи к нам на ужин. Познакомишься с моей новой женой.

— Конечно, — отвечаю я.

— У неё есть младшая сестра...

— Фу. Ты больной, — я качаю головой, а он смеется.

Звонит мой телефон. Американский номер. Я смотрю на отца, и он жестом показывает, чтобы я ответил.

— Сейчас вернусь, — говорю я и встаю. А ответив, сразу узнаю голос.

— Мойра, — приветствую её.

— Здравствуй, мой дорогой. У меня есть новости.

— Хорошо... — голова кружится. Я смотрю на часы. В Штатах сейчас два часа.

— Ты сидишь?

— Давай уже, Мойра.

— Когда твоя бывшая жена возила Эстеллу в клинику, чтобы сдать кровь, она написала в бумагах «Лия Смит» вместо «Джоанны». Но в тот день была и другая Лия Смит...

Я перебиваю её.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты получил чужие результаты, Калеб. Эстелла твоя. На 99,9% твоя.

— Боже мой.

Оказалось, что когда в больнице обнаружили ошибку, Лия сделала повторный тест. Она не хотела, чтобы я думал, будто Эстелла не моя. Это бы разрушило её продуманный план встретиться в суде по вопросу опеки, где все выглядело бы так, словно я бросил родную дочь. И я бросил её. Не боролся за правду. Я был настолько ослеплен болью, что не стал разбираться в ситуации. Ненавижу себя за это. Я пропустил так много важных моментов в её жизни, а всё почему? Потому что я идиот.

Мойра говорит, что поскольку я живу в другой стране, мне необязательно присутствовать на всех заседаниях. Но я всё равно лечу назад. Лия искренне удивляется, увидев меня в суде. Три раза за три месяца я летал туда. У меня годовой контракт с компанией в Лондоне, иначе я бы уже давно вернулся в Штаты. Когда судья видит, что я присутствую на всех трех слушаниях, он дает мне три недели в год на пребывание Эстеллы со мной в Лондоне, но в присутствии другого родственника. Это маленькая победа. Лия злится. Три недели. Двадцать один день и 3 трехсот шестидесяти пяти. Пытаюсь не

заикливаться на этом. Я проведу с дочкой целых три недели. И год практически закончится. В следующем году Мойра подаст апелляцию, мой контракт закончится, и я вернусь обратно. Принято решение, что с Эстеллой ко мне в Лондон полетит моя мать. Когда я спрашиваю, можно ли мне встретиться с Эстеллой до моего отъезда, Лия говорит, что у неё желудочный грипп, и это будет для неё слишком травматично. Так что мне придется подождать. Я лечу домой и начинаю готовиться. Покупаю кровать, которую ставлю в гостевую спальню. В первый раз она прилетит только на неделю, но я хочу, чтобы она чувствовала себя тут как дома. Поэтому покупаю всякие девчачьи штуки: одеяло с пони и цветами, кукольный дом, пушистое розовое кресло с пуфиком. За два дня до ее приезда, наполняю холодильник детской едой. И едва могу спать. Я так взволнован.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Настоящее

Уже сорок минут я слоняюсь по магазину игрушек, пытаюсь решить, что купить Эстелле. В фильмах, когда родители воссоединяются с детьми, в руках они обычно держат пушистую игрушку пастельных тонов, например, зайца. Но нет ничего хуже клише, поэтому я брожу между полок, пока не натыкаюсь на ламу. Несколько минут держу её в руках, улыбаясь как дурак. А потом несу на кассу.

Желудок скручивается в узел, когда я выхожу из метро. Доезжаю до аэропорта Хитроу по Пиккадилли и ошибочно подхожу к другому терминалу. Я два раза возвращаюсь назад, и когда наконец-то нахожу правильный терминал, приходит сообщение от моей матери, что самолет приземлился. Что, если она меня не помнит? Или решит, что я ей не нравлюсь, и всю дорогу будет плакать. *Боже*. Я весь на нервах. Сначала замечаю свою мать, ее светлые волосы убраны в идеальный пучок, даже несмотря на девятичасовой перелет. А когда опускаю глаза, вижу пухлую ручку, цепляющуюся за стройную руку моей матери. Потом замечаю копну рыжих кудряшек, обрамляющих лицо, очень похожее на Лию. Я улыбаюсь так сильно, что скулы начинает сводить. Не помню, когда улыбался в последний раз с того момента, как переехал в Лондон. Эстелла одета в розовую балетную юбку и футболку с изображением пирожного. Когда я замечаю, что она размазала

помаду по лицу, с моим сердцем происходит что-то невероятное: оно бьется очень быстро, но одновременно и ноет. Я вижу, как моя мать останавливается и показывает на меня. Эстелла ищет меня глазами. А когда находит, то отпускает бабушкину руку и... бежит. Я падаю на колени, чтобы её поймать. А она врзается в меня, слишком сильно для такой крохи. Она сильная. Я сжимаю в объятиях ее хрупкое тело и чувствую, как горят слезные протоки, пытаюсь выдавить слезы. Мне хочется поддержать ее так несколько минут, но она отклоняется назад, кладет обе ладони мне на лицо и начинает быстро-быстро говорить. Я подмигиваю матери в знак приветствия и снова смотрю на Эстеллу, которая в подробностях рассказывает о полете, сжимая лапу под мышкой. У нее сильный высокий голос, немного скрипучий, как у ее матери.

— И потом я съела моё масло, и Кукла сказала, что меня стошнит... — Куклой она называет мою мать, которая от этого просто в восторге. Думаю, что она просто рада, что её не называют «Бабулей» или «Бабушкой», от чего она чувствовала бы себя старой.

— Ты гений, — говорю я, когда она делает вдох. — Кто в три года так хорошо говорит?

Моя мать печально улыбается.

— Тот, кто не умолкает ни на минуту. Она непостижимо много практикуется.

Эстелла повторяет слово «непостижимо» всю дорогу до выдачи багажа. Она хихикает, когда я начинаю повторять вместе с ней, и к тому моменту, когда забираю их сумки с ленты, моя мать выглядит так, словно её голова вот-вот взорвется.

— Ты так делал, когда был маленьким, — говорит она. — Повторял одно и то же, пока я не начинала ругаться.

Я целую дочь в лоб.

— Кому нужен был тест на отцовство? — шучу я. Что было огромной ошибкой, потому что моя крошка повторяет «тест на отцовство» всю дорогу от аэропорта до машины, пока мне не удастся её отвлечь розовым автобусом, который проезжает мимо.

По пути домой Эстелла пытается разузнать, как выглядит её комната, какого цвета одеяло, которое я положил на кровать, есть ли у меня игрушки, может ли она заказать суши на ужин.

— Суши? — переспрашиваю я. — Как насчет

спагетти или наггетсов?

Она делает такое лицо, которому научить ее могла только Лия, и говорит:

— Я не ем детскую еду.

Моя мать поднимает брови.

— Тест на материнство никогда не понадобится,
— тихо замечает она. И мне с трудом удастся не рассмеяться.

Оставив вещи в моей квартире, мы идем в суши-ресторан, где моя трехлетняя дочурка сама съедает острый ролл с тунцом, а затем еще два ролла забирает у меня. Я в изумлении смотрю, как она смешивает соевый соус с вассаби и ловко управляет палочками. Официант принес ей совмещенную пару, завернутую в бумагу и скрепленную резинкой,

чтобы было проще держать их вместе, но она вежливо отказалась и начала ловко работать обычными палочками. Она пьет горячий чай из фарфоровой чашки, и все в ресторане останавливаются, чтобы прокомментировать её волосы и поведение настоящей леди. Лия проделала огромную работу, обучив её хорошим манерам. Она благодарит каждого, кто делает ей комплимент, с такой неподдельной искренностью, что даже доводит одну пожилую леди до слез. Она засыпает у меня на плече, когда мы на такси едем домой. Я хотел покатать её на метро, но моя мать заявила, что не хочет иметь дела с грязными вагонами подземки, поэтому мы вызвали такси.

— Я хочу покататься на поезде, папочка, — её личико прижато к моей шее, голос сонный.

— Завтра, — обещаю я ей. — Мы отправим Куклу к старым друзьям и будем делать много всяких мерзостей.

— Лано, — вздыхает она, — н о мамочка не любит, когда я... — а затем её голос обрывается, и она засыпает. Мое сердце стучит и ноет, стучит и ноет.

Следующую неделю я провожу наедине с моей дочерью. Мать навещает друзей и родственников, давая нам время, чтобы побыть вместе, сблизиться и делать, что захотим. Я водил её в зоопарк, парк, музей, и по её просьбе мы едим суши каждый день. Однажды вечером я уговорил её на спагетти, и её очень разозлило, когда макаронина упала ей на одежду. Она разрыдалась, лицо стало таким же красным, как и волосы, так что пришлось нести её в ванную и там кормить ужином. Не знаю, радоваться этому или нет. Когда я вытащил её из ванны, она потерла глазки, зевнула и уснула, как только надел на неё пижаму. Уверен, она наполовину ангел. И, разумеется, это досталось ей не от Лии.

Каждый вечер мы заезжаем к моему отцу. Он живет в Кембридже, в удивительном доме с конюшней на заднем дворе. Он водит Эстеллу от загона к загону, представляя ей каждую лошадь. Она повторяет их имена: Шугаркап, Нерфелия, Адонис, Стоки. Я смотрю, как он очаровывает мою дочь, и

чувствую благодарность за то, что она живет на другом континенте. Вот что он делает. Опускается до твоего уровня, на каком бы ты ни был, и одаривает тебя своим вниманием. Если тебе нравится путешествовать, он спросит, где ты был, будет внимательно слушать и смеяться над твоими шутками. Если ты интересуешься моделями автомобилей, он поинтересуется, как их собирать, и попросит его научить. Он заставит почувствовать, что ты единственный человек, достойный разговора с ним, а потом целый год не будет с тобой общаться. Огромное разочарование. Он никогда не соберет с тобой модель машины, отменит планы на обед, день рождения и каникулы. Выберет работу или кого-то другого, но не тебя. И будет снова и снова разбивать твое очарованное, полное надежды сердце. Но я позволю моей дочери насладиться сегодняшним днем, а завтра всеми силами постараюсь её защитить. Сломленные люди и любят не совсем нормально. Но все мы немного сломлены. Ты просто забываешь об этом, зашиваешь раны, оставленные любовью, и движешься дальше.

Из конюшни мы идем на кухню, где он устраивает шоу, делая гигантское мороженое и выдавливая взбитые сливки Эстелле в рот прямо из упаковки. Она заявляет, что ей не терпится скорее рассказать маме о новом лакомстве, и я больше чем

уверен, что всю следующую неделю буду отбиваться от грозных писем бывшей жены. Она любит его. Как и я когда-то. Так больно видеть, каким бы он мог стать отцом, если бы постарался. В последние два дня её пребывания я чувствую тошноту. Не хочу её отпускать. Хочу видеть её каждый день. В следующем году у неё начинается подготовка к садику. Затем детский сад и первый класс. Как же тогда нам выкроить неделю для поездки в Англию? *«Все получится»*, — убеждаю я себя. Даже если придется подкупить Лию для переезда в Лондон.

Когда мы прощаемся в аэропорту, Эстелла плачет. Она прижимает ламу к груди, её слезы падают на мех, она умоляет меня оставить её в «Вондоне». Я стискиваю зубы и ненавижу каждое решение, принятое мной. *Боже. Что, я так её и отпущу?* Лия — мерзкая, порочная стерва. Она оставила её в приемном покое, чтобы напиться, когда дочке была всего неделя. Разлучила её с отцом, лишь бы причинить мне боль. Её любовь условна, так же как и доброта, и я не хочу, чтобы её злость затронула мою дочь.

— Мам, — говорю я. Смотрю в глаза матери, и она понимает. Берет мою руку и сжимает.

— Дважды в неделю я встречаю её из школы и

забираю на выходные. Уверена, что она будет в порядке, пока ты не вернешься.

Я киваю, неспособный сказать что-то ещё. Эстелла рыдает, уткнувшись мне в шею, и боль, которую я чувствую, слишком сложно описать словами.

— Мне пора собираться и ехать домой, — говорю я матери поверх плеча дочери. — Я так не могу. Это слишком тяжело.

Она смеется.

— Тебе идет быть папочкой. Но придется поработать здесь до окончания контракта. А пока я буду привозить её к тебе.

Моя мать забирает её и проносит сквозь рамку. Мне хочется перепрыгнуть через ограждения и вернуть её.

По пути домой на метро чувствую себя очень подавленным и большую часть пути еду, опустив голову на руки. Я напиваюсь и пишу письмо Оливии, которое никогда не отправлю. Потом вырубаюсь, и мне снится, что Лия отвозит Эстеллу в Азию и говорит, что никогда не вернется.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Настоящее

Когда суд установил даты встречи с дочерью, я понял, что проведу с ней Рождество. Это будет наше первое совместное Рождество. Разгневанная Лия позвонила мне, когда узнала об этом от своего посредника.

— Рождество важно для меня, — заявила она. — Это неправильно. Ребенок не должен встречать Рождество без матери.

— Так же, как и без отца, — ответил я. — Но ты встречала его с ней два года.

— Это твоя вина, что ты уехал. Я не должна расплачиваться за твои глупые ошибки.

У неё было право возмущаться. Я сказал, что мне

пора, и повесил трубку.

Рождество не важно для Лии. Она не ценит семью или традиции. Ей нравится возможность нарядить дочь в красивое платье и пойти на рождественские вечеринки. Все нормальные матери так делают. Это сезон показа своих детей и распития обезжиренного, алкогольного эгг-нога (*Прим.: Эгг-ног — сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком*).

Узнав, что она проведет Рождество со мной, я иду покупать подарки. Компанию мне составит Сара. Мы выпивали пару раз, и я рассказал ей все про Оливию, Лию и Эстеллу, поэтому, когда поступило предложение пойти со мной, она с радостью согласилась.

— Значит, никаких кукол, — замечает она, держа в руках Барби. Я качаю головой.

— Её мать покупает ей кукол. Их и так слишком много.

— Как насчет принадлежностей для рисования? Воспитывайте в ней художницу.

Я киваю.

— Идеально, её мать ненавидит, когда она грязная.

Мы направляемся к полке с товарами для творчества. Она кладет в тележку пластилин, краски, мольберт и цветные карандаши.

— Ну, расскажешь что-нибудь про Оливию?

— Ты можешь не начинать?

Она смеется и берет коробку с мелками.

— Чувак, да у вас просто мыльная опера. А мне хочется знать, что будет дальше.

Я останавливаюсь у вешалки с футболками, которые можно разрисовать.

— Давай возьмем это, ей понравится.

Она кивает в знак одобрения.

— Я не разговаривал с нашими общими друзьями. Она сказала оставить её в покое, что я и делаю. Насколько я знаю, она забеременела и, черт возьми, живет долго и счастливо.

Сара качает головой.

— Незаконченное дело — это паршиво.

— Наше дело окончено, — отвечаю я резче, чем рассчитывал. — Я живу в Лондоне. У меня есть дочь. Я счастлив. Так чертовски безумно счастлив.

Мы оба одновременно смеемся.

Я разговариваю с матерью за день до её прилета ко мне вместе со Стивом и Эстеллой. Она ведет себя странно. Когда я спрашиваю, что случилось, она путается в словах и говорит, что просто вся на нервах из-за праздников. Чувствую себя виноватым. Стив и мать откладывают свои планы, чтобы привезти Эстеллу ко мне. Я мог бы приехать домой, но пока не готов. Она повсюду: под каждым переплетенным деревом, в каждой машине на дороге. Однажды боль утихнет, и я смогу посмотреть на апельсин, не вспоминая о ней.

А, может, не смогу. Может, жизнь состоит из призраков прошлого.

Я покупаю елку и катаюсь по городу в поисках розовых рождественских украшений. Нахожу коробку крошечных пуантов и розовых свинок с закрученными серебряными хвостиками. Когда я хватаю два рулона серебряной и розовой фольги, продавец улыбается мне.

— У кого-то дочка...

Я киваю. Мне нравится, как это звучит.

Она указывает на коробку с розовыми фламинго и подмигивает. Ее я тоже беру.

Оставляю все в гостиной, чтобы, когда она придет, мы смогли всё украсить вместе. Моя мать и Стив остановились в «Ритц Карлтоне» через несколько кварталов от нас. Думаю, позволить ли Эстелле самой решить, что у нас будет на праздничный ужин, хотя если она попросит суши или каре ягненка, я согласен и на это. На следующий день я приезжаю в аэропорт на час раньше, чтобы забрать их.

Я жду, сидя на краю ленты выдачи багажа,

которая не используется. И беспокоюсь. Глядя на пустой проход, подумываю купить и выпить эспрессо. Не знаю, почему, но у меня странное чувство, от которого скручивает желудок.

Люди начинают выходить, поэтому я встаю и жду перед толпой, пытаюсь разглядеть пучок маминых волос. Светлые волосы сложно будет пропустить. Брат однажды сказал мне, что помнит её с рыжими волосами, когда был ещё маленьким, но она упорно это отрицает. Я достаю телефон, чтобы проверить, нет ли пропущенных звонков или сообщений от неё, но ничего не нахожу. Она всегда пишет мне, когда прилетает. Мой желудок скручивает от боли. У меня очень странное ощущение. Что, если Лия сделала какую-нибудь глупость? От неё можно ждать чего угодно. Уже собираюсь набрать номер матери, как загорается экран телефона. На нем незнакомый номер.

— Алло?

— Калев Дрейк? — женский голос, тихий и с придыханием, словно она не хочет, чтобы её подслушали.

Меня бросает в дрожь. Вспоминаю последний раз, когда получал такой звонок.

— Меня зовут Кларибэль Васкез. Я консультант в Южном Медицинском центре Боки, — её голос обрывается, и я с бешено стучащим сердцем жду, когда она закончит фразу.

— Произошел несчастный случай, — объясняет она. — Ваши родители... ваша дочь. Они...

— Они живы?

Она замолкает. Такое чувство, что прошел час, десять часов. Почему она так тянет с ответом!

— Была авария. Полу...

— Эстелла? — спрашиваю я.

— Она в критическом состоянии. Ваши родители...

Не хочу, чтобы она продолжала. Я сажусь, но так как подо мной ничего нет, то сползаю по стене и падаю на пол, прикрыв лицо рукой. Я едва могу держать телефон: так сильно меня трясет.

— Её мать там?

— Нет, мы не смогли связаться с вашей бывшей женой.

— Эстелла, — говорю я. Это всё, что могу из себя выдавить. Слишком боюсь спросить.

— Её около часа назад привезли из операционной. Обширное внутреннее кровотечение. Сейчас она под наблюдением врачей. Было бы замечательно, если бы вы приехали.

Я отключаюсь, даже не попрощавшись, и иду прямо к кассе. Рейс через три часа. У меня есть время заехать домой, взять паспорт и вернуться назад. Я не думаю. Просто бросаю несколько вещей в сумку, ловлю такси назад в аэропорт и сажусь на рейс. Я не сплю, не ем, не думаю. *«Ты в шоке, — говорю я себе. — Твои родители мертвы»*. Но потом напоминаю себе, что не надо думать. Нужно попасть домой, к Эстелле. Позже буду их оплакивать. Прямо сейчас я должен думать только об Эстелле.

Из аэропорта я еду на такси. Звоню Кларибэль, как только закрываю дверцу. Она говорит, что состояние Эстеллы не изменилось, и она встретит

меня в холле больницы. Когда я забегаю в двери, Кларибэль ждет меня. Она очень маленького роста, и я вынужден наклониться, чтобы посмотреть на неё.

— Она всё ещё в критическом состоянии, — сразу же сообщает мне. — Нам так и не удалось связаться с Лией. Есть еще номера, по которым нам стоит позвонить?

Я качаю головой.

— Может быть, её матери. Пробовали ей позвонить?

Кларибэль качает головой. Я протягиваю ей свой телефон.

— Записана как *тёща*.

Она берёт телефон и ведет меня к лифту.

— Также стоит позвонить Сэму Фостеру. Если кто и знает, где она, так это он.

Она кивает и заходит внутрь со мной. Мы нажимаем на кнопку интенсивной терапии. Я смотрю на свет на этажах, мимо которых мы проезжаем. Когда мы останавливаемся на пятом, Кларибэль выходит первая и проводит ключ-картой

по сканеру рядом с дверью. Пахнет антисептиком, хотя стены окрашены в теплые тона. Это должно немного поднять настроение, но где-то вдали я слышу плач. Быстрым шагом мы идем к палате номер 549. Дверь закрыта. Она замирает и кладет свою маленькую ручку на мою.

— Увидеть её будет сложным испытанием. Примите во внимание, что на её лице ещё много отеков.

Я глубоко вздыхаю и вхожу внутрь. Свет приглушен, в палате звучит симфония медицинских аппаратов. Я медленно подхожу к её кровати. Мой маленький комочек укрыт одеялом. Когда я встаю над ней, то начинаю плакать. Маленькая прядка рыжих волос выбилась из-под бинтов. Только так я могу её узнать. Её лицо так сильно опухло, что если бы она проснулась, то едва ли смогла бы открыть глаза. Повсюду трубки: в носу, на шее, на её крошечных, покрытых синяками ручках. Как она пережила это? Как её сердце всё ещё бьется?

Кларибэль стоит возле окна и вежливо отворачивается, когда я плачу рядом с моей дочкой. Мне страшно прикоснуться к ней, поэтому я провожу мизинцем по её мизинцу, единственной части тела, не покрытой синяками.

Через несколько минут приходят доктора, чтобы поговорить со мной. Доктора. Их несколько, потому что у неё политравма. К тому моменту, как рейс 747 приземлился на американской земле со мной на борту, моя трехлетняя дочь пережила операцию. Я слушаю, как они говорят про её органы, шансы на поправку, месяцы реабилитации, которые ей предстоят. Когда они уходят, я смотрю на их белые спины и чувствую ненависть. Кларибэль, которая вышла на несколько минут, возвращается в палату с телефоном в руке.

— Я разговаривала с Сэмом, — мягко говорит она. — Лия в Таиланде. Вот почему никто не смог дозвониться до неё.

Мои глаза сужаются.

— Почему?

Кларибэль прочищает горло с хрипящим звуком.

— Всё в порядке, — говорю я. — У меня нет к ней никаких чувств.

— Она уехала со своим парнем. Потому что вы должны были остаться с Эстеллой на Рождество.

— Боже, и она никому ничего не сказала? Он смог с ней связаться?

Она крутит своё ожерелье и хмурится.

— Он пытается.

Закрываю глаза ладонями. Я не ел и не спал тридцать часов. Потом снова смотрю на Эстеллу.

— Её мать должна быть здесь. Сообщите мне, когда что-то узнаете.

— Я попрошу принести раскладушку. Вам следует поесть. Вам нужно быть сильным для Эстеллы, — говорит она.

Я киваю.

Я не ем. Но засыпаю на стуле рядом с её кроватью. А когда просыпаюсь, медсестра в палате проверяет её показания. Я провожу рукой по лицу, всё плывет перед глазами.

— Как она? — спрашиваю я. Мой голос охрип.

— Показания стабильные, — она улыбается, когда видит, как я потираю шею. — Ваша жена спит на раскладушке.

— Извините. Кто? — как Лия смогла так быстро вернуться?

— Мать Эстеллы, — отвечает она. — Она была здесь.

Я киваю и направляюсь к двери. Хочу знать, какого черта её не было рядом, когда наша дочь чуть не лишилась жизни. Когда у тебя есть ребенок, нельзя просто уезжать из страны, не говоря никому ни слова. Она должна была очутиться здесь еще раньше меня. Почему бы ей просто не оставить номер моим родителям... я останавливаюсь. Может, она так и сделала. Они не в силах это подтвердить. Может, поэтому моя мать так странно разговаривала со мной. Или, может, она знала, с кем Лия уезжает из страны, и расстроилась. *«Моя мать. Подумай об этом позже»*, — повторяю я себе, наверно, в тысячный раз за этот день. Я снова иду. За угол, в главный коридор, где расположена стойка медсестер. Звук клавиш... запах антисептика... я могу слышать приглушенные шаги и голоса, писк пейджера докторов. Вспоминаю о плаче, который слышал до этого, и думаю о том, что случилось с тем пациентом. Это были слезы страха, или горя, или сожаления? Прямо сейчас я могу плакать сразу из-за всего этого. Ищу глазами рыжие волосы, но не нахожу. Проведя рукой по шее, я встаю посреди

коридора, не зная, куда идти. Чувствую себя оторванным от мира, словно проплываю где-то над моим телом, вместо того, чтобы быть внутри. *Воздушный шар на веревочке. Так, наверное, выглядит утомление: всё размыто и приглушенно.* Внезапно я решаю, что не хочу никого искать. Поворачиваюсь, чтобы вернуться в палату Эстеллы, и тогда вижу её. Мы стоим на расстоянии нескольких ярдов, оба замерли, глядя друг на друга, удивленные и в тоже время нет, что оказались в одном коридоре. Я чувствую, как лопнул шарик, и внезапно возвращаюсь в своё тело. Снова могу ясно мыслить. Звуки, запахи, цвета, всё становится четким. Я снова нахожусь в привычном состоянии.

— Оливия.

Она медленно направляется ко мне, но не останавливается в нескольких шагах, как я предполагал. А идет прямо в мои объятия и прижимается ко мне. Я держу её, уткнувшись лицом в её волосы. Откуда у такой крошечной женщины может быть столько силы, чтобы я восстановился, просто глядя на неё? Я вдыхаю её в себя, чувствую её в кончиках пальцев. Знаю, знаю, знаю, я спичка, а она бензин, и друг без друга мы просто два предмета, которые никак не реагируют.

— Это ты была в палате?

Она кивает.

— Медсестра сказала, что мать Эстеллы была там. Я искал ее рыжие волосы...

Она снова кивает.

— Она так решила, а я не стала её переубеждать. Сэм позвонил Кэмми, Кэмми позвонила мне, — объясняет она. — Я сразу же приехала, — а потом прикасается ладонями к моим щекам. — Давай вернемся и посидим с ней.

Я вдыхаю воздух, стараясь сдержать переполняющие эмоции: облегчение от того, что она здесь, страх за мою дочь и злость на себя. Мы идем к Эстелле и, не произнося ни слова, садимся рядом с ней.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Настоящее

Оливия остается со мной на три дня. Она кормит меня, приносит одежду и сидит с Эстеллой, пока я принимаю душ в маленькой ванной, прилегающей к палате. Я не спрашиваю, почему она приехала, или где её муж. Вместо этого отбрасываю все вопросы и позволяю нам быть вместе в худшие дни моей жизни. Помимо Лии, неизвестно где пропадает и мой брат Сэт. Когда я в последний раз общался со Стивом, тот упоминал, что брат собирался на глубоководную рыбалку. Интересно, смогла ли и Кларибэль с ним связаться, и знает ли он о том, что наша мать и отчим мертвы? Затем на меня обрушивается вся странность этой ситуации. Лия и Сэт одновременно исчезли, а моя мать перед поездкой в Лондон с моей дочерью странно себя вела. Может, она узнала, что Лия и Сэт вместе? Я пытаюсь не думать об этом. Пусть делают, что хотят.

На второй день Оливия мягко напоминает мне о том, что пора заняться организацией похорон родителей. Поздним вечером я разговариваю по телефону с организатором похорон, когда входит Оливия, держа в руках два стаканчика с кофе. Она отказывается пить больничный кофе и совершает набег в «Старбакс» на соседней улице дважды в день. Я беру у неё стаканчик, она садится напротив меня. Альберт — *Требьла* — организатор похорон задает какие-то вопросы, но я не могу сосредоточиться на его словах. Цветы, вероисповедание, уведомления по почте. Так много всего. Когда она замечает, что я не могу принять решение, то ставит стаканчик кофе на пол и забирает у меня телефон. Я слышу, что она говорит тоном, который обычно использует в зале суда.

— Где вы находитесь? Да, я буду у вас через сорок минут.

Она исчезает на три часа. А вернувшись, сообщает мне, что обо все позаботилась. Она приехала к тому моменту, когда Эстелла очнулась. Я днями смотрел на её веки, поэтому практически расплакался, когда увидел цвет зрачков дочери. Она хнычет и просится к мамочке. Я целую её в нос и

говорю, что мамочка уже едет. У Лии возникли проблемы с рейсом из Таиланда. Мы поссорились по телефону. В последний раз, когда мы созванивались, у нее была пересадка в Нью-Йорке. Конечно же, она винит меня. Я тоже виню себя.

Когда доктора и медсестры выходят из палаты, Эстелла засыпает, держа меня за руку. Я так благодарен, что она не спросила про бабушку и дедушку. Даже после того, как её пальчики ослабли, я всё равно держу её маленькую ручку, и моё сердце бьется немного спокойнее.

Оливия стоит у окна, глядя на дождь. Она на несколько часов ездила домой, чтобы принять душ. Я думал, что она останется там на всю ночь, но через два часа она вернулась, одетая в джинсы и белую тунику, волосы ещё были влажные и пахли цветами. Я смотрю на её силуэт, и в десятый раз за день меня охватывает смешенное чувство горя и сожаления.

— Это моя вина. Я не должен был оставлять её. Мои родители не должны были везти мою дочь через полмира, чтобы встретиться со мной... — я впервые произношу это вслух.

Она выглядит испуганной, отворачивается от окна и смотрит в мою сторону. Но ничего не говорит.

Просто подходит и садится на свой стул.

— В тот день, когда я встретила тебя в музыкальном магазине, тоже шёл дождь, помнишь?

Я киваю. Помню всё о том дне — дождь, капли воды, падающие с её волос, то, что она пахла гарденийей, когда украдкой подошла ко мне.

— Добсон Скотт Орчард стоял перед музыкальным магазином. Он был под зонтом и предложил проводить меня до машины. Не знаю, была ли я одной из тех, за кем он следил, или выбрал меня на месте, но у меня был выбор: спрятаться под его зонтом или войти внутрь и поговорить с тобой. Похоже, в тот день я сделала правильный выбор.

— Боже мой, Оливия. Почему ты мне не рассказала?

— Я никогда никому не рассказывала, — пожимает она плечами, — но тот момент, момент, который изменил всё, оказал на меня сильное влияние. Вся моя жизнь была бы другой, если бы я не пошла тогда к тебе. В следующий раз ты увидел бы меня в выпуске новостей.

Она кивает, опустив взгляд в пол, её маленький

рот немного скривился. А потом она чуть тише продолжает.

— Если суммировать все те вещи, которые не должны были произойти в нашей жизни, то они бы убили нас всем своим весом, Калеб Дрэйк. Ни я, ни ты — никто не может знать наверняка, как наши решения повлияют на линию жизни. Если ты виноват, то и я.

— Как?

— Если бы я сделала то, что велело сердце, и сказала тебе «да», то ты бы не поехал в Лондон. Люка и Стив были бы живы, твоя дочь не лежала бы в больнице в состоянии комы.

Несколько минут мы молчим, пока я обдумываю её слова. Все, что она сказала, пугает.

— Тогда почему ты принялась за его дело?

Она глубоко вздыхает. Я слышу, как из неё выходит воздух.

— Приготовься, это прозвучит ужасно.

Я хватаюсь руками за стул, и у неё вырывается смешок.

— Я почувствовала связь с ним. В тот день мы оба боролись с нашими одержимостями, — она широко распахивает глаза, когда приступает к финальной части. — Мы оба искали кого-то. Мы оба были так чертовски одиноки, поэтому рискнули такими не быть. Ты чувствуешь отвращение ко мне?

Я улыбаюсь и провожу мизинцем по руке Эстеллы.

— Нет, Герцогиня. Твоя способность видеть ситуацию с разных сторон и мысленно ставить себя в один ряд с отбросами мира — вот за что я люблю тебя.

Я жалею о своих словах в ту же минуту, как они вылетают из моего рта. Вглядываюсь в её лицо, чтобы увидеть реакцию, но её нет. Может, она привыкла к моим признаниям в любви. Может, не услышала меня. Может...

— Я тоже тебя люблю.

Я встречаюсь с ней глазами и долго удерживаю её взгляд, а в это время моё сердце бешено стучит.

— Ну, разве это не прекрасно. Вся эта чертовски

неуместная любовь.

Наши головы устремляются к двери, когда Лия врывается в комнату. Она проходит мимо, даже не взглянув на нас. И направляется прямо к Эстелле. Признаю, хотя бы приоритеты она расставила правильно. Слышу, как у неё перехватывает дыхание, когда видит Эстеллу.

— Дерьмо, — произносит она. Её ладони прижаты ко лбу, а пальцы напряжены. Если бы ситуация не была такой плачевной, я бы рассмеялся. Она наклоняется к ней, еще раз повторяет: — Дерьмо, — а потом быстро встает. Качается на каблуках, затем опускается на кровать.

Она поворачивается ко мне.

— Она приходила в себя? Спрашивала про меня?

— Да и да, — отвечаю я. А в другой части палаты Оливия встает, словно собирается уйти.

Я беззвучно прошу: *«Подожди»* и поворачиваюсь к Лие, которая начинает плакать. Кладу руку на плечо бывшей жене.

— Она выбралась из леса. Все будет хорошо.

Лия смотрит на мою руку, а потом на мое лицо.

— Ты имеешь в виду, из рощи, — говорит она.

— Что?

— Из рощи, — повторяет она. — Ты сказал «лес». Но учти, что ты больше не в Англии, ты в Америке, а в Америке мы говорим «из РОЩИ» (*Прим.: имеется в виду устойчивое выражение «Be out of the woods» (дословно: «выйти из рощи»), означающее «избежать опасности». Кaleb же употребил вместо «woods» («роща») слово «forest» («лес»).*

Ее голос становится громче, и я понимаю, что за этим последует.

— А если бы ты остался в Америке, этого бы не произошло. Но ты сбежал из-за неё! — она показывает пальцем на Оливию. Если бы её палец был стрелой, то вонзился бы в сердце Оливии.

— Лия, — тихо произносит Оливия, — ещё раз покажешь на меня своим наманикюренным пальцем, и я вырву его прямо из твоей руки. А теперь отвернись и улыбнись, твоя дочь просыпается.

Мы с Лией поворачиваемся к Эстелле, чьи глаза распахнуты.

Я быстро одариваю Оливию благодарным взглядом, прежде чем она выходит из палаты.

Похороны назначены через три дня. Сэм приходит посидеть с Эстеллой, пока нас нет. Закрадывается подозрение, что между ним и Лией что-то происходит, но потом вспоминаю, что он сказал Кларибэль, что Лия была в Таиланде с мужчиной. Я с горечью размышляю, был ли этим мужчиной мой идиот-брат, но потом отбрасываю эту мысль. Я лицемер. Я спал с Оливией, когда та была официально замужем. Каждому по заслугам. Делаю глоток из бутылки с водой и нажимаю на газ. Несколько дней назад я попросил Оливию прийти на похороны.

— Твоя мать ненавидела меня, — ответила она по телефону. — Это будет неуважительно.

— Она не ненавидела тебя. Клянусь. Между прочим, если бы твой отец ненавидел меня, я бы всё равно пришел на его похороны.

Она тяжело вздыхает и соглашается.

— Хорошо.

Я всячески отгонял мысли о родителях, стараясь сконцентрироваться на том, что нужно Эстелле, но войдя в двери похоронного зала и увидев их гробы, стоящие рядом, теряюсь в воспоминаниях. Извиняюсь перед старым соседом, который хочет выразить соболезнования, и иду на парковку. На территории растёт плакучая ива. Я встаю под неё и дышу. Тут она находит меня.

Она ничего не говорит, просто стоит рядом со мной, взяв за руку и сжав её.

— Это все неправда, — прошу её. — Скажи, что всего этого не было.

— Это правда, — отвечает она. — Твои родители мертвы. Но они любили тебя. И любили твою дочь. У тебя осталось так много хороших воспоминаний.

Я смотрю на неё. Она видела, как умерли оба её

родителя, и, без сомнений, только один из них оставил достойные воспоминания. Интересно, были кто-то рядом, чтобы держать её за руку, после того как умерли Оливер и Виа. Я сжимаю её руку.

— Пойдем, — говорит она. — Скоро начнется служба.

Когда мы заходим в церковь, все взгляды устремлены на нас. Лия сидит рядом с моим братом. Когда она видит меня с Оливией, в её взгляде смешиваются ярость и ревность. Но она быстро отводит глаза и сдерживает гнев. Пока что.

Она знает, что Оливия не моя? Какая разница, если старый друг просто поддерживает меня? Потом она просто поедет к мужу домой. Я занимаю свое место впереди.

У моей матери был любимый сорт роз — «Английские садовые». Несколько корзин установлены вокруг её гроба и рядом с её портретом, который стоит на мольберте. Оба гроба закрыты, но Оливия сказала мне, что попросила одеть её в черное платье от «Шанель», которое выбрала из шкафа матери. Стив всегда в шутку говорил, что хочет быть похоронен в своей старой бейсбольной форме. Она покраснела, когда рассказывала, что взяла этот

костюм и принесла его в похоронное бюро и как ушла назад в машину с ним же. Я нахожу её руку и сжимаю. Невероятно, что она обо всем подумала. Я никогда бы не смог зайти в гардеробную матери, никогда бы не смог подобрать одежду, которую бы она оценила. Когда служба закончилась, я становлюсь с одной стороны двери, а мой брат с другой. Мы не разговариваем друг с другом, но общаемся со множеством людей, приносящих соболезнования. От этого меня тошнит. От всего этого. От того, что они мертвы. Что Эстелла не узнает их. Что все это — моя вина.

Когда комната пустеет, мы идем к могиле. На улице так солнечно, что все прячутся за солнечными очками. *«Похоже на похороны из «Матрицы»*, — со смехом думаю я. Моя мать ненавидела «Матрицу». Когда гробы с родителями опустили в землю и закопали, Лия начала ссору.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Возможно, это произошло из-за того, что она увидела меня, держащим за руку Оливию. Или, если в тебе столько яда, который больше невозможно сдерживать, то время от времени он просто вырывается наружу, отравляя всех вокруг. Что бы это ни было, это произошло.

— Калеб?

Я останавливаюсь и оборачиваюсь. Лия стоит рядом с машиной моего брата. Я направлялся к машине Оливии, прежде чем поехать в больницу. Такое чувство, что некоторое время мы с ней не увидимся, поэтому хотелось поблагодарить её за заботу обо мне. Оливия идет впереди, но оборачивается, чтобы посмотреть, почему я отстал. Дует ветер, который развеивает её платье и спутывает волосы. Мы все стоим на одинаковом расстоянии друг от друга. Мы с Лией в середине, Оливия и Сэт — по краям от нас.

Я чувствую, как все начинается. Клянусь Богом, у противостояния есть свой вкус. Я колеблюсь, прежде чем ответить.

— В чем дело, Лия?

Её волосы убраны наверх. Всегда думал, что когда она делает такую причёску, то выглядит более невинной. Бросаю взгляд на своего брата, который смотрит на неё с большим любопытством, чем я. Его палец застыл над кнопкой блокировки на ключах от машины. Если бы нас сейчас всех заморозили, получилась бы сцена из фильма Квентина Тарантино. Она открывает рот, и я знаю, что это не к добру.

— Я не хочу, чтобы ты приезжал в больницу. Ты дерьмовый, безответственный отец. И я сомневаюсь, что Эстелла еще раз полетит куда-нибудь, чтобы встретиться с тобой, — он а заканчивает предложение: — я пойду в суд требовать полной опеки.

Мое возражение зависло на кончике языка, когда я почувствовал легкое дуновение справа. Вижу вспышку черного, и Оливия проносится мимо меня. Я смотрю, как она направляется к Лие. Она движется по парковке, словно разъяренная река. В застывшем изумлении наблюдаю, как эта буйная река замахивается и ударяет Лию по лицу. Голова Лии от удара наклоняется в сторону, и когда она поворачивается, я вижу красный след от руки.

— Чееееерт, — я бросаюсь к ним одновременно с Сэтом. На мгновение мы с братом воссоединяемся в попытке остановить ответный удар Лии. Та кричит от злости, извиваясь и пытаюсь вырваться из объятий Сэта. Тогда я замечаю, что Оливия совершенно спокойна. Мои руки на её плечах, я шепчу ей на ухо:

— Герцогиня, какого черта ты творишь?

— Отпусти меня, — говорит она. — Я ничего не сделаю, — она всё ещё смотрит на Лию, поэтому я вижу лишь её затылок.

Отпускаю её, а она преодолевает разделявшее их расстояние и снова ударяет Лию. Сэт громко ругается. К счастью, на парковке нет никого, кроме нас нет.

— Ты, тупая стерва, я подам на тебя в суд, — кричит Лия.

Сэт отпускает её, и она подбегает к Оливии. Прежде чем ей удастся до неё добраться, я прячу Оливию у себя за спиной и блокирую руку Лию.

— Нет, — предупреждаю я. — Ты не тронешь её.

Сэт начинает смеяться. Лия поворачивается к

нему.

— Ты видел это, правда? Ты видел, как она ударила меня?

— Не важно, — говорю я. — Наше слово против вашего, а я ничего не видел.

Лия достает телефон и делает снимок красного отпечатка на щеке. Я качаю головой. Неужели, я действительно был женат на ней? Я отвлекаюсь, а Оливия выскакивает из-за моей спины и выхватывает телефон из рук Лии. Потом бросает его на землю и наступает каблуком, разбивая экран. Раз... два... три... я хватаю её.

— Ты сегодня решила умереть, Оливия? — произношу я сквозь зубы.

Рот Лии открыт.

— Я уничтожу тебя, — бушует она.

Оливия пожимает плечами. Не могу поверить, что она так спокойна.

— Ты это уже сделала. Ничего хуже уже не будет. Но, клянусь Богом, если ты облажаешься с Калемом, я собираюсь упрятать тебя за решетку за

одно из множества твоих незаконных действий. Тогда ты не увидишься с дочкой.

Лия закрывает рот. Я открываю свой. Не уверен, кто из нас больше шокирован этой яростной защитой.

— Ненавижу тебя, — огрызается Лия. — Ты все такой же ничего не значащий кусок белого мусора, каким всегда и была.

— Я даже не могу ненавидеть тебя, — отвечает Оливия. — Ты настолько жалкая, что у меня не получается. Но, не сомневайся ни на секунду, я воскрешу все твои старые делишки.

— О чем ты говоришь? — глаза Лии бегают из стороны в сторону. Интересно, что у Оливии есть на неё. Должно быть, что-то серьезное, если она думает, что сможет защитить себя этим от двух пощечин.

— Кристофер, — тихо говорит Оливия. Лицо Лии бледнеет. — Думаешь, откуда мне это известно?

Лия ничего не отвечает, просто смотрит.

— Это не упрячет тебя за решетку за фармацевтическое мошенничество, но было бы лучше...

Сэт смотрит на меня, и я пожимаю плечами. Единственный Кристофер, которого я знаю, — это тридцатилетний транссексуал, который работает — работал — на Стива.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Лия Оливию.

Та убирает темные волосы с лица и показывает на меня пальцем. Точнее, тычет пальцем в меня.

— Не смей оспаривать его опеку. Если сделаешь это, я засажу тебя. Поняла?

Лия не кивает, но больше не спорит.

— Ты преступница, — говорит Оливия. — И, по правде, выглядишь немного отъевшейся.

На этой фразе она поворачивается на каблуках и идет к машине. Я не знаю, что делать: остаться и смотреть на подавленное лицо Лии или бежать за Оливией. Л и я действительно выглядит слегка располневшей.

Сэт кивает мне, затем берет мою бывшую жену за руку и тянет её к машине. Я смотрю, как они уходят. Смотрю, как уходит Оливия. После их отъезда я стою ещё минут тридцать и глазею на

пустую парковку.

Кто, блин, такой этот Кристофер?

— Кто такой Кристофер, Герцогиня?

Я слышу музыку на другом конце линии. Она, должно быть, выключила радио, потому что через секунду музыка пропадает.

— Действительно хочешь это знать?

— От твоего высказывания лицо Лии покраснело в тон волосам. Да, я хочу это знать.

— Хорошо, — отвечает она. — Подожди, я сейчас в автокафе ««Старбакс»».

Я жду, пока она сделает заказ. А когда снова начинает говорить, её голос звучит так профессионально, словно она общается с клиентом.

— Лия переспала с сыном своей домработницы.

— Хорошо, — говорю я.

— На тот момент ему было семнадцать.

Я отпускаю руль, так как хватаюсь руками за волосы.

— Откуда ты знаешь?

Мы движемся в разных направлениях по 95-му шоссе, но я чувствую, как она ухмыляется. Вижу это.

— Ко мне приходила её домработница. Вообще-то, не ко мне, а к Берни. В прошлом году она установила в Майами парочку рекламных щитов, которые призывали жертв сексуального насилия прийти на встречу. Ну, знаешь, такая ужасная реклама, где адвокат серьезно выглядит, а в дальнем углу нарисован молоток, символизирующий надвигающуюся справедливость?

Да, встречал такие.

— В любом случае, мать Кристофера — Шоши — увидела такой и записалась на встречу в офисе. Когда она заполняла информацию о себе, я заметила, что она указала твой адрес в качестве своего.

Поэтому я принялась за её дело, прежде чем Берни успела встретиться с ней. Она хотела с кем-нибудь поговорить о своем сыне-подростке. Иногда она брала его с собой на работу и платила ему, если он помогал. Между тем, Лия так вдохновилась его работой, что попросила Шоши привозить его по выходным, и она стала бы платить ему за работу по дому. Через несколько месяцев, Шоши нашла презервативы в его кошельке и пару трусиков, которую видела сотню раз с тех пор, как Лия наняла его.

Я издаю стон. Оливия слышит это и смеется.

— Что? Ты думал, что она стала нормальной после всей этой сцены в стиле *«Кто папочка моего ребенка»*? После того её трюка?

— Ладно, но почему эта Шоши пришла к тебе? Почему бы просто не позвонить в полицию и не арестовать Лию за изнасилование?

— Вот где всё и усложняется, мой друг. Шоши сказала, что сын всё отрицал. Он отказывался втягивать Лию в неприятности из-за того, что она спала с несовершеннолетним, потому что к тому времени ему уже исполнилось восемнадцать, но мать заставила его согласиться по поводу сексуальных

ДОМОГАТЕЛЬСТВ.

— Что ты сделала, Оливия?

Её брови приподнялись. Я знаю, что это так.

— Ничего. Прежде, чем я успела что-то сделать, Шоши поменяла свое мнение. Похоже, Лия подкупила их. Но я всё ещё могу допросить его, и она это знает.

— Ох, — говорю я. — Слава Богу, ты такая коварная.

— Слава Богу, — повторяет она.

— Ты ударила её, Герцогиня.

— Мммм, — произносит она. — И мне очень понравилось.

Мы смеемся.

Затем следует долгое неловкое молчание. А потом она говорит:

— Мы с Ноем разводимся.

Мир вокруг замирает на секунду... две... три...

— Помнишь ту кофейню? Куда мы пошли после того, как столкнулись в продуктовом магазине?

— Ага, — отвечает она.

— Встретимся там через десять минут.

Когда я вхожу в кофейню, она уже там. Сидит за тем же столиком, что и годом ранее. Перед ней две чашки.

— Я заказала тебе чай, — объясняет она, когда я сажусь. Я ухмыляюсь над иронией. В этот раз моя очередь спрашивать её о расставании.

— Ну, так что произошло?

Она убирает прядку волос за ухо и с грустью смотрит на меня.

— Я забеременела.

Пытаюсь притвориться, что не обеспокоен этой маленькой новостью, но чувствую напряжение во всех мышцах на лице. Поэтому жду, когда она продолжит.

— И потеряла его.

Ох! Как много боли в её взгляде. Наши руки лежат на столе, так близко, что я касаюсь её мизинца своим.

— Он согласился завести ребенка, но когда я его потеряла, то почувствовала его облегчение. А потом...— она замолкает, чтобы сдержать слезы, и делает глоток кофе, — потом он сказал, что, может, это к лучшему.

Я вздрагиваю.

— После этого мы прожили еще несколько месяцев, а потом я попросила его уйти.

— Почему?

— Он хотел вернуться к прежней жизни. Он был счастлив и смеялся. В его понимании, мы попытались, и, значит, этому не суждено было сбыться. После такого я не могла оставаться с ним.

Это был мой второй выкидыш, — она смотрит на меня, и я киваю.

— Кто бы мог подумать, что холодная, бессердечная Оливия Каспен захочет иметь детей? — она горько улыбается.

— Я знаю, что ты сможешь. Это всего лишь вопрос времени и лечения.

Мы в тишине допиваем наши напитки. А когда встаем, я останавливаюсь в нескольких шагах от корзины с мусором со стаканчиком в руках.

— Оливия?

— Да?

— Если я попаду, ты пойдешь со мной на свидание? — я сминаю стаканчик как баскетбольный мячик и смотрю на неё.

— Да, — с улыбкой отвечает она. — Пойду.

И я попадаю.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Настоящее

Это начало нашей жизни. Это наш выбор. Постепенно мы разбираемся со всеми нашими проблемами. Я разорвал контракт в Лондоне, переехал домой и продал квартиру. Свою она тоже продала, и мы переехали в квартиру, из которой удобно добираться до работы и ей, и мне. Она далека от идеала: слишком много линолеума и постоянно ссорящиеся соседи. Но нас это не волнует. Мы просто хотим избавиться от прошлого и быть вместе. А с остальным разберёмся. Это займет некоторое время. У нас нет плана, у нас даже мебели нет, но нам и так нормально живётся. У нас постоянно происходят мелкие ссоры. Она ненавидит, что я не выбрасываю свой мусор: бутылки из-под воды, пакетики от печенья, фантики от конфет. Она находит их по всей квартире и устраивает шоу, собирая их и выбрасывая в мусорное ведро. Я ненавижу, что после неё в ванной пол всегда мокрый. Эта женщина не вытирается. Боже, мне чертовски приятно смотреть на её влажное тело, когда она идет из ванной в спальню, но научись уже пользоваться чертовым полотенцем! Она всегда застилает кровать.

Я мою посуду. Она всегда пьет молоко прямо из коробки, и это немного выводит меня из себя, но затем она напоминает, что ей приходится жить с моим храпом, и я соглашаюсь, что мы квиты. Но, черт побери, она такая смешная. Знал ли я, что мы можем так много смеяться? Или сидеть в абсолютной тишине и вместе слушать музыку? Как я мог жить так долго без всего этого? Я смотрю, как она сидит на каком-то из наших двух стульев: один — из её дома, другой — из моего. Её пальцы легонько стучат по клавишам ноутбука. Каждый раз, когда я возвращаюсь вечером домой, у меня возникает чувство, будто я сплю. Я обожаю этот сон!

Наклоняюсь к её шее, пока она работает, и целую сладкое местечко. Она дрожит.

— Прекрати, я пытаюсь работать.

— Меня это не волнует, Герцогиня...

Я снова целую её, моя рука скользит по её рубашке вниз. Её дыхание замирает. Не вижу её лица, но знаю, что её глаза закрыты. Встаю перед её стулом и протягиваю ей руку. Долгое время она смотрит на неё. Очень долго. А потом, не отрывая от меня взгляда, убирает в сторону компьютер и встает. Мы всё ещё познаем друг друга в сексуальном плане.

Она немного застенчива, и я боюсь, что моя агрессивность спугнет её. Но это мы. Я зажигаю свою спичку, она выливает бензин. И мы пылаем. Как и всегда.

Я веду её к кровати, останавливаясь на мгновение, чтобы притянуть к себе. И долго её целую. Целую, пока она не прижимается ко мне настолько сильно, чтобы я мог её приподнять.

— Со мной ты чувствуешь себя слабой? — спрашиваю её.

— Да.

— Как?

— Ты лишаешь меня самоконтроля.

Я расстегиваю молнию на её платье и снимаю его с плеч. Каждый секс с Оливией похож на попытку удержать равновесие между обольщением и психоанализом. Ненавижу бороться с её демонами за возможность раздвинуть ноги. Люблю это и ненавижу.

— Почему тебе всегда необходимо держать всё под контролем?

— Чтобы мне не причинили боль.

Не обращаю внимания на то, что она сказала. Я занят тем, чтобы снять с неё одежду. Добравшись до лифчика, опускаю чашечки, вместо того, чтобы полностью снять его. Одну грудь держу рукой. Другой рукой обнимаю её за талию, чтобы она не смогла вырваться. Не то чтобы она пыталась. Думаю, она уже моя.

— Тебе нравится чувствовать себя слабой?

Если бы я посмотрел ей через плечо, то увидел бы обнажённую часть спины в зеркале шкафа. На ней белые кружевные трусики.

Пожираю взглядом её ноги, пока жду ответа. Сердце бешено стучит; всё остальное изнемогает. Я уже знаю её ответ. Знаю, что ей нравится быть слабой. Это кайф для неё, хотя каждый раз он дорого ей обходится. Хочу удалить из неё этот страх и довести до точки, где она просто будет наслаждаться.

— Да.

— Я не уйду от тебя, — обещаю ей. — И не полюблю другую женщину.

Я выпускаю её грудь и провожу рукой между её ног. Отодвинув в сторону трусики, прикасаюсь к ней. Я уже понял, что если не снимать с неё белье сразу, это поможет процессу. Нужно подразнить эту женщину, чтобы все сомнения ушли прочь.

Она падает на кровать, я ложусь сверху. Она расстегивает лифчик и отбрасывает его в сторону.

— Хочешь попробовать что-нибудь новенькое?

Она кивает.

Я заставляю её сесть на меня сверху, а потом поворачиваю спиной ко мне. Теперь она сможет видеть себя в зеркале. Интересно, она будет смотреть.

Она наклоняется вперед, кладет руки на кровать между моими коленями и начинает вращать бедрами. В такие моменты я сомневаюсь, кто кого делает слабым. Эта женщина была рождена для секса. Она замкнутая, но когда расслабляется, я получаю самую чувственную поездку в моей жизни. Обе её руки лежат у меня на груди. Она раскачивается назад и вперед. Потом откидывает голову, и ее длинные волосы касаются моих коленей. Никогда в жизни не видел ничего более эротичного и прекрасного. Когда

её голова опускается вниз, волосы каскадом спадают на лицо. Я наматываю их руку и притягиваю её к себе для поцелуя. А пока я играю с её языком, успеваю перевернуть её. Она протестует, и я щипаю её плечо, подавая ей знак замолчать. Стою позади неё, она передо мной на коленях, но вместо того, чтобы наклонить её, я провожу ладонями по её рукам и хватаю за запястья, направляя их к каркасу кровати, чтобы она полулежала.

Перекидываю волосы ей через плечо, целую в шею и кладу руки на её бедра. Потом наклоняюсь вперед, чтобы прошептать на ухо:

— Держись крепче.

— Ты не можешь отрицать, что мы всё правильно сделали.

Она улыбается мне, её глаза сияют мягким светом. Взгляд Оливии не холоден только тогда, когда она подо мной, или когда отходит от того, что

только что была подо мной. Я научил её признаваться в любви в момент оргазма. Если она не произнесла «Я люблю тебя», значит, не испытала оргазма. Это расплата за все те годы, когда она не признавала своих чувств. После этого ей требуется примерно час, чтобы вернуться к прежнему сварливому настроению. Но на час после секса она достаётся мне мягкой и податливой. Мне нравится называть это «временным укрощением строптивой». Я живу ради этих часов, когда она смотрит на меня как на мужчину. Иногда она даже говорит это.

Ты мужчина, Калёб. Ты мужчина.

— А как тогда... неправильно? — она поднимает брови. — Разве можно это делать неправильно?

— Без тебя всё ощущается неправильным, Герцогиня.

Не сомневаюсь, ей понравились мои слова. Она двигается ближе и закидывает ногу на мою талию. Я легонько пробегаю пальцами по её позвоночнику, а когда добираюсь до «лучшей в мире задницы», кладу на неё руку.

Она ерзает, и я знаю, чего она хочет.

— Снова? — посасываю её палец, вызывая у неё дрожь.

— Снова, — отвечает она. — И снова, и снова, и снова...

ЭПИЛОГ

Мы с Оливией так и не поженились. Нам пришлось слишком многим пожертвовать, чтобы быть вместе. После того, что мы сделали с любовью, идея пожениться кажется почти ненормальной. Как-то вечером, будучи в Париже, мы приносим друг другу клятвы. В номере отеля, сидя рядышком на полу перед распахнутым окном. Открывается вид на Эйфелеву башню, а мы сидим, завернувшись в одеяло, на котором только что занимались любовью. Мы слушаем звуки города, когда она внезапно поворачивается ко мне.

— Мормоны верят, что когда они женятся в этой жизни, то остаются женатыми и в следующей. Я

подумала, может нам стоит обратиться в мормонизм.

— Ну, очевидно это единственный возможный для нас вариант, Герцогиня. Но что, если в следующей жизни мы будем женаты на наших первых супругах?

Она корчит гримасу.

— Очевидно, что мне тогда достанется меньше, чем тебе.

Я смеюсь так сильно, что мы оба падаем на ковер. А потом двигаемся ближе друг к другу, пока наши лица не оказываются в нескольких дюймах. Протягиваю руку, чтобы прикоснуться к небольшому овалу, который она носит на цепочке. Это наш пенни. Она превратила его в кулон, чтобы никогда с ним не расставаться.

— Куда бы мы ни отправились в следующей жизни, мы будем вместе, — обещаю ей.

— Тогда давай не попадем в ад, потому что встретим там Лию.

Я киваю в знак согласия, затем смотрю ей в глаза и продолжаю:

— Я сделаю всё, что смогу, чтобы защитить тебя. Буду врать, предавать и воровать, лишь бы с тобой все было хорошо. Разделю твои страдания, и буду нести тебя, когда ты больше не сможешь идти. Я никогда не оставлю тебя, даже если ты попросишь меня об этом. Ты веришь мне?

Она касается моего лица кончиками пальцев и кивает.

— Ты достаточно сильный, чтобы защитить своё сердце и моё и своё от моего. Я отдам тебе всё, что у меня есть, потому что с того момента, как я встретила тебя, это всё принадлежит тебе.

Я целую её и переворачиваюсь так, что оказываюсь на ней.

Вот и всё. Наши сердца женаты.

Мы ссоримся. Занимаемся любовью. Готовим огромные порции еды и от этого количества впадаем

в кому на несколько дней. Защитив убийцу и выиграв дело, она продала свою долю в бизнесе, и мы переехали в наш дом в Напле. Она говорит, что если продолжит защищать преступников, то попадет в ад, а ей совсем не хочется провести вечность в компании Лии. Она открывает собственное дело, а я работаю на дому. У нас есть огород. У Оливии руки-крюки, и все её растения погибают. Я возвращаю их к жизни, когда она не видит, а затем уверяю её, что у неё всё прекрасно получается. Она очень гордится своими (моими) томатами.

Мы пытались завести ребенка, но у Оливии дважды был выкидыш. Когда ей исполнилось тридцать пять, у неё диагностировали рак яичников, и их пришлось удалить. Целый год она не могла прийти в себя. Ради неё я стараюсь быть сильным. Но в тот момент я боялся отдать её не Ною, не Тернеру, не ей самой, а раку. Рак был врагом, и мне не хотелось так просто сдаваться. Чаще всего я просто молил Бога, чтобы он оставил её в живых и исцелил. Вот о чем я просил его — забрать рак, как будто мне было пять лет, а в моем шкафу прятался бугимен (*Прим.: Бугимен — популярная страшилка у детей в англоязычных странах — тот, кто вылезает в темноте ночью из шкафа в детской спальне или из-под кровати, чтобы съесть или утащить ребенка у себе в потусторонний мир*). Должно быть, Господь

услышал мои молитвы, потому что рак больше не возвращался, и бугимен был побежден. От воспоминаний о том времени мои руки до сих пор трясутся.

Я так хотел дать ей ребенка. Иногда, когда она допоздна засиживается в офисе, я сижу в комнате, которая должна была стать детской, и думаю о прошлом. Это бессмысленная пытка, но полагаю, такова моя расплата за то, что я глупый, избалованный парень. Оливии не нравится, когда я так думаю. Она говорит, что мои мысли слишком глубокие, и они её огорчают. Вероятно, она права. Мне ненавистна мысль, что она может заметить то, что вижу я: если бы мы поступали правильно, если бы я боролся изо всех сил, а она не сопротивлялась так упорно, мы были бы вместе гораздо раньше. И успели бы завести детей прежде, чем стало слишком поздно. Но мы этого не сделали, и нас обоих это немного сломало.

Я пришел к выводу, что в нашей жизни нет

никаких установленных правил. Ты делаешь то, что должен, чтобы выжить. Если это означает убежать от любви всей своей жизни, чтобы сохранить своё психическое здоровье, ты делаешь это. Если это означает разбить чужое сердце, чтобы сохранить в целости собственное, ты делаешь это. Жизнь сложная штука, слишком сложная, чтобы существовали какие-то абсолютные истины. Все мы в какой-то мере сломлены. Подними человека, потряси его и услышишь, как звенит множество мелких разбитых кусочков. Осколков, которые образовались из-за наших отцов, матерей, друзей, знакомцев, любви. В Оливии теперь они звенят не так громко. По её словам, *любовь — это инструмент, данный Богом. Она расставляет всё по местам и убирает осколки, которые тебе больше не нужны.* Я верю ей. Наша любовь исцеляет нас. Надеюсь, когда через несколько лет потрясу её, то услышу лишь тихую мелодию.

Лия ещё раз вышла замуж и родила ребенка. К счастью, это мальчик. Когда Эстелле исполнилось девять, она переехала к нам. Несмотря на статус «мачеха», Эстелла любит Оливию. У них похожее чувство юмора, и я частенько становлюсь объектом их шуток. Иногда, возвращаясь вечером домой, я застаю их сидящими рядом на диване, закинув ноги на кофейный столик и открыв ноутбуки, они следят

за парнями. Оливия говорит, что хотела бы иметь страницу на Фэйсбуке, когда мы были молодыми. Она напоминает об этом каждый день. Не уверен, кто больше удивлен их близкими отношениями: я или Лия.

Лия всё ещё ненавидит Оливию. Оливия благодарна, что Лия отдала нам Эстеллу. К счастью, Эстелла похожа на мать только рыжими волосами. В нашей семье даже есть шутка, что у всех волосы разного цвета. Цвет воронова крыла, рыжий и светлый. Мы странно выглядим на публике.

Мы растим по-настоящему прекрасную маленькую душу. Она хочет стать писателем и однажды рассказать нашу историю. С нами всё будет нормально. Вот что происходит с людьми, предназначенными друг для друга. Вы просто работаете над этим, пока всё не становится нормальным.

Мы занимаемся любовью каждый день, несмотря ни на что. Она — единственная женщина, которая с каждым годом становится ещё прекраснее. И я смотрю только на неё.

КОНЕЦ КНИГИ

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!